

Вячеслав Гиззатов

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Алматы 2021

УДК 94(574)
ББК 63.3(5 каз.)
Г 46

Гизатов В.

Г46 Время перемен. — Алматы: Издательский дом «Эксклюзив», 2021. — 348 с.
ISBN 978-601-06-7178-2

В прошлом советский разведчик, работающий под дипломатическим прикрытием, Вячеслав Хаменович Гизатов рассказывает о годах службы в Москве в Первом главном управлении КГБ СССР. Он начинал карьеру в маоистском Китае в годы «культурной революции», когда советско-китайское противостояние достигло крайнего напряжения и грозило перерасти в крупномасштабный военный конфликт двух социалистических ядерных гигантов.

Возглавляя подразделение внешней разведки, координирующее ее глобальную работу на китайском направлении, автор мемуаров длительное время участвовал в сложнейших советско-китайских переговорах по пограничной проблеме, а также в непростом процессе нормализации отношений между Москвой и Пекином в 80-е годы прошлого века.

Распад Советского Союза и вызванные этим перемены не оставили Вячеслава Хаменовича равнодушным. В пятьдесят лет неожиданно для всех он выходит в отставку и в мае 1992 года уезжает в Алма-Ату, увлекаемый горячим желанием принять посильное участие в строительстве казахского национального государства, о котором мечтали многие поколения наших предков. Он войдет в состав первых руководителей нового Министерства иностранных дел и по праву считается одним из отцов-основателей дипломатической службы независимого Казахстана.

И в последующем, на постах заместителя министра иностранных дел, чрезвычайного и полномочного посла в Иране, Германии и Туркменистане, многолетнего руководителя правительственной делегации Казахстана по демаркации государственной границы, Вячеслав Хаменович Гизатов внес большой личный вклад в продвижение интересов Казахстана на международной арене, обеспечение его безопасности.

В книге читатель найдет малоизвестные, а то и вовсе неизвестные факты об отдельных аспектах внешней политики молодого казахского государства, о ряде исторических личностей, с которыми автору приходилось встречаться при различных обстоятельствах.

УДК 94(574)
ББК 63.3(5 каз.)

ISBN 978-601-06-7178-2

© Издательский дом «Эксклюзив»

Оглавление

<i>От автора</i>	4
Корни.....	6
Становление.....	18
Китай.....	38
Лаос.....	79
Москва.....	93
Казахстан.....	106
Иран.....	188
Германия.....	223
Туркменистан.....	253
ОБСЕ.....	290
Демаркация государственной границы.....	295
<i>Биографические справки</i>	310
<i>Приложение</i>	336

От автора

Мемуарная литература давно завоевала прочное место как источник важных исторических сведений о событиях и фактах, относящихся к периоду жизни авторов воспоминаний. Ценность мемуаров заключается в том, что они проливают свет на малоизвестные аспекты исторических событий, свидетелями которых были их авторы.

Этот жанр страдает субъективизмом, что, в общем-то, объяснимо и понятно. В юриспруденции хорошо известна ситуация, когда два непосредственных свидетеля одного и того же события отражают его в своих показаниях по-разному. Так бывает не только по отношению к конкретному жизненному случаю, но и когда речь идет о фактах общественного значения, их участниках и свидетелях.

Я не претендую на объективность своих сугубо личных и, следовательно, субъективных воспоминаний. Затронутые в книге события другим их участникам могут представляться по-иному, чем мне, что естественно и вряд ли может вызывать возражения.

Я не стремился хронологически последовательно излагать события, анализировать отдельные аспекты внешней политики Советского Союза, а затем и независимого Казахстана. Они присутствуют в книге как фон, как общественно-политическая среда, в которой проходила моя жизнь и работа. Поэтому данная книга не является мемуарами в общепринятом понимании — она скорее адресована моим детям, внукам и правнукам в надежде на то, что моя жизнь, как и жизнь моих и их предков, сведения о которых также содержатся в этих записях, представит для них определенный интерес.

Мне посчастливилось застать переломный исторический момент, период «геополитической катастрофы», как

охарактеризовал распад Советского Союза президент России В. Путин, и становления молодого казахского государства в лице Республики Казахстан и ее дипломатической службы, и буду рад, если интересующийся этим временем читатель найдет в книге что-то интересное и полезное для себя.

В заключение еще раз подчеркну, что описываю не исторические события или внешнюю политику, а вспоминаю эпизоды своей жизни и встречи с некоторыми известными современниками так, как они отложились в моей памяти и видятся с позиции сегодняшнего дня, поскольку я не вел дневниковых записей.

Корни

Я родился 9 апреля 1942 года в поселке Каратобе Каратобинского района Западно-Казахстанской области. Родители приехали в Каратобе в 1940 году. Отец, Хамен Гиззатович Гиззатов, 1915 года рождения, работал заведующим отделом здравоохранения Каратобинского района, мать, Махфуза Габитовна Вахитова, 1916 года рождения, — фельдшером в районной больнице. Здесь же заместителем председателя райисполкома Совета депутатов трудящихся работал и дед, Гиззат Ашигалиевич Ашигалиев. На самом деле родиной предков является поселок Орда, знаменитая ставка хана Букеевской орды Жангира. Кстати, похоронен дед там же, недалеко от мавзолея этого правителя Букеевской орды.

Отец в ноябре 1941 года ушел на войну и в августе 1942-го погиб под Москвой, где похоронен в братской могиле. Вырос я без отца. Его нам заменила мать. Оставшись в 26 лет вдовой с тремя малолетними детьми, она больше не вышла замуж и посвятила себя детям. Она сыграла главную роль в моем воспитании и формировании как личности, одна подняла ноги и вывела в люди и меня, и старших своих детей — сына Елдоса и дочь Светлану. Поистине, как утверждал великий немец Гёте, «самая лучшая мать та, которая может заменить детям отца, когда его не станет».

Мне часто задают вопрос, почему казах, выросший в глухом ауле, носит русское имя. Однажды его задал и Нурсултан Абишевич Назарбаев. Когда я родился, у меня над правым веком, по словам матери, было большое родимое пятно. По казахскому поверью, если в имени ребенка будет слово «мең», что означает родимое пятно, то оно исчезнет со временем. Следуя этой традиции, мать дала мне имя Меңжан. Поверье не подвело: через дней двадцать родимое пятно исчезло. Тут с фронта от отца пришло запо-

здалося письмо, в котором он просил, если родится мальчик, назвать его Вячеславом — в честь своего фронтового товарища. Зарегистрировали меня под этим именем. Таким образом, официально я Вячеслав, но родственники и друзья зовут Меңжаном. После того, как я рассказал эту историю, так же стал называть меня и Нурсултан Абишевич.

Принадлежу я к роду ногай-казах, который делится на четыре подрода: Үйсін, Қояс, Қазанқұлақ и Қостанбалы. Мои предки, как и я и мои потомки, относятся к Қазанқұлақ. Происходим мы, как видно из названия рода, от великих и славных ногаев, воспетых в героических эпосах «Ер Төстік», «Алпамыс», «Қобыланды батыр», «Қамбар батыр», «Ер Таргын», «Ер Қосай», «Ер Сайын», «Едіге», «Қырымның қырық батыры», «Ер Жабай», «Ер Шора», «Орақ Мамай» и др. В этих и во многих других исторических легендах события относятся ко временам Ногайской орды и происходят в многолюдном ногайском улусе, то есть «қалың ногай елінде» или «ногайлыда».

Об этом говорится в самих указанных выше бессмертных памятниках истории и творчества народа. Их основными действующими лицами являются именно ногаи. Например, о происхождении Қамбара в «Қамбар батыре» сказано, что он «қазақ емес, сарт емес, Қамбар түбі ногайлы...». Таких прямых свидетельств происхождения и принадлежности главных героев к ногайлы во множестве можно найти в этих произведениях.

Здесь не место для подробного разбора истории ногаев, которая еще не до конца исследована, хотя ей посвящены серьезные труды именитых историков, включая великого Чокана Валиханова. Считаю уместным привести лишь краткие сведения о появлении относительно небольшой группы ногаев в Букеевской орде, которая и послужила основой для зарождения рода ногай-казахов.

Как пишет исследователь истории ногай-казахов Амангельді Уәлиев в своей небольшой, но насыщенной фактами книге «Ноғай-қазақ шежіресі»¹, до 1750-х годов наши предки проживали на берегах рек Сакмар, Жем, Сағыз, то есть на землях, которые ныне относятся к Актыубинской области Республики Казахстан и граничат с Оренбургской областью Российской Федерации.

Согласно легенде, передававшейся из уст в уста, от отца детям, населявшие берега реки Сакмар ногаи восстали против произвола и притеснений местной царской администрации, и, спасаясь от преследований, 25 кибиток под водительством Дойнаша за одну ночь снялись с насиженных мест и в поисках защиты и покровительства направились в относительно недавно созданную Букеевскую орду, расположенную между Волгой и Уралом. Эту историю и я слышал подростком от своего деда Гиззата Ашығалиева. Его рассказ не был сухой историей перекочевки ногаев, а был окрашен в живые краски подлинных событий, следы которых можно найти и сегодня.

Продвигаясь по землям Букеевской орды, беженцы присматривались к ним, собирали информацию, прикидывая для себя, какие места при благоприятном исходе дела они могли бы попросить у хана. Достигнув ханской ставки и в ожидании приема хана, старики заранее разработали тактику беседы с правителем и включили в делегацию одного молодого джигита. Когда хан спросил о цели прибытия, старики попросили взять их под свое покровительство, обещая верно служить ему как в мирное время, так и во время войны. Когда речь зашла об отведении земель для поселения и пастбищ для скота, свою роль сыграл молодой джигит, который вскочил с места и заявил, что мы не смеем просить хорошие пастбища у хана и нас вполне

¹ А. Уәлиев. «Ноғай-қазақ шежіресі». Издана в Уральске в 2003 году.

устроили бы пески Нарын-кума. Глава делегации осадил джигита и стал просить прощения у хана за его невоспитанность, так как пески, о которых шла речь, входили в родовые владения хана. Хан призадумался и решил, что не дело отдавать земли предков беглым ногаям, выделил им пастбища вокруг Тау (гора), которые и присмотрели старики для поселения. Таким образом, хитрость удалась, и поселившихся там ногай-казахов стали называть «тау қазанқұлағы». Это мои далекие предки.

Приведенная легенда не дает полной картины появления и расселения в Букеевской орде ногай-казахов, так как они заняли более обширные земли, чем Тау өлкесі. Судя по следующим строкам, Бөкей хан тепло принял возглавляемых Дойнашем ногаев, прежде всего как пополнение своего войска:

*Еліміз малын айдап, жер жайласын,
Тұлпарын қазақ, ногай тең байласын.
Батыр деп қабылдаймын батырыңды,
Дұшпандар асыра алмас енді айласын.*

В Букеевской орде ногай-казахи тесно сблизились с влиятельным родом беріш, с которым породнились через многочисленные перекрестные браки. Ногай-казахи вскоре сами превратились во влиятельную силу благодаря бурному росту численности и экономической мощи. Так, по переписи 1814 года ногай-казахи составляли уже 650 кибиток и уступали лишь родам черкеш, жаппас и адай. Представитель ногай-казахов бий Шомбал Ниязов стал наиболее приближенным к Жангир-хану в числе его двенадцати биев. Среди управителей рода ногай-казахов был и знаменитый композитор Даулеткерей Шигаев.

Став частью казахского народа, ногай-казахи разделили его судьбу. В советское время они внесли достойный

вклад в историю казахского народа, дали немало славных имен в различных сферах деятельности как местного, так и республиканского масштаба. К их числу по праву относится Мустаким Белялович Иксанов². Уроженец глухого казахского села Борсы Джанибекского района Западно-Казахстанской области, Мустаким Белялович благодаря своим незаурядным личным качествам поднялся до уровня крупного партийного и государственного деятеля. В разные годы он возглавлял Кызыл-Ординскую, Джамбульскую и Западно-Казахстанскую области, избирался в члены Центральной ревизионной комиссии ЦК КПСС, был депутатом нескольких созывов Верховных Советов СССР и КазССР, кандидатом в члены ЦК КПСС, заместителем Председателя Совета Министров КазССР и секретарем ЦК КПК.

Жители Западно-Казахстанской области, которую девять лет возглавлял Мустаким Белялович, и сегодня тепло вспоминают его как талантливого и эффективного руководителя, оставившего заметный след в развитии области. Мне посчастливилось познакомиться с ним в Москве, куда он нередко приезжал на пленумы ЦК КПСС или сессии Верховного Совета СССР. Мы с женой всегда с большим уважением вспоминаем его и нашу мудрую Саиду-женге, которые уделяли нам свое внимание и оказывали гостеприимство во время приездов в родной Уральск (ныне город Орал). Да обретут покой их души в раю!

Сегодня их дочь, Гульнара Иксанова, высоко несет славное имя своего отца, она — депутат Мажилиса Парламента РК нескольких созывов.

Мой отец окончил Уральское медицинское училище, где, кстати, и познакомился с матерью, и курсы организаторов здравоохранения при Харьковском медицинском

² См. биографическую справку на стр. 310.

институте. В ноябре 1941 года ушел на фронт, где воевал старшим военфельдшером в танковом батальоне и погиб 13 августа 1942 года.

Когда отец ушел на фронт, мать была беременна мной. Она сохранила извещение о его смерти (казахи называли этот документ қара қағаз — черная бумага, так как она несла черную весть), в котором указано место гибели и захоронения отца. Благодаря этому в апреле 1975 года мы с братом Елдосом, который учился тогда в Москве в аспирантуре, разыскали его могилу, а на 30-летие Победы в Великой Отечественной войне всей семьей и с родственниками во главе с мамой были на открытии памятника на братской могиле, где лежит и отец (деревня Ореховня Износковского района Калужской области, примерно в 200 километрах от Москвы).

Вместе с ним лежат воины разных национальностей из многих регионов необъятного Советского Союза. Изучая в военном комиссариате Износковского района альбомы с именами захороненных в этом районе бойцов Красной Армии, мы с братом насчитали только мусульманских фамилий 18 тысяч. Нас поразили масштабы потерь в первые годы войны, а также размер вклада союзных республик в общую победу, о чем я сказал в своем выступлении на открытии памятника.

С тех пор мы регулярно посещаем могилу отца на День Победы. С нами отца навещают и его внуки и правнуки. Надеемся, что и после нас следующие поколения Гиззатовых с чувством гордости за своего прадеда будут приходить на его могилу и отдавать дань уважения его памяти и памяти лежащих вместе с ним бойцов.

Дед мой был человеком крупного телосложения, высоким, под два метра. К нам, детям погибшего на войне старшего сына, относился с большой заботой и оказывал

моей матери посильную помощь. Мать отца и его младшего брата, моего дяди Исляма, умерла очень рано, когда отцу было всего три года. Дед взял вторую жену с двумя дочерьми. От второго брака у него был сын Адиль.

Дядя Ислям в годы войны служил в советских оккупационных войсках в Иране, откуда возвратился только в 1948 году. Он многие годы был на партийной работе, а затем работал начальником Управления торговли Западно-Казахстанской области. Скончался он в 1969 году и похоронен в Уральске.

Что касается дяди Адила (Ашигалиев), то после окончания с отличием Уральского педагогического института им. А. С. Пушкина (кстати, еще будучи студентом, избирался депутатом городского Совета депутатов трудящихся) он был направлен директором Каратобинской районной средней школы, в которой учились и мы с братом и сестрой. В 1956 году дед вместе с семьей дяди Адила переехал к себе на родину, в Джанибекский район Западно-Казахстанской области. Дядя Адиль работал там секретарем парткома совхоза, директором средней школы, был известным и уважаемым человеком.

Дед предлагал и моей матери переехать вместе с ними в Джанибекский район, но она отказалась и предпочла остаться со своими детьми в Каратобе, где она пользовалась всеобщим уважением и большим авторитетом у населения благодаря своим профессиональным знаниям, самоотверженному труду, мудрости и благожелательному отношению к людям. В военные и послевоенные годы в Каратобинской районной больнице были только врач Наурзалин и фельдшер — моя мать. Она с отличием окончила Уральское медицинское училище и хорошо знала свое дело. Не будет преувеличением, если скажу, что во многих семьях Каратобинского района росли ее крестные, которые

пришли в этот мир через ее добрые и умелые руки. Даже в богом забытых местах, в затерянных в песках чабанских зимовьях хорошо знали ее, и заслуженное ею уважение распространялось даже на меня, когда я на охоте попадал в такие глухие уголки. Она очень дорожила, больше, чем своими медалями, знаком «Отличник здравоохранения», которым была награждена одна из всего района.

Можно понять, почему она не захотела уехать из Каратобе, где ее все знали и уважали, где она могла рассчитывать на помощь и поддержку, была самостоятельна, ни от кого не зависела и была уверена в себе.

В 1963 году мать переехала к брату в Уральск, где продолжила работу в областной больнице, а затем в областном тубдиспансере, откуда и ушла на пенсию. В областной больнице она также пользовалась большим уважением, о чем свидетельствует посвященный ей целый отдел в музее больницы. Скончалась она в 2006 году в возрасте 90 лет и похоронена в Уральске.

Мой старший брат Елдос, 1938 г. р., окончил физико-математический факультет Уральского педагогического института им. А. С. Пушкина (ныне носит имя Махамбета Утемисова). Он внес большой личный вклад в формирование и становление Западно-Казахстанского сельскохозяйственного института им. Жангир-хана, где преподавал многие годы. Защитил в Москве диссертацию кандидата физико-математических наук, до своей кончины в 2013 году на протяжении 17 лет был профессором Евразийского университета в Уральске. О его вкладе в воспитание молодых кадров в различных сферах деятельности и заслуженном уважении, каким он пользовался у своих земляков, можно узнать из посвященной ему книги воспоминаний «Опережая время» (2014), а также из материалов кабинета его имени, открытого в Евразийском университете. Там

же можно прочитать о его верной спутнице жизни Елене Сапаровне Мустафиной и их двух сыновьях-близнецах — Марате и Самате.

Старшая сестра Светлана, 1939 г. р., окончила Алма-Атинское медицинское училище и до выхода на пенсию проработала в родном Каратобе. Она воспитала двух сыновей и трех дочерей, которые стали достойными гражданами страны и плодотворно трудятся в разных городах большого Казахстана.

Ее муж, Толеген Себепов, всю свою трудовую жизнь провел в Каратобинском районе, где более 25 лет был директором совхоза, а также председателем Исполнительного комитета районного Совета депутатов трудящихся. Его имя хорошо известно не только в родном районе, но и в Западно-Казахстанской области, где он пользуется большим авторитетом. За заслуги награжден несколькими орденами и многими медалями, удостоен звания «Почетный гражданин Каратобинского района».

Надо сказать, что Каратобе — особое место, его население отличается приветливостью и исключительным гостеприимством. Затерянный в песках в 260 километрах от областного центра, Каратобе обладает доброй аурой, богат на талантливых людей, вышедших поистине из самой гущи народа. Оттуда родом известные и любимые всем казахским народом певцы Мухит Мералыұлы, чье имя носит районная средняя школа, народные артисты республики Гарифолла Құрманғалиев, Искендер Хасанғалиев и др. Я привожу здесь имена только своих знаменитых земляков. А сколько их, талантливых, но по разным причинам не получивших такую широкую известность! Взять хотя бы Отегена Қазмағанбетова. Не зря говорят, что если человек талантлив, то он талантлив во всем. Рядовой учитель математики средней школы,

Отеген обладал выдающимся голосом, который буквально потрясал слушателей силой и красотой звучания. Когда он пел на различных фестивалях в Уральском областном театре, люстры в зале издавали мелодичный звон. Его приглашали в Алма-Ату в оперный театр, но он по семейным обстоятельствам отказался. Если бы поехал, то в его лице каратобинцы имели бы еще одного знаменитого на весь Казахстан земляка. Отеген был и талантливым математиком. Оценивая работы своих заочников из Каратобе, профессора МГУ говорили, что только Қазмаганбетов мог решить эти задачи таким способом. И действительно, они были решены с помощью Отегена. Будучи студентом КазГУ, он играл в сборной команде республики по волейболу. К сожалению, он рано ушел из жизни.

Я до сих пор хорошо помню и тепло вспоминаю своих учителей: математики – Жумагыз Жумагалиеву и химии – Шулмухамбета Гусманова. Оба были талантливыми педагогами, но совершенно разными по характеру. Если Жумагалиева была мягкой, никогда не повышала голоса, то Шулмухамбет был очень строгим и требовательным. О нем среди школьников ходило четверостишие:

*Химия деген қиын ғой,
Элементтер жиын ғой,
Химияны білмесең
Шулмухамбет сенің сыйың ғой.*

Я, как и одноклассники, безмерно благодарен им и другим своим учителям, которые в трудные послевоенные годы давали нам знания и открыли дорогу в большую и интересную жизнь.

Когда вспоминаю школьные годы, на память непременно приходят и друзья детства. Несмотря на лишения военных и послевоенных лет, наше детство было полно сво-

их радостей, украшено бескорыстной дружбой, обогащающей души такими вечными богатствами, как верность, честь и благородство, жертвенность ради друга и многими другими ценностями, делающими человека человеком, в какое бы время он ни жил. Такой дружбой судьба не обделила и меня.

Моими самыми близкими друзьями еще с дошкольного возраста были Демеу Казмаганбетов и Кенес Шамшенов. Демеу был из уважаемой в селе семьи ветеринара Себепа Казмаганбетова, который, к сожалению, рано умер от бича того времени — туберкулеза легких. Болезнь и смерть отца впоследствии сыграли решающую роль в выборе Демеу профессии врача-фтизиатра. В студенческие годы эта болезнь в открытой форме не миновала и его. К счастью, ее удалось залечить.

По характеру Демеу — человек спокойный и рассудительный, на мой взгляд, в мать, Ұрқия-құдагай, которая была мудрой женщиной. Благодаря этому качеству она после смерти мужа была фактически главой не только своей семьи, но и многочисленного клана. На Демеу можно было смело положиться в любом серьезном деле. Под стать ему была и супруга, Галя, с которой они поженились будучи студентами Алма-Атинского медицинского института. Она уже ушла из жизни, но оставила сыновей и дочь, а также внуков и внучек. Она тяжело болела более 30 лет, и Демеу неизменно находился при ней. Благодаря его заботе она дожила почти до 70 лет, испытала радость материнства и увидела внуков.

Кенес — человек импульсивный, склонный скорее к действиям, чем к размышлению, хотя и это занятие ему не было чуждо. Густо смуглый, сухощавого телосложения, он обладал явными спортивными качествами, быстротой реакции, отличной координацией движений, выносливо-

стью и состязательным характером. Его отец, как и мой, погиб на фронте Великой Отечественной войны. Мать, Жамиля-апа, не имела специальности, одна растила двоих сыновей, и ей, конечно, приходилось очень трудно. Тем не менее она сумела вырастить детей, вывести их в люди.

В начальной школе мы сидели втроем за одной партой, вне школы во все игры (асык, лянгэ и др.) играли вместе, выступая одной командой. В неизбежных драках также стояли спиной к спине. Летом много времени проводили на речке Калдыгайты, которая протекала в наших песках, пересыхая местами к концу лета. Сами мастерили остроги и уходили рыбачить, пробегая в день не менее 15–18 километров в погоне за рыбой. Были мушкетерами, Тарзаном, Зорро и другими героями из трофейных фильмов, которые попадали и в нашу глухомань. Самыми популярными были игры в «наших» и «фашистов». Никто не хотел быть фашистом, приходилось делить роли по жеребьевке, по справедливости.

Мы выросли, и наши пути разошлись. Я уехал учиться в Саратов, Демеу — в Алма-Ату, Кенес пошел в армию, а после возвращения окончил училище и стал пожарным. Имеет сыновей, дочь и внуков. К несчастью, в декабре 2017 года в возрасте 76 лет Кенес ушел из жизни.

1 июля 2020 года стал жертвой коварного коронавируса Демеу. Он не дожил ровно три месяца до своего 80-летнего юбилея. Пусть упокоятся их души в раю.

Становление

Детство мое было типичным для миллионов советских ребят, родившихся и выросших в трудные военные и послевоенные годы. В школу пошел в Каратобе с пяти лет. В этом возрасте я уже бегло читал. Родственники любили, когда я читал им передовицы газеты «Правда» за деньги на кино. Поскольку в таком раннем возрасте ходить в школу считалось вредным для здоровья ребенка, то мать не разрешала мне и даже запирала в чулане. Но после того, как я перебил ее и так скудную посуду, была вынуждена отпустить в школу вместе с сестрой. В классе для меня завели отдельный журнал, где ставили оценки. Но в конце концов, по настоянию медиков, мне запретили ходить в школу, и повторно, уже на законной основе, я пошел в следующем году, когда мне исполнилось шесть с половиной лет. Сначала ходил в казахскую, а потом перевелся в русскую школу. Правда, она только называлась русской, так как учителя сплошь были местные казахи, которые сами плохо владели русским языком. Русские появлялись в Каратобе только осенью — привозили из соседнего района на продажу лук и картофель.

В школе было холодно и тесно, дети сидели за партами по трое. Зимой, одетые в верхнюю одежду, прятали чернильницы за пазуху, чтобы чернила не замерзли. Писали на разрезанных на листы газетах. Тетрадей не было. Полы были земляные, и когда дети на переменах играли, чтобы согреться, пыль стояла столбом. Приходилось открывать двери и проветривать.

Рано приобщился к труду. Летом вместе со сверстниками собирал кизяки, коромыслами за полкилометра таскал воду из колодца, ухаживал за скотиной. С пятого класса каждое лето подрабатывал в совхозе на сенокосе. Это была тяжелая

и опасная работа. Управлять запряженными в механическую косилку быками под палящим солнцем было нелегко. Вставали затемно, не выспавшиеся. Было немало случаев, когда дети засыпали и падали с сидений косилок, попадали под нож и лишались рук или ног, становились калеками. Попал под грабли и я. Всему виной заяц, который оказался в сгребаемом сене, а я пытался достать его и был сбит с ног тросом. Меня потащило вместе со сгребаемой копной сена. По мере наполнения зубья граблей поднимались и опускались, грозя проткнуть меня насквозь. В один из таких подъемов зубьев я успел выкатиться за их пределы и остался жив. К счастью, все обошлось царапинами. Повезло.

На заработок выдавали сено. Осенью рубили кетменем караган на топливо — тоже физически тяжелая работа.

Трудовое детство было хорошей школой жизни, сформировало и закалило мой характер, научило не бояться трудностей, полагаться только на себя и в то же время работать в коллективе, доверять людям.

Среднюю школу (9-й и 10-й классы) оканчивал в Уральске. Как сына погибшего на фронте меня приняли в казахский пансион (разновидность детдома) на полное государственное содержание. Директором пансиона был муж младшей сестры моей матери, Розы Габитовны Вахитовой (преподавала там же математику), Құбай Досмагамбетов, участник Великой Отечественной войны. Это был талантливый руководитель. В 1960 году за заслуги в народном образовании его наградили орденом Ленина и назначили заведующим отделом образования исполкома Совета депутатов трудящихся Западно-Казахстанской области, то есть руководителем системы образования всей области. Однако вскоре случилось несчастье — Құбай-жезде погиб в автомобильной катастрофе. Роза-апа, как и моя мама, рано осталась вдовой с тремя маленькими детьми.

В этом же пансионе работала поваром и старшая сестра мамы, Бадиржиан-апа. Жила она со своей дочерью Кларой в частном доме недалеко от пансиона. Частенько я посещал семьи обеих теток, и меня встречали с радушием и заботой, «от пуза» кормили всякой домашней вкуснятиной. Нередко оставался ночевать. Домашние условия для подростка, окруженного большую часть времени чужими людьми и казенной обстановкой пансиона, напоминали родной дом и маму.

В эти годы в Уральском педагогическом институте учился мой старший брат Елдос. Он тоже проявлял заботу обо мне, брал с собой на спортивные соревнования (он играл в баскетбольной команде института и в сборной команде области).

Учился я в русской средней школе № 18, так как при пансионе была только казахская школа. Здесь сразу обнаружилось мое слабое знание русского языка. Мои ответы у доски, а именно произношение, вызывали хохот всего класса, так что я перестал выходить к доске. Я стеснялся выходить не только из-за плохого знания русского языка, но и из-за своей одежды. Как правило, воспитанники пансиона носили одежду с чужого плеча, оставшуюся от старших ребят. Она была не только поношенной, но и большой по размеру, так что приходилось закатывать рукава и штанины. Для старшекласника, который уже заглядывался на девочек, было мучительно стоять, как чучело, у доски, да еще вызывать хохот всего класса своим каратобинским произношением. Парта в последнем ряду была гораздо более предпочтительным убежищем, чем место у доски.

К концу первой четверти по всем предметам у меня были единицы. Вызвали к директору, который объявил о переводе на класс ниже. Пришлось сказать об истинной причине такого положения дел. Я сказал, что готов сдать все предметы за первую четверть. Спасибо завучу, Доли-

ной, она пригласила предметников в кабинет директора, и я на отлично отчитался за всю первую четверть. Но поскольку в журналах стояли единицы, то итоговыми оценками вывели четверки и прикрепили ко мне двух русских ребят в качестве шефов. Среднюю школу окончил с одной тройкой — по географии за восьмой класс, остальные были пятерки. От пересдачи географии, чтобы идти на медаль, отказался, так как вышедшие в том же году новые правила поступления в вуз не давали преимуществ медалистам.

Наступал новый этап — взрослая жизнь. После окончания в 1958 году средней школы вернулся в Каратобе, так как старшая сестра поступила в медучилище в Алма-Ате и мать оставалась одна (брат после окончания института служил в армии). Здесь я окунулся в привычную среду сверстников и старых друзей. Демеу, Кенес и я поступили в школу ДОСААФ (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту) на трехмесячные шоферские курсы, которые успешно окончили. Получили водительские права шоферов третьего класса, которые пригодились в жизни, так как по мере экономического развития страны резко выросло производство легковых автомобилей, особенно после запуска завода «Фиат» в Тольятти. Водительские права сыграли неоценимую роль и в работе за рубежом, где приходилось водить закрепленные посольские автомашины, и после заграникомандировок, когда и сам стал обладателем «Жигуленка» первого выпуска, а позже — и престижной «Волги» ГАЗ-24.

Поступил на работу в районную прокуратуру секретарем-машинистом. Правда, когда спрашивали, то говорил, что работаю секретарем — стеснялся называть себя машинисткой. Работал в прокуратуре с большим интересом, много читал имеющуюся там специализированную литературу по юриспруденции.

Однажды случился пожар, и здание прокуратуры со всеми документами полностью сгорело. Из областной прокуратуры приехала комиссия, которая наряду с расследованием обстоятельств пожара и восстановлением документов проверяла и состояние законности в районе, находила нарушения и вносила протесты на незаконные акты различных районных организаций. В таких случаях делаются ссылки на конкретные положения того или иного законодательного акта. Но порой комиссия испытывала затруднения, так как все сборники законов сгорели. Иногда я выручал комиссию, называя по памяти конкретные статьи законов, на которые следовало делать ссылки. На это обратили внимание, и руководитель комиссии предложил мне поступить в юридический институт, обещал дать направление от областной прокуратуры. Излишне говорить, что предложение я принял с благодарностью. Как говорится, нет худа без добра: неожиданно пожар сыграл большую роль в моей дальнейшей судьбе.

В августе 1960 года по направлению прокуратуры Западно-Казахстанской области я поехал поступать в Саратовский юридический институт им. Д. И. Курского. Мать продала корову, вырученные деньги зашила мне в одежду и благословила. Конкурс был большой, к тому же мандатная комиссия могла отклонить кандидатуру даже в том случае, если абитуриент набрал проходной балл, что нередко и случалось. Направление прокуратуры сыграло свою роль. Я стал студентом, получил место в общежитии. Началась студенческая жизнь.

Учеба в институте давалась легко. Уже по завершении первого курса стал именованным стипендиатом (40 рублей). Тем не менее, приходилось постоянно подрабатывать: разгружать вагоны с углем и солью (хорошо оплачивалось), а на летних каникулах в составе студенческих отрядов ра-

ботать бетонщиком на строительстве Балаковского химкомбината.

Студенческие годы были университетом жизни в широком смысле слова. Общение со студентами из различных социальных слоев и практически со всех концов необъятной страны, насыщенная культурная жизнь в большом городе широко раздвинули кругозор аульного парня, способствовали развитию интеллекта, формированию вкуса и культурных предпочтений. Занимался спортом, научной работой. Моя студенческая научная работа на конкурсе среди вузов Поволжья получила второе место, что было большим успехом.

Окончил институт с красным дипломом и остался в аспирантуре. Однако вскоре получил повестку в армию. Институт брони от призыва в армию не давал, а я службу после института считал потерей времени и профессиональной квалификации. Надо было что-то предпринимать.

В один из приездов домой в Уральск (к тому времени старший брат и мать переехали в город) получил предложение служить после окончания института в органах госбезопасности. Тогда я его отклонил, так как был нацелен на аспирантуру. Но теперь ситуация в корне изменилась, и это полузабытое предложение неожиданно приобрело для меня особую актуальность и привлекательность. Решено. Поехал в Уральск, пошел на прием к начальнику УКГБ по Западно-Казахстанской области полковнику Жумахмету Шалтакбаевичу Шалтакбаеву. Надо сказать, это был незаурядный человек, прошедший огонь Великой Отечественной войны, обладавший сильным характером и недюжинной волей. Но даже ему стоило немалых усилий и нервов перевести своего будущего сотрудника из Приволжского военного округа, откуда я призывался в армию, в Туркестанский военный округ, а оттуда — в резерв КГБ

СССР и направить в феврале 1965 года на учебу на Высшие курсы КГБ СССР в Минск, которые я окончил с отличием в феврале 1966 года.

Во время учебы на курсах меня включили в бригаду, которая ездила по городам и селам Белоруссии и демонстрировала выставку шпионской и диверсионно-подрывной аппаратуры и вооружения, захваченных у иностранных шпионов и бандитского подполья. Благодаря этому я объездил всю Белоруссию, близко познакомился с прекрасной природой, с непривычными для степняка густыми вековыми лесами и с гостеприимным, добрым и красивым народом, его языком и литературой. До сих пор Минск для меня — один из красивейших городов. Белорусы гордятся им по праву.

Еще во время учебы на высших курсах на меня обратил внимание представитель внешней разведки КГБ, который давал мне отдельные задания, главным образом в целях проверки моих способностей. Например, он организовал индивидуальные занятия английским языком. Как я понял по некоторым признакам — для того, чтобы выяснить, пойдет ли он у меня. Дело в том, что у некоторых людей речевой аппарат не в состоянии справиться с произношением английских слов. Как известно, изучение иностранного языка, как и любое другое дело, требует определенных способностей.

Кроме того, мне поручали и оперативные задания по установлению контактов и первичному изучению иностранных студентов и аспирантов, что мне, в общем-то, удавалось.

Были и довольно сложные и даже курьезные ситуации. Так, долго не мог познакомиться и подружиться с одним иностранным аспирантом медицинского института. Что только я ни предпринимал, но все никак не получалось.

Стояла зима. Мой подопечный идет в сторону площади Победы. Здесь расположено кафе «Березка», где можно выпить и закусить. Почти напротив кафе я догоняю его и сзади сбиваю с него шапку, тут же, не давая оглянуться, обнимаю его с возгласом: «Коля, дружище, где ты ходишь? Я обыскался тебя!» Немая сцена. Я прошу извинить меня за то, что обознался: мол, сзади очень похож на моего друга Колю. Чтобы загладить оплошность, тут же приглашаю его зайти в кафе, где угощаю соответственно погоде. Ну, а дальше дело со знакомством и изучением пошло само собой.

Перед окончанием учебы меня вызвали в КГБ Белоруссии, и представитель разведки из Москвы сообщил, что я зачислен в резерв внешней разведки и через год-полтора меня вызовут в Москву на учебу. К тому времени Шалтакбаева перевели начальником УКГБ по Актюбинской области, куда я и был направлен на работу в феврале 1966 года. В Актюбинске работать пришлось недолго. Уже в августе 1967 года — новое направление на учебу, но теперь уже в Москву.

Направление на учебу в Москву не прошло гладко. Я находился в первом своем отпуске в Сочи, когда получил вызов срочно прибыть к месту службы. Прямо с самолета явился к начальнику отдела кадров полковнику Берлимбаеву, который объявил мне, что пришел вызов из Москвы. «Речь идет о работе в условиях жарко-влажного климата, скорее всего, в Китае. Поскольку ты мало похож на китайца, то я считаю целесообразным направить другого, внешне более подходящего кандидата», — сказал мне Берлимбаев.

В полной растерянности я решил обратиться к Шалтакбаеву. Оказалось, он был в отпуске, но находился в городе. Выслушав меня по телефону, Жумахмет Шалтакбаевич

попросил передать трубку Берлимбаеву и приказал ему прекратить самодеятельность, так как в шифротелеграмме из Москвы речь идет о направлении конкретно Гиззатова. Так я прибыл в столицу.

Из Казахстана нас было двое: мой коллега из Кустаная, окончивший институт иностранных языков, и я. Первым комиссию проходил кустанаец. Это было 6 июня 1967 года, второй день шестидневной арабо-израильской войны. К сожалению, он не смог показать на карте Израиль и провалился. Меня на комиссии (человек двенадцать во главе с начальником разведки генералом Сахаровским) спросили, какое главное на сегодня политическое событие я могу назвать. Ответил: два события. Это вызвало у членов комиссии удивление. Я продолжил: арабо-израильская война — и подробно показал на карте ситуацию (утром успел просмотреть газету «Правда»). «А какое второе событие?» — задали вопрос. Ответил, что это назначение Ю. В. Андропова председателем КГБ СССР. Все заулыбались и предложили мне на выбор 101-ю разведывательную школу КГБ или Высшую дипломатическую школу МИД СССР (ВДШ). Выбрал ВДШ (позже ее преобразовали в Дипломатическую академию). Вновь крутой поворот на моем жизненном пути.

Высшая дипломатическая школа была особенным учебным заведением. В нее принимали по направлениям ЦК КПСС, МИД и КГБ СССР, а также ЦК компартий союзных республик и социалистических стран. Слушателями были люди с высшим образованием, с опытом партийно-комсомольской, дипломатической или оперативной работы. Среди слушателей можно было встретить секретарей ЦК компартий соцстран, заведующих отделами ЦК, обкомов компартий союзных республик, не говоря об инструкторах партийных органов такого же уровня. Профес-

сорско-преподавательский состав был очень сильным. Для чтения лекций привлекались академики, профессора Московского государственного университета, Московского государственного института международных отношений, Академии общественных наук при ЦК КПСС. Достаточно сказать, что среди них были академик Е. В. Тарле, участник Генуэзской конференции профессор Н. Н. Любимов, ректор В. И. Попов и другие.

Языковые группы состояли, как правило, из пяти слушателей, занятия проходили практически ежедневно по несколько часов. Дипломные работы слушателей, получившие отличную оценку, после небольшой доработки принимались к защите в качестве кандидатских диссертаций. Словом, в ВДШ давали солидную подготовку.

В наборе 1967 года из Казахстана были еще два слушателя: на трехгодичном обучении Хаир Рахметжанович Омаров, инструктор ЦК КПК, и Сайлау Батыршаулы из МИД КазССР. Надо отметить, что в ВДШ слушатели изучали два иностранных языка, восточный и европейский, что значительно расширяло страновой диапазон их использования на дипломатической работе. Омарову определили монгольский и английский, Батыршаулы — французский (он владел арабским языком), а мне — китайский и английский.

Начались учебные будни, хотя называть их буднями было бы неверно, так как для подавляющего большинства слушателей дипломатия была совершенно незнакомой сферой, и они жадно поглощали новые знания. Учиться было интересно, а общение с другими слушателями — еще интереснее.

Я оказался самым молодым слушателем в истории ВДШ (мне было всего 25 лет), черпал много полезного и познавательного от своих старших коллег. Несмотря

на трудности, изучение иностранных языков, особенно китайского, оказалось чрезвычайно интересным, и занимался я с увлечением.

В первые дни учебы мои так называемые чистые³ сокурсники на каждом перерыве в занятиях донимали меня вопросами. Им не давало покоя, каким образом я в таком зеленом возрасте попал в столь престижное учебное заведение. Особенно этот вопрос донимал моего земляка Хаира Омарова. Не мог же я признаться, что направлен на учебу по линии разведки! Приходилось выкручиваться, так как моя официальная легенда не во всем была безупречной.

Однажды Хаир сказал мне, что когда он проходил комиссию ЦК Компартии Казахстана, то видел в списке Батыршаулы из МИД Казахстана, но меня там не было. А меня там и не могло быть, так как я был направлен не ЦК КПК, а КГБ СССР. Надо было что-то придумать. Спросил его, какого числа он проходил комиссию, и получив ответ, сказал, что проходил неделей позже.

Вопрос о моем появлении в ВДШ интересовал не только моих земляков. Чтобы закрыть его, пришлось «доверительно» шепнуть кое-кому, что поступить в ВДШ мне помог А. Н. Косыгин (Председатель Совета Министров СССР). Уловка оказалась сверхэффективной, и больше никто никогда не беспокоил меня подобными вопросами.

На первые каникулы поехал в Актюбинск, к матери. Там случилось несчастье — я сломал левое плечо и попал в больницу. Перелом не срастался. Приближалось начало учебного года, и мне пришлось с загипсованной рукой в сопровождении матери выехать в Москву, где в Институте травматологии и ортопедии провели операцию, со-

³ Чистыми на разведывательном сленге называют работников ведомства прикрытия, которые не принадлежат к разведке.

вместили кости и скрепили скобой (через год ее сняли). О посещении занятий не могло быть и речи. Пришлось заниматься самостоятельно, пользуясь конспектами лекций товарищей по группе. Большой проблемой стали уроки иностранных языков, где требовалось физическое присутствие слушателя.

На мое везение, в один из дней наше общежитие посетили заведующий отделом заграничных кадров ЦК КПСС А. С. Панюшкин (в прошлом посол СССР в Китае, США, руководитель советской внешней разведки) и ректор ВДШ Д. М. Яковлев (бывший министр иностранных дел РСФСР, посол). Войдя в мое положение, Панюшкин распорядился, чтобы до выздоровления языковые занятия для меня проводили индивидуально, в общежитии. Это позволило мне не отстать от сокурсников, за что я был искренне благодарен старшим товарищам.

Как уже говорил, основным языком мне определили китайский, хотя мне больше нравился японский. Думаю, это было вызвано в основном японскими фильмами с Мифунэ в главных ролях, которые в то время пользовались огромной популярностью. На одном курсе с нами учился киргиз Ишенбай Абдуразаков, кандидат экономических наук, инструктор ЦК Компартии Кыргызстана. Ему дали японский язык, а он, наоборот, хотел изучать китайский. Мы решили пойти к руководству ВДШ и просить разрешения поменяться языками. Просить-то попросили, но нам отказали и еще пригрозили отчислить, если мы откажемся изучать определенные нам языки. Пришлось смириться.

Впоследствии с Ишенбаем Абдуразаковым мы стали близкими друзьями и поддерживали дружеские отношения до его внезапной кончины в 2015 году. Он добился больших карьерных успехов: в советские годы был гене-

ральным консулом СССР в г. Саппоро, Япония, после развала СССР вернулся в Киргизию, был государственным секретарем, в последние годы жизни преподавал в университете. Пользовался в своей стране большим авторитетом, похоронен в Национальном пантеоне в Бишкеке. Рядом с ним похоронена и его верная супруга Майрам, которая пережила его всего на год с небольшим.

Будучи слушателем ВДШ, я был представлен Динмухамеду Ахметовичу Кунаеву. Его помощник, Дуйсетай Бекежанов, был студенческим товарищем Хаира Омарова, который и попросил его организовать встречу с Кунаевым. Она состоялась в один из его приездов в Москву. Принял он нас в своей резиденции на Чистых прудах, где располагалось Постоянное представительство КазССР при Совете Министров СССР (сейчас там посольство Казахстана в России).

Динмухамед Ахметович интересовался учебой, бытом, проблемами слушателей, обещал время от времени наводить через министра иностранных дел СССР А. А. Громыко справки о нашей учебе и перспективах. Такое внимание со стороны первого руководителя республики, члена высшего советского руководства было большой поддержкой и в то же время ответственностью перед направившей нас на учебу республикой.

Встреча с Кунаевым произвела на меня огромное впечатление. Высокий рост, крупная голова словно оттеняли масштаб его личности. Этому образу соответствовали неторопливая речь и взвешенные слова.

В 1970 году я окончил ВДШ с отличием. Дипломная работа была рекомендована к защите в качестве кандидатской диссертации. Получил распределение в I Дальневосточный отдел МИД СССР с последующим направлением на работу в посольство СССР в КНР. Это означало, что

мне предстоит работать в центральном аппарате внешней разведки и резидентуре в Пекине.

В годы обучения в ВДШ произошло одно из наиболее важных событий в моей жизни — знакомство с будущей супругой, Гульсум Хабибулловной. Произошло это в октябре 1967 года в Доме литераторов в Москве, где отмечали 70-летие великого казахского писателя Мухтара Ауэзова. Я стоял в фойе с сокурсниками по ВДШ, когда увидел красивую девушку, которая бросила двухкопеечную монету в телефон-автомат. Как нередко бывало, автомат «съел» монету, и теперь она растерянно копалась в сумочке в поисках другой. Я быстро собрал у своих спутников «двушки», подбежал к ней и протянул монеты. Так состоялось наше знакомство, и я шутя говорю, что купил ее за две копейки. Оказалось, она окончила Алма-Атинскую консерваторию и училась в Москве в аспирантуре Института имени Гнесиных по классу вокала. Летом 1970 года мы поженились в Алма-Ате, и она переехала ко мне в Москву. Мы вместе уже пятьдесят лет, у нас две дочери, Лейла и Асель, шесть внуков и семь правнуков.

Отец Гиззатов Хамен Гиззатович, 1940 год

Мать Вахитова Махфуза Габитовна, 1966 год

Брат Елдос с супругой Еленой

Сестра Светлана с мужем Толегеном

Молодые годы в Пекине, 1972 год

В посольстве РК в Тегеране

*С Гульсум, дочерью Асель, зятем Денисом,
внуками Тимуром и Артуром, 2010 год*

С внуками Тимуром и Артуром. Январь 2020 года

*На братской могиле, где похоронен отец.
Слева направо: я, Елена, Светлана,
сын Елдоса Марат, его сын Кайрат, Толеген.
Деревня Ореховня Износковского района Калужской области, Россия*

*Слева направо: Мукашев Оразхан (муж старшей дочери Лейлы),
Елдос, я, Лейла, Гульсум Хабибулловна, Елена.
Алматы, по дороге на Чимбулак*

Китай

После окончания второго курса ВДШ все слушатели согласно учебной программе выезжали на трехмесячную стажировку в посольства СССР за рубежом, знакомились с будущей работой, продолжали языковую практику и собирали материал для дипломной работы.

В сентябре 1969 года и я вылетел на стажировку в Пекин. В аэропорту китайской столицы встретил консул, который после короткого знакомства перепоручил меня водителю, а сам пошел заниматься другими пассажирами. Водитель оказался энергичным парнем, быстро получил багаж, при этом бойко перекидывался фразами на китайском со служащими аэропорта. Это вызвало у меня паническую мысль, что если водитель так свободно владеет китайским, то мне здесь делать нечего. На мой осторожный вопрос, где он так хорошо изучил китайский, водитель весело и непринужденно ответил, что знает всего несколько ходовых фраз, необходимых для получения багажа. Ответ немного успокоил, я понял, что все не так уж плохо, как показалось сначала.

Пекин встретил ясной солнечной погодой. Вообще, сентябрь и октябрь — золотая пора в Пекине: солнечно, сухо, тепло и безветренно. Чужая страна, непривычный облик города, незнакомая архитектура. Все окрашено в серые тона: здания, люди. Особенно поразили обилие велосипедов и однотонность массы людей, одетых в основном в хлопчатобумажную серую, а также зеленую (военные) и синюю (чиновники) униформу и в тряпичные тапочки. Стены домов были покрыты лозунгами (дацзыбао) на красных и белых полотнищах. Встречались рикши, тащившие тележки с горами искусно уложенных овощей. В часы пик можно было наблюдать, как велосипедисты, в основном

молодежь, выстроившись в ряд, заполняют всю ширину довольно просторных улиц, не давая проезда машинам. Они пользовались безусловным приоритетом на улицах.

Здания в городе, за исключением немногочисленных крупных общественных строений на центральном проспекте Чананьцзе и площади Тяньаньмынь, в основном были двух- и трехэтажные. Было много старых районов, состоявших из одноэтажных домов с глухими заборами и многочисленными узкими хутунами (переулками), где могли проехать только велорикши или небольшая повозка. Еще на подходе к городу настораживал специфический запах, как выяснилось, человеческих экскрементов, которыми китайцы по традиции и сегодня удобряют поля. А начиная с середины октября, иногда позже, над городом стоял дым и пахло сожженными угольными брикетами (спрессованная угольная пыль), которыми топили большую часть жилого фонда города. Уже тогда пекинцы поздней осенью и зимой носили марлевые маски в качестве защиты от угольного смога и пыли из пустыни Гоби, заносимой в город зимними ветрами. Современный смог, нередко покрывающий сегодня Пекин, по густоте и вредности намного превосходит пекинский смог 70-х годов.

После относительно продолжительного перерыва, вызванного распадом Советского Союза и моим возвращением на родину, в Казахстан, я посетил Пекин в 1994 году в качестве заместителя министра иностранных дел Республики Казахстан. Я был поражен произошедшими в городе изменениями. Это был совершенно новый город с красивыми современными зданиями. Улицы были полны сверкающими краской и хромом автомобилями всех мировых брендов. Пекинцы выглядели по-современному, в костюмах и при галстуках, на ногах — начищенные кожаные туфли. И такие перемены можно было увидеть

по всей стране, начиная со столицы и заканчивая отдаленной деревней. Мои впечатления можно описать короткой фразой, которой я ответил на вопрос посла России в Пекине Игоря Рогачёва⁴. Игорь Алексеевич пригласил меня к себе в резиденцию на ужин и во время беседы спросил, успел ли я посмотреть Пекин и какие у меня впечатления. На что я ответил, что столица произвела на меня впечатление совершенно нового современного города, где все изменилось, за исключением... — тут я сделал паузу и добавил: за исключением площади Тяньаньмынь и вашего посольства.

За ужином Рогачёв поинтересовался, как мне работает в Казахстане. Я ответил, что за относительно короткое время посетил довольно много других государств, встречался со многими крупными политическими деятелями и дипломатами и что никогда до этого не работал с такой нагрузкой и интенсивностью, но никогда не получал и такого удовлетворения от своей работы. Это был откровенный и искренний ответ, и он был воспринят с пониманием.

С Рогачёвым я был знаком с 1971 года по совместной работе в посольстве СССР в Пекине, куда он был переведен из посольства в Вашингтоне в качестве первого секретаря. В 80-е годы в течение восьми лет он был заместителем министра иностранных дел СССР, курирующим всю Азию, возглавлял переговоры с Китаем по пограничным вопросам (я входил в состав делегации), по мерам военной разрядки и доверия на советско-китайской границе, по камбоджийской проблеме. Это был известный китаист. Его отец был также китаистом, работал в генконсульстве СССР в Синьцзяне. Его бабушка была казашкой.

Однако вернемся к стажировке в посольстве в Пекине и первым впечатлениям от знакомства с Китаем.

⁴ См. биографическую справку, стр. 311.

Конец 60-х годов был временем затяжной и острой конфронтации между Москвой и Пекином. Начавшись с идеологических разногласий, противоречия между двумя социалистическими гигантами, к тому же обладающими ядерным оружием, достигли апогея весной и летом 1969 года, вылившись в кровавые пограничные конфликты на острове Даманском на реке Уссури (март) и у озера Жаланашколь в Казахстане (август). Дальнейшее нагнетание истерии было чревато масштабным военным столкновением. Обе стороны осознавали это и искали выход из ситуации, как говорится, «без потери лица».

Во время нашей стажировки в Пекине духом антисоветизма был пропитан весь Китай, особенно столица. По мере приближения к советскому посольству враждебность со стороны китайских властей ощущалась почти физически. Переулок, в конце которого находится посольство, был переименован из переулка «китайско-советской дружбы» в «антиревизионистский». Забор дипмиссии весь был обклеен антисоветскими лозунгами, а при въезде в ворота посольства несмываемой черной (цвет позора) краской на асфальте было написано крупными иероглифами «Разобьем собачьи головы Брежневу и Косыгину»⁵.

Посольство в Пекине подверглось наиболее ожесточенным нападкам хунвейбинов (красных охранников — ударной силы «культурной революции» из числа политически незрелой и одурманенной маоистской пропагандой школьной и студенческой молодежи). Правительство СССР было вынуждено в целях безопасности эвакуировать на родину семьи дипломатов и сотрудников посольства и

⁵ Руководители Советского Союза: Брежнев Леонид Ильич, Генеральный секретарь ЦК КПСС; Косыгин Алексей Николаевич, Председатель Совета Министров СССР.

торгового представительства (располагались на одной территории), а также сократить до минимума персонал советских загранучреждений в Пекине (кроме указанных выше дипломатического и торгового представительств в Пекине имелись корреспондентские пункты ТАСС, а также АПН). В посольстве из нескольких десятков сотрудников осталось всего семнадцать человек, уровень дипломатических отношений понизился до поверенных в делах.

Как рассказывал мой друг Дамир Аскеевич Байдилин, в те годы молодой дипломатический сотрудник посольства, эвакуация семей советских загранучреждений проходила в очень сложной обстановке. Территория посольства день и ночь была окружена многотысячными толпами хунвейбинов, которые через установленные по всему периметру стационарные громкоговорители носили Советский Союз и его руководителей. Отряды хунвейбинов организованно сменяли друг друга, не давали дипломатам выезжать в город, блокировали доставку в посольство продовольствия.

Надо сказать, что подобным нападкам подверглись посольства и ряда других стран. Так, хунвейбины ворвались в посольство Великобритании, выгнали на улицу весь персонал, не только морально, но и физически унижали сотрудников, лапали женщин за интимные места. Ворвались они и на территорию советского посольства. Более того, пытались попасть и в здание самого посольства. Референтура, то есть секретные помещения, находилась на самом верхнем, третьем этаже. Чтобы задержать хунвейбинов и выиграть время для уничтожения шифров и шифровальных машин, были использованы спецсредства в виде проволочных заграждений (они помещались в руке, а когда их бросали, то распрямлялись и заполняли пространство, делая его на некоторое время непроходимым). Шифроваль-

щики держали наготове кувалды, чтобы при необходимости разбить вдребезги шифровальные машины. Из трубы специальной печи непрерывно валил дым — сжигались секретные документы.

К счастью, вторжению хунвейбинов внутрь здания посольства помешала случайность, что иногда бывает при массовых событиях. Перед входом в посольство с двух сторон как архитектурная деталь были установлены два больших гранитных шара, и когда беснующаяся толпа пыталась взломать входные двери (перед этим они разгромили отдельно стоящее здание консульского отдела), кто-то из хунвейбинов предложил стащить с места и разбить эти шары, что отвлекло внимание толпы. Откуда-то притащили толстые канаты, обмотали ими гранитные шары и начали стаскивать их с места. Но не тут-то было. Они не знали, что каждый шар насажен на четыре металлических штыря толщиной в человеческую руку. Все попытки стянуть их с места не увенчались успехом. Энтузиазм толпы постепенно иссяк, к тому же наступил вечер, и хунвейбины покинули территорию посольства.

Нет нужды говорить, что нападение на посольство было грубейшим нарушением международного права, защищающего неприкосновенность дипломатических представительств и их персонала даже во время войны. Посольство и МИД СССР ежедневно заявляли протесты против бесчинства хунвейбинов (иногда было до двадцати протестов в день), но китайские власти оставляли их без ответа. В самый критический момент, когда толпа хунвейбинов уже ворвалась на территорию и предпринимала попытки проникнуть внутрь здания, в посольство по ВЧ-связи позвонил Косыгин. Он сообщил поверенному в делах СССР, что в течение дня безуспешно пытался дозвониться до своего китайского коллеги премьер-министра Госсосо-

вета Чжоу Эньлая. Сказал, что знает, что канал ВЧ-связи прослушивается китайцами, и выразил надежду, что заявление советского правительства, которое он зачитает сейчас, дойдет до премьера Чжоу Эньлая по этому каналу. Заявление было составлено в резких и категоричных выражениях, требовало от китайского правительства немедленного прекращения бесчинств в отношении советского посольства и его сотрудников, а также предупреждало, что «Советский Союз предпримет все необходимые меры для защиты своих интересов в Китае». Это было суровое и опасное для китайского руководства предостережение, имея в виду недавние события «пражской весны» в Чехословакии, в которую в августе 1968 года были введены войска стран Варшавского договора.

Заявление советского правительства возымело действие. Истерия вокруг советского посольства погасла за одну ночь, громкоговорители демонтированы, а хунвейбины покинули район около посольства. Это убедительно свидетельствовало о том, что они действовали с ведома и поощрения официальных властей КНР.

Примером морального и физического издевательства со стороны китайских официальных лиц служит случай, когда советского консула Владимира Никулина продержали в МИД КНР двенадцать часов. Китайские дипломаты, сменяя друг друга, били его по лицу пачкой паспортов эвакуируемых членов семей сотрудников посольства, обзывая его китайским ругательством «хун дань» (тухлое яйцо). Или другой случай, с корреспондентом ТАСС Григорием Арслановым. Толпа хунвейбинов задержала его машину по дороге в посольство (офис ТАСС располагался в другом районе города), перевернула и довольно долго дискутировала, сжечь ее вместе с Арслановым или без него. Проблема была решена с прибытием к месту инцидента специально при-

глашенного работника МИД КНР, который разъяснил, что по международному праву не полагается сжигать иностранного корреспондента. Споры прекратились, и под улюлюканье толпы машину сожгли без Гриши. Кстати, правительство КНР так и не компенсировало стоимость сожженной автомашины корпункта ТАСС даже тогда, когда отношения между СССР и КНР нормализовались.

Как уже отмечал, в посольстве после эвакуации членов семей оставалось небольшое количество дипломатов и технических сотрудников, а также группа пограничников, охранявших здания посольства и торгового представительства. Все они в целях безопасности ночевали в здании посольства. В мраморном зале, предназначенном для торжественных приемов, постелили матрацы. Установили график ночных обходов территории посольства и торгпредства, которые совершались одним из дипломатов совместно с пограничником. К таким обходам привлекались и мы, стажеры из ВДШ, а также два стажера из МГИМО.

Надо сказать, что территория посольства и торгпредства составляет несколько гектаров. До Октябрьской революции она принадлежала Русской православной церкви, которая имела в Пекине свое представительство. Именно там работал и жил знаменитый отец Иакинф (в миру Бичурин), который внес большой вклад в изучение Китая и в российское китаеведение. Ему принадлежит заслуга составления первого китайско-русского словаря.

Надо сказать, что посольство и торговое представительство СССР и сегодня располагаются в отдельных весьма представительных зданиях дворцового типа. Они, как и здания средней школы, клуба, столовой, бассейна, спортивная площадка, гаражи, были построены в октябре 1959 года, к 10-летию образования КНР. Здесь же находились отдельно стоящая резиденция посла, несколько трех-

этажных благоустроенных жилых домов для персонала посольства, торгпредства и школы. Внимание гостей неизменно привлекала китайская фанза — типично китайское здание, покрытое красной глазурированной черепицей и обставленное очень красивой, богато инкрустированной и покрытой черным лаком китайской мебелью. Фанза была архитектурным шедевром, подаренным китайским правительством в годы советско-китайской дружбы, и предметом гордости посольства. Здесь обычно устраивали приемы для высоких гостей посла, которые уходили, как правило, под большим впечатлением от красоты и богатства интерьера фанзы.

Как видно из этого краткого описания, посольство СССР в Пекине имело хорошо продуманную и благоустроенную инфраструктуру. Это было самое крупное советское посольство, располагавшее огромной территорией и всем необходимым для выполнения своих функций.

Пребывание в посольстве в Пекине, несмотря на отмеченные выше экстремальные условия, а во многом и благодаря им, было во всех отношениях интересным и полезным: наряду с дипломатической стажировкой пришлось пройти и разведывательную. Хотя меня не допускали в помещения резидентуры КГБ, меня взял под опеку один из опытных оперативных работников, который ставил задачи на каждый день, знакомился с моими отчетами, давал советы и рекомендации. Его старшинство по возрасту и положению не мешало нашим отношениям, которые носили товарищеский характер и отличались духом благожелательности и доброй заботы. Эти отношения у нас сохранились и впоследствии на протяжении многих лет нашей совместной службы в одном из подразделений внешней разведки.

Оперативная стажировка включала в себя прежде всего изучение города, языка, установление контактов с мест-

ным населением (что в силу политической обстановки было крайне затруднено). Важное место отводилось освоению дипломатического прикрытия, то есть той самой дипломатической стажировке, которая и составляла содержание нашей программы стажировки по линии ВДШ.

Изучение города были важной и в то же время сложной и даже опасной частью оперативной стажировки. Приходилось выезжать в город (как правило, вдвоем с моим напарником по стажировке) на общественном транспорте, часто ходить пешком, так как в учебных целях нужно было подбирать маршруты проверок и ухода от наружного наблюдения, места явок и закладки тайников, моментальных контактов и т. п.

В ходе таких выездов бывали и забавные ситуации. Как-то мы с напарником целый день провели в городе и возвращались в посольство городским автобусом. Был ноябрь, стояла промозглая осенняя погода. Мы сильно продрогли и решили выйти из автобуса за пару остановок до посольства, пройти пешком и заглянуть в какую-нибудь забегаловку (они очень популярны среди китайцев) и там «согреться». В таком решении был и оперативный смысл: хотелось ознакомиться с обстановкой в районе, непосредственно прилегающем к территории посольства.

Зашли в забегаловку. За десятком небольших круглых столиков сидят 15–20 китайцев, за прилавком стоит буфетчик, за его спиной на полках расположилось множество незнакомых нам напитков. Выбрали бутылку с прозрачной жидкостью, внешне напоминающей нашу водку. Буфетчик спрашивает, сколько налить. Коротко посоветовавшись, говорим: две по сто. И тут в помещении стало тихо, все разговоры смолкли. Ну, думаю, что-то не то мы сделали, но отступить поздно. Нам налили заказанный напиток, который издавал сильный сивушный запах, можно сказать —

вонь. Мы хлопнули, закусили какой-то тоже незнакомой колбаской и двинулись к выходу. Все китайцы, сидевшие в забегаловке, встали и аплодисментами провожали нас, пока мы не завернули за угол. Так мы познакомились с китайским самогоном эрготоу крепостью 72 градуса. Посольские, оказывается, называли его рыгаловкой. Сейчас этот напиток относится к элитным, изменилась технология его изготовления, исчез сивушный запах, да и крепость уже не та.

Начавшиеся 20 сентября 1969 года советско-китайские пограничные переговоры значительно обогатили нашу стажировку, дали возможность наблюдать и принимать вспомогательное участие в таком важном виде дипломатической деятельности, какими являются межправительственные переговоры. Особый вес им придавало то, что советскую делегацию возглавлял такой крупный дипломат, как первый заместитель министра иностранных дел СССР Василий Васильевич Кузнецов⁶. Да и предмет переговоров и интерес к ним всего мира придавали им повышенную значимость. Впоследствии, когда я приехал в Пекин уже в длительную командировку, этот опыт пригодился, так как я был от посольства включен в состав правительственной делегации по пограничным переговорам. Общение с членами делегации, которые были крупными специалистами в своей области, оказалось полезным и поучительным.

Тогда же познакомился с известным китаеведом, членом-корреспондентом АН СССР С. Л. Тихвинским⁷, который любезно согласился стать научным руководителем моей дипломной работы на тему «Историко-правовые основы русско-китайского территориального размежевания на Памире». Сергей Леонидович был не только ученым

⁶ См. биографическую справку, стр. 313.

⁷ См. биографическую справку, стр. 314.

с мировым именем, но и опытным дипломатом в ранге чрезвычайного и полномочного посла, посвятившим всю жизнь изучению Китая. Будучи генеральным консулом СССР, он был именно тем дипломатом, через которого 2 октября 1949 года правительство СССР осуществило акт торжественного признания только что провозглашенной Китайской Народной Республики и установило дипломатические отношения между двумя государствами. В 1981 году стал действительным членом Академии наук СССР и членом Президиума АН СССР. Словом, мегазвезда советского китаеведения.

С нами, молодыми дипломатами, он держался на равных, без высокомерия или менторства, как настоящий интеллигент и ученый до мозга костей. Мог пошутить, рассказать поучительные и смешные случаи из своей богатой событиями жизни. Мог мягко, не задевая самолюбия, указать на ошибки и дать глубокие и ценные советы не только делового характера, но и чисто бытовые. Но даже такие его советы носили познавательный характер.

Как-то Сергей Леонидович спросил, в каких китайских ресторанах я был. Я ответил, что, соразмерно стажерскому кошельку, питаюсь в посольской столовой. В ответ он прочитал целую лекцию об особенностях китайской кухни, заметив, что посещение ресторанов и знакомство с кухней различных провинций и регионов Китая — это тоже страноведение, которым не следует пренебрегать. По словам Сергея Леонидовича, он старается каждый раз бывать в новом для себя ресторане. Только в Пекине посетил более двух сотен ресторанов, и это, даже по самым приблизительным оценкам, составляет не более десятой части их количества в китайской столице.

Этот его совет пригодился, когда я приехал в Пекин уже на работу в посольство. В период «культурной револю-

ции» китайские рестораны были довольно дешевыми и не обременяли семейный бюджет. Не раз я вспоминал советы Сергея Леонидовича, когда обсуждение китайской кухни облегчало установление непринужденных отношений не только с китайцами, но и с иностранными коллегами.

1 октября 1969 года Китай праздновал 20-летие победы революции и основания КНР. В Пекине на площади Тяньаньмэнь состоялся парад войск и грандиозный фейерверк из двух отделений. На трибуне находилось все китайское руководство во главе с Мао Цзэдуном. Там же были приглашенные иностранные делегации: вьетнамская и советская правительственная делегация по пограничным переговорам. Глава делегации В. В. Кузнецов находился в Москве, и делегацию возглавлял его заместитель, генерал пограничных войск В. Ганьковский. И мы, два стажера, прикомандированные к делегации, также находились на трибуне, когда Мао Цзэдун неожиданно для всех стал обходить иностранных гостей и здороваться со всеми за руку. Так довелось увидеть китайского вождя и даже пожать ему руку. Именно тогда Мао Цзэдун в присутствии афористическом стиле сказал Ганьковскому облетевшую весь мир фразу: «Переговоры нужно вести хорошо». Несмотря на ее краткость и простоту, в Москве и в других мировых столицах гадали, что бы это могло означать. Строились всевозможные догадки. Со временем участникам переговоров с советской стороны стало ясно, что Мао имел в виду переговоры на китайских условиях.

После окончания ВДШ я был зачислен в 6-й (китайский) отдел Первого главного управления (ПГУ) КГБ СССР (внешняя разведка). Однако в действительности я работал по линии прикрытия в I Дальневосточном отделе МИД СССР в должности третьего секретаря. В 6-м отделе появлялся ближе к концу рабочего дня и вместе с несколь-

кими однокашниками по ВДШ, принадлежавшими, как и я, к разведке, проходил оперативную подготовку на вечерних курсах. Вскоре был направлен в Пекин в длительную загранкомандировку.

В 1971–74 годах с семьей находился в Китае, сначала третьим, а затем вторым секретарем посольства СССР. Надо сказать, что, несмотря на мою молодость, меня направили в Пекин заведующим консульским отделом посольства (по согласованию с руководством разведки и МИД). Для начинающего дипломата это была довольно высокая должность. Она была закреплена за разведкой — видимо, этим объяснялось мое назначение на эту должность, так как она позволяла успешно решать некоторые специфические задачи по моей основной работе.

Однако, вопреки сложившейся практике, посол не принял меня ни в первый, ни во второй день пребывания в посольстве. И только в конце третьего дня меня вызвал резидент и сказал, что сейчас вместе пойдем к послу на прием. Он предупредил, что могут быть неожиданности, поэтому надо быть выдержанным и постоянно поддерживать с ним зрительный контакт.

Резидент как в воду глядел. Посол заявил, что он три дня посылал шифровки в МИД, требовал отменить решение о моем назначении заведующим консульским отделом и только сегодня получил ответ с согласием. Считает, что эта должность не подходит молодому дипломату, так как требует не только профессионального, но и жизненного опыта, поскольку связана с разбирательством происшествий внутри советских коллективов, как выразился посол, «копанием в грязном белье». С его точки зрения, начинающему дипломату нужно набираться чисто профессионального, дипломатического опыта, а его можно приобрести, только занимаясь политической проблема-

тикой. Посол предложил мне на выбор любую политическую группу. Смотрю, резидент дает мне понять, что нужно соглашаться. А мне ничего другого и не оставалось: не буду же я идти против решения посла, согласованного с МИД. Выбрал внутривластическую группу. Как показало время, выбор сделал правильный, так как внутривластическая обстановка, внутренняя политика китайского руководства, перспективы дальнейшего развития КНР в свете «культурной революции» и скрытой борьбы в руководстве КПК представляли для Советского Союза первоочередный интерес.

Властическую группу возглавлял советник Григорий Кудашев, опытный китаист. Достаточно сказать, что именно он переводил Н. С. Хрущёву и Мао Цзэдуну во время визита советского руководителя в Китай в 1959 году на празднование 10-летия образования Китайской Народной Республики. Во время этого визита Хрущёв и Мао Цзэдун окончательно и бесповоротно рассорились, ввергнув две великие социалистические державы в многолетнюю изнурительную вражду.

Когда было время и настроение, Кудашев мог рассказать много неизвестных и интересных деталей об атмосфере визита, поведении советского лидера, его взаимоотношениях с китайским вождем. Уже тогда вызрела и наглядно проявилась их глубокая неприязнь друг к другу, которая придавала объективно существующим противоречиям и столкновению интересов двух социалистических гигантов и личностный характер. Мы, молодые дипломаты, слушали своего руководителя группы если не разинув рты, то точно распахнув уши и глаза.

Время, как я уже отметил выше, было сложное. Хотя накал «культурной революции» несколько спал, ее влияние ощущалось не только во внутренней жизни страны,

но и во внешней политике, и наиболее остро — в сфере советско-китайских отношений. Естественно, это сказывалось на условиях деятельности посольства и жизни его сотрудников.

Жить во враждебном окружении — дело нелегкое. Приходится все время быть начеку, постоянно соблюдать повышенные требования безопасности, ограничивать себя в потребностях, которые были бы обычными при нормальных условиях.

Работа в маоцзэдуновском Китае запомнилась не только гримасами «культурной революции» и бесчинствами хунвейбинов. Знакомство с великой страной с древней историей и культурой всегда производит глубокое впечатление и запоминается на всю жизнь. Тем более с такой цивилизацией, как китайская, с ее многогранной культурой, на изучение которой недостаточно целой жизни. По своему опыту знаю, что Китай влюбляет в себя, и это относится прежде всего к его народу. Этой влюбленности не смогла помешать насаждаемая сверху враждебность ко всему советскому. Жаль, что знакомство с этой великой страной пришлось, как говорил поэт, на «минуты роковые» ее истории. В другое, более благоприятное время впечатления о Китае были бы намного насыщеннее и ярче, а познания — более глубокими и разнообразными. Это время наступило после кончины Мао Цзэдуна и разоблачения «банды четырех».

Первые три месяца пребывания в Пекине посвящались вхождению в коллектив, устройству быта, изучению города с точки зрения разведывательных интересов, освоению участка работы по линии прикрытия.

Во внутривластной группе за мной закрепили государственные органы КНР. В мои обязанности входило изучение государственного устройства КНР, центральные

и местные органы власти и управления, кадровая политика, влияние «культурной революции» на государственные органы, ведение соответствующей картотеки, подготовка информации по указанной тематике, а также аналитических материалов. Кроме того, меня ввели в состав правительственной делегации на пограничных переговорах, и я принимал участие в заседаниях и переговорах, протокольных мероприятиях, готовил обзоры передач китайского радио для главы делегации, а также информацию о переговорах для посольства.

Как видно из этого краткого перечисления, круг обязанностей и загруженность работой были довольно большими. Это только по линии прикрытия. А ведь имелась и основная, то есть разведывательная работа, где нагрузка была еще больше: установление контактов среди местного населения, прежде всего госслужащих, и в дипломатическом корпусе, постоянное расширение круга связей, изучение тех контактов среди них, которые могут представлять интерес для разведки как потенциальный источник конфиденциальной информации, и т. п., составление оперативной документации, подготовка информационных сообщений в Центр по закреплённой за мной тематике, что отнимало довольно много времени.

Работать приходилось во враждебных условиях острой советско-китайской конфронтации, произвола «культурной революции». Контакты с местным населением были мало сказать что ограниченными, а скорее сведены к минимуму. Китайцам строго запрещалось встречаться с иностранцами, особенно с советскими представителями. Если встречи происходили, то с китайской стороны всегда присутствовали не менее двух-трех человек. Они были обязаны отчитываться о содержании бесед, «стучать» друг на друга. Китайская контрразведка работала по советским

дипломатам грубо и демонстративно, слежка велась открыто в расчете на запугивание. Жители были обязаны незамедлительно сообщать властям о появлении в их районе любого иностранца, который внешне выделяется из однородной серо-сине-зеленой массы китайцев. Повсеместно царила атмосфера страха и взаимного доносительства.

Но никто не отменял задачи советской разведки по добычанию закрытой информации о происходящем в Китае и его внешней политике, особенно в отношении Советского Союза. В такой закрытой стране, каким был Китай практически во все времена, а особенно в период «культурной революции», разведки всех стран испытывали серьезные трудности, так как не имели прочных агентурных позиций. Прежняя агентура была в значительной мере утеряна в результате массовых репрессий во время «культурной революции», а заводить новые источники закрытой информации было крайне трудно по указанным выше причинам. Поэтому к сохранившейся немногочисленной агентуре разведки относились очень бережно, ценили ее и делали все, чтобы не допустить провала, не «сжечь» свои источники. Советская разведка не была исключением, а может, находилась в наиболее сложном положении, так как маоистское руководство прекрасно знало, что есть люди, прежде всего среди членов Компартии Китая, и их немало, которые сохранили доброе отношение к Советскому Союзу, помнили об огромной и разносторонней советской помощи, не утратили духа интернационализма. Именно такие люди представляли для маоистского режима наибольшую опасность, на их разоблачение и преследование были направлены мощные силы репрессивного аппарата.

Еще до выезда в Пекин передо мной поставили важную задачу восстановления утраченной из-за «культурной революции» связи с ценным источником секретной

информации из числа высокопоставленных членов КПК. Он выпал из поля зрения советской разведки более чем на два года, его судьба была неизвестна. Поступали разрозненные сведения о том, что он подвергся репрессиям, но информация была отрывочной и не давала ясной картины о судьбе источника. Мне предстояло прояснить все эти вопросы.

Инструктировал меня начальник 6-го отдела Юрий Иванович Дроздов⁸. В самый разгар «культурной революции», когда во всей своей ужасающей реальности встала угроза военного столкновения между Советским Союзом и Китаем, Юрий Иванович возглавлял резидентуру КГБ в Пекине (об этом легендарном человеке написано немало, и он сам автор нескольких книг).

Подготовка операции по восстановлению связи с этим ценным источником закрытой информации заняла почти полгода. Здесь и периодические выходы к месту «моментального» контакта с привлечением к операции Гультум Хабибулловы для маскировки их под бытовые и придания моим действиям естественности, и проверки условий «вечной явки», и сбор и анализ информации о судьбе источника через другие каналы и т. д. и т. п.

Наконец был установлен «моментальный» контакт с объектом (это произошло в пекинском универмаге на улице Ванфуцзин, где мы были с Гультум Хабибулловной), что означало вызов источника на место «вечной явки» в известные ему день и время. В целях прикрытия операции на вечер этого дня, по договоренности с послом, был назначен большой прием для дипломатического корпуса.

Поскольку мы знали, что в доме напротив посольства располагается стационарная база наружного наблюдения (НН) китайской контрразведки, откуда их бригады бра-

⁸ См. биографическую справку, стр. 316.

ли наши машины под сопровождение сразу после выезда за ворота посольства, мы рассчитывали на то, что наши оперативные машины выедут с основной массой машин, разбегаящихся после приема гостей, и этим мы затрудним работу китайской службы НН.

В назначенное время две оперативные машины выехали одна за другой. В первой были заместитель резидента с супругой и я (прятался на полу за спинками передних сидений). Супруга заместителя резидента сидела на заднем сидении. В ее задачи входило открыть по сигналу заднюю правую дверь автомашины и выпустить меня и таким же образом подобрать в условленном месте в машину. Чтобы бригада НН не могла ночью засечь короткую остановку автомашины для моей высадки и подхвата, стоп-сигнал был отключен. Высадку и подхват планировалось осуществить в специально подобранных на маршруте «мертвых зонах», где бригада НН не могла их зафиксировать. Кроме того, на радиоприемнике первой автомашины был установлен калибратор, который обеспечивал устойчивую связь с резидентурой, где велась прослушка переговоров китайских бригад НН. В случае опасности в машину подали бы сигнал, и операцию отменили бы.

В задачу второй оперативной машины входило не дать китайской бригаде НН «сесть на хвост» первой машине, по возможности оттягивать от нее, а при попытке обогнать — блокировать машину НН. В ней сидели оперработник с супругой. Кстати, и заместитель резидента, и оперработник на второй машине через многие годы закончили карьеру на руководящих должностях в разведке в звании генерал-майора.

Высадка прошла благополучно, и я направился пешком к месту встречи с источником. Путь был неблизкий. На маршруте я должен был пересечь железнодорожные

пути, на которых была вооруженная охрана, что представляло серьезную опасность. Хотя я был одет в типичную китайскую одежду и на голове у меня была кепка, которая позволяла в случае необходимости скрыть лицо от освещения уличных ламп, тем не менее существовала опасность контакта с охранниками, что было крайне нежелательно. У меня не было документов, лицом я не очень-то походил на китайца, хотя и мог сойти за выходца из Синьцзяня. В случае задержания я фактически исчез бы бесследно, так как посольство не знало бы, что со мной случилось, документов не было и найти меня практически не смогли бы. И тут появился маневровый паровоз с несколькими вагонами, охранники перекрыли шлагбаум. Стали накапливаться пешеходы, ожидающие открытия перехода. Это дало мне возможность затеряться в небольшой толпе ожидающих. Наконец шлагбаум подняли, и я, делая вид, что оглядываюсь, не подходит ли другой поезд, скрыл лицо от охраны, благополучно пересек железнодорожные пути и продолжил путь к месту явки.

Самая большая потенциальная опасность поджидала на месте встречи. Подойдя к скамейке, на которой, по условиям явки, я должен был ожидать появления агента, услышал полусшепот, исходящий из-за ближних кустов. Первая мысль: засада. Громко кашлянул, чтобы обозначить свое присутствие и прояснить ситуацию. В ответ из-за кустов поднялась влюбленная парочка и удалилась.

Тут из переулка появился агент в белой рубашке с короткими рукавами и темных брюках, в руке он держал плетеную соломенную сумку. Сел рядом на скамейку. Было видно, что он крайне взволнован, напряжен, даже напуган, его руки дрожали. Сразу начал расспрашивать, как я добрался до места, не было ли «хвоста», что насторожило меня. Он достал из сумки сложенный лист бума-

ги и пытался всучить мне его в руки, объясняя, что это тайнописное сообщение. Я решил не брать его. Руководствовался тем, что источник два года находился вне поля нашего зрения, и мы не знали, что с ним случилось. Его могли перевербовать, чтобы использовать в игре с нами. В случае захвата тайнописное сообщение послужило бы неопровержимым доказательством моей принадлежности к разведке и связи агента с советской разведкой, а также разведывательного характера самой нашей встречи. Исходя из этих соображений, предложил агенту устно изложить содержание его письменного сообщения, что он и сделал. Информация оказалась очень важной и представляла большую ценность.

Мы распрощались, предварительно договорившись об условиях следующей встречи. Агент пошел к автобусной остановке, а я двинулся к месту подхвата.

Обратный маршрут также не обошелся без приключений. Непосредственно в районе подхвата встретил военный патруль, и мне пришлось, чтобы скрыть лицо, изображать отправление естественных потребностей. Появилась оперативная машина и притормозила на секунду около меня, я впрыгнул в открытую заднюю дверь к ногам супруги заместителя резидента, и мы рванули в посольство.

В резидентуре ждали завершения операции. Так как в ней было задействовано большинство оперативного состава (техники вели прослушку эфира на предмет работы китайской службы НН за нашими машинами, другие сотрудники были задействованы в отвлекающих мероприятиях и в мероприятиях прикрытия), то все они находились здесь. Об операции знал Центр, и там тоже ждали результатов.

Я сразу прошел в кабинет резидента, где уже был его заместитель, и стал докладывать. Здесь меня поджидала

самая большая неприятность. Когда закончил повествование, резидент в довольно резких выражениях высказал свое недовольство тем, что я не взял письменное сообщение источника, приказал не откладывая написать отчет, который под утро в зашифрованном виде ушел в Центр. А я расстроенный пошел домой отсыпаться.

На работу пришел после обеда. Вижу, в коридоре меня с нетерпением ждет шифровальщик. Он сказал, что есть ответ из Центра и надо зайти к резиденту. Прошел в кабинет резидента, тот предложил мне сесть и протянул папку с шифротелеграммой. Я начал читать. Текст был коротким. До сих пор помню его наизусть: «Оперработник действовал правильно. Объявите ему от моего имени благодарность. Свиридов». Эта была телеграмма, подписанная самим председателем КГБ СССР Ю. В. Андроповым (Свиридов — один из псевдонимов, которым он подписывал шифротелеграммы в резидентуре).

Я сразу взбодрился, забыл о ночной взбучке, полученной от резидента. Грудь колесом, настроение приподнятое. Немедленно поехал в город обмыывать с друзьями благодарность.

В работе разведки бывают, к сожалению, и провалы. Хотя они случаются редко, но, в отличие от успехов, которые остаются неизвестными широкой публике даже через многие годы, провалы сразу обретают широкую огласку. Крупный провал имел место и в Пекине, правда, не у нас, а у «соседей» из резидентуры Главного разведывательного управления Генерального штаба Советской Армии (ГРУ ГШ СА).

Ночью 2 февраля 1973 года под мостом на окраине Пекина были задержаны первый секретарь посольства Марченко и сотрудник торгпредства (фамилию уже не помню). Их взяли с поличным при передаче агентурной рации

агенту-нелегалу из числа китайцев-перебежчиков. Как выяснилось, он был ранее заслан китайской контрразведкой в Советский Союз с заданием внедриться в советскую агентурную сеть, что ему и удалось успешно осуществить. Внедрение подставы, ее последующий вывод на территорию КНР и захват с поличным сотрудников ГРУ говорили о высоком профессионализме китайских контрразведчиков, который нельзя было недооценивать.

Обычно агента-нелегала не дают на связь «легальной» резидентуре, действующей под «крышей» посольства или другого официального представительства. В данном случае это было, видимо, вынужденным решением, принятым в условиях жесткой оперативной обстановки. Тем более что резидент ГРУ был опытным и заслуженным генералом, работавшим в молодости с самим Рихардом Зорге. Была допущена и явная несогласованность операции с резидентурой КГБ, что не позволило вовремя прервать ее и предотвратить захват военных разведчиков. «Соседи» не информировали нашего резидента о самой операции и районе ее проведения. Из-за этого наши технические сотрудники, контролирующие радиочастоты работы китайской службы наружного наблюдения, хотя и зафиксировали ее необычно высокую активность в районе проведения операции, не связали это с действиями военных «соседей» и, естественно, не предупредили их об опасности. В результате те угодили в приготовленную китайцами ловушку.

После завершения следствия Марченко и его напарник были объявлены персонами non grata и высланы из страны. Они вывезли с собой чисто разведывательное техническое средство: оказалось, китайские контрразведчики почему-то не обыскали их при задержании, а в камере заключения их также не обыскали, полагая, видимо, что это

было сделано во время ареста. Бывают и такие парадоксы в разведке.

Работа в Пекине, несмотря на сложность обстановки, была интересной и поучительной. Видел многих высших руководителей КНР периода «культурной революции», таких как члены Постоянного Комитета Политбюро ЦК КПК Е. Цзяньин, Ли Сяньнянь, Чжоу Эньлай. Они бывали на мероприятиях, на которых присутствовали и главы дипломатических миссий, в том числе и советский посол Толстиков Василий Сергеевич⁹. Он иногда по просьбе резидента КГБ брал на такие мероприятия и меня в качестве переводчика. Дело в том, что один из моих хорошо информированных источников из числа дипломатов одной из стран Юго-Восточной Азии стал переводчиком своего посла, что сразу значительно осложнило организацию встреч с ним, так как он не располагал временем и был привязан к графику посла. Протокольные мероприятия, на которых бывали и мой и его послы, давали нам возможность накоротке договариваться о времени и месте встреч.

Таким образом, по указанной выше причине я оказался на большом государственном приеме, который по случаю дня образования КНР ежегодно давал премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай¹⁰. Прием по обыкновению проходил в большом зале Всекитайского собрания народных представителей (парламент), расположенном на центральной площади столицы Тяньаньмынь (Ворота небесного спокойствия).

Каждому посольству на приеме отводился круглый стол. Столы располагались в несколько длинных рядов. За нашим расположились посол В. С. Толстиков, торговый представитель СССР в КНР, военный атташе и я в качестве переводчика.

⁹ См. биографическую справку, стр. 318.

¹⁰ См. биографическую справку, стр. 319.

Чжоу Эньлай, министр иностранных дел КНР и другие китайские руководители разместились за столом на возвышающемся в зале подиуме. На наших столах лежало меню из 30 блюд, а также особые сигареты, которые подавали только на приемах у премьера Госсовета КНР.

После короткого выступления министра иностранных дел и поздравления дуайена (главы) дипкорпуса с праздником Чжоу Эньлай спустился с подиума и пошел вдоль столов, за которыми сидели гости. Рядом с ним шел рослый молодой китаец, одетый форму в военного образца зеленого цвета, за ними шли два официанта в белых куртках с перекинутым через согнутую руку полотенцем. В другой руке они держали по литровой бутылке китайской водки маотай (довольно крепкий высококачественный напиток — 55 градусов), из которых наполняли маленькие, на глоток, рюмки Чжоу Эньлая и его молодого спутника. Подходя к каждому столу с иностранными послами, премьер и его спутник чокались с гостями, которые вставали с мест и поздравляли хозяев с праздником. Все дружно выпивали.

По мере приближения к нашему столу, а мы были где-то во второй десятке, стало видно, что Чжоу Эньлай только делает вид, что выпивает. В отличие от него, молодой китаец каждый раз осушал (по-китайски ганьбэй — выпить до дна) свою рюмку, которую официант тут же наполнял. Он был уже весь багровый.

Когда Чжоу Эньлай подошел к нашему столу, все с рюмками в руках, кроме меня, встали с мест. Китайский премьер поздоровался и представил своего спутника. Им оказался недавно ставший заместителем Мао Цзэдуна на посту Председателя ЦК КПК Ван Хунвэнь, занимавший пост первого секретаря Шанхайского горкома КПК (город центрального подчинения, как и Пекин). Это было его

первое появление перед иностранцами в новом качестве. Поговаривали, что он станет преемником Мао Цзэдуна. Позже об этом было объявлено официально.

Не обошлось без курьеза. Посол Толстиков не удержался и, показывая Чжоу Эньлаю на Ван Хунвэня, выпившего свою рюмку до дна, сказал, что тот может и не дойти до конца ряда, явно намекая на разгоряченное состояние Вана. Чжоу Эньлай с присущим ему спокойствием ответил: «Ничего, молодой еще, научится». К слову, Ван Хунвэнь был одним из критиков Чжоу Эньлая в высшем китайском руководстве, и когда тот заболел, пытался, правда безуспешно, занять пост премьера Госсовета. После смерти Мао Цзэдуна Ван Хунвэнь был арестован в числе «банды четырех», осужден на пожизненное заключение и умер в 1992 году.

Следует сказать, что Толстиков был довольно далек от дипломатических тонкостей. Это, видимо, объяснялось тем, что до перехода на партийную работу он был строителем, вращался в рабочей среде и не был склонен к политексу. Он был невысокого роста, полноватый, чем-то напоминал Никиту Сергеевича Хрущёва, который и выдвинул его на пост первого секретаря Ленинградского обкома, члена ЦК КПСС. Он не скрывал, что пострадал за близость к Хрущёву: именно это послужило причиной его снятия с высокого партийного поста и направления послом в Пекин. Я слышал из его уст, что на октябрьском, 1964 года пленуме ЦК КПСС, на котором отстранили Хрущёва от власти и избрали Л. И. Брежнева генеральным секретарем ЦК КПСС, он воздержался при голосовании по кандидатуре Брежнева, чего ему не простили.

О прямолинейности Толстикова в ходе его первой и единственной встречи с премьером Госсовета Чжоу Эньлаем мне рассказывал переводивший беседу Дамир Бай-

дильдин. Беседа вместо снятия опасной напряженности между двумя государствами фактически вылилась во взаимные обвинения, в довольно резких выражениях, в предательстве марксизма-ленинизма, особенно со стороны посла, что вынудило присутствовавшего заместителя министра иностранных дел КНР Юй Чжяня закатать рукава и заявить, что они готовы бороться с Советским Союзом «десять тысяч лет».

В то же время Василий Сергеевич был масштабной личностью. В его подходе к проблемам чувствовался крупный руководитель, умеющий быстро схватывать суть, отделять главное от второстепенного, организовывать людей на достижение поставленной задачи и добиваться исполнения своих указаний. Он привез из Ленинграда свою команду во главе с заведующим организационным отделом обкома КПСС. В первое время работы в качестве посла относился к дипломатам и разведчикам с недоверием, но быстро разобрался, что имеет дело с профессионалами, преданными своему делу. Вскоре ленинградцы, за исключением его личного водителя, были отосланы назад в Ленинград. В дальнейшем мы имели в лице Василия Сергеевича не только авторитетного руководителя, но и старшего товарища, на которого можно положиться и рассчитывать на его действенную помощь как в работе, так и в решении личных проблем.

Был смешной случай, связанный с его водителем. Это был высокий человек с благородной сединой, довольно импозантный. А Василий Сергеевич, как я упоминал, был невысокого роста, лысоватый, плотного телосложения, даже полноватый. Когда он прибыл в одно из посольств на дипломатический прием (в первые месяцы его работы в Пекине), вышел из машины и направился в помещение, где проходил прием, то его не пустили, так как для води-

телей стол накрыт в гараже. В зал же приемов пригласили его водителя. После этого случая Василий Сергеевич на приемы ездил с другим, менее представительным водителем, а своего ленинградского водителя назначил механиком, что предполагало его нахождение преимущественно в гараже посольства.

С Дамиром Байдильдиным и его супругой Дилярой мы были в дружеских отношениях. Они находились в КНР уже во второй длительной заграникомандировке и, как более опытные, первое время нашего пребывания в Пекине дружески опекали нас. На чужбине чувство национальной принадлежности обостряется, и мы, как правило, держимся друг за друга, помогаем. Дамир окончил МГИМО и к нашему приезду в Пекин стал одним из лучших знатоков китайского языка, поэтому привлекался к переводам бесед на самом высшем уровне. Именно он переводил Горбачёву во время его официального визита в КНР в мае 1989 года.

Дамир был интересным рассказчиком. Помню его рассказ о беседе Горбачёва с китайским лидером Дэном Сяопином. На правах гостя советский визитер заговорил первым, хотя много выиграл бы, если, следуя восточным традициям, уступил бы эту привилегию более старшему по возрасту Дэну Сяопину. Да и в тактическом плане это дало бы преимущества. Горбачёв был многословен, использовал сложные речевые обороты, много импровизировал, что создало серьезные трудности для перевода. Одной из проблем был вопрос о двух советских островах на реке Амур у Хабаровска — Большом Уссурийском и Тарабарове, которые располагаются по китайскую сторону от фарватера реки и, согласно нормам международного права, должны принадлежать Китаю. Горбачёв предложил оставить этот вопрос будущим поколениям, Дэн Сяопин же высказался за то, чтобы решить проблему, пока он жив.

Нам, китаистам, было ясно, что «оставить будущим поколениям» в действительности означает оставить Китаю. Так и получилось: эти острова в 2004 году были переданы Китаю. По словам Дамира, Дэн Сяопин на многословную трескотню Горбачёва ответил крылатой фразой «Давайте закроем прошлое и откроем будущее». Так был открыт путь к нормализации советско-китайских отношений.

После распада СССР и получения Казахстаном независимости Дамира пригласили в Алма-Ату, где Н. А. Назарбаев предложил ему принять участие в создании дипломатической службы молодого государства в качестве первого заместителя министра иностранных дел. Назарбаев познакомился с Байдильдиным во время визита в КНР во главе делегации Верховного Совета СССР в сентябре 1985 года. Предложение было принято, и в январе 1992 года Дамир прилетел в Алма-Ату. К сожалению, назначение не состоялось из-за болезни Дамира, и он вскоре вернулся в Москву. В 1994 году он скоропостижно скончался в возрасте 55 лет. Это был замечательный человек с широкой, как наша необъятная степь, душой, всегда готовый прийти на помощь, с острым критическим, можно даже сказать — саркастического склада умом. Великолепный знаток китайского языка с богатым опытом длительной дипломатической работы на одном из наиболее важных и острых направлений внешней политики сверхдержавы, каким был Советский Союз, Дамир, вне всякого сомнения, внес бы весомый вклад в становление нашей дипломатической службы. Горько, что он ушел из жизни относительно молодым, не реализовав до конца свой профессиональный потенциал на службе Казахстану, который он безмерно любил. Да упокоится его душа в раю!

С Дамиром связан один интересный эпизод нашей совместной работы в Пекине. 13 сентября 1971 года на тер-

ритории Монголии потерпел крушение самолет «трайдент» с девятью пассажирами на борту. Судя по фрагментам одежды, они были китайскими военными, однако их личности и то, почему они оказались в Монголии, оставалось тайной.

Вскоре вслед за этим в Пекине и во всем Китае на предприятиях и в учреждениях стали проходить загадочные собрания, в прессе появились критические статьи о древнем китайском философе Конфуции — признаки начала большой политической кампании. О ее причинах и целях в иностранных посольствах строились различные догадки, ходили слухи. Перед нами, сотрудниками резидентуры КГБ, была поставлена задача внести ясность в происходящее в Китае. Политические кампании в маоистском Китае проходили, как правило, завуалированно, под видом борьбы с какими-либо средневековыми традициями. Китаисты знали это и по эзопову языку китайских СМИ нередко разгадывали эти шарады довольно близко к истине. В их разгадке не исключалась и роль случая. Но, как известно, случай улыбается тому, кто ищет и готов воспринять. Такой случай улыбнулся и нам.

В воскресный день мы с Дамиром решили сходить в кинотеатр. В помещении билетной кассы никого не было, кроме кассирши за окошком. Она сидела и читала книжку. Оказалось, билеты закончились, и по нашей просьбе она пошла в другую комнату за новой порцией билетов, положив раскрытую книгу на стол текстом вниз. На обложке было написано «Материалы IX съезда Коммунистической партии Китая, апрель 1969 года». Дамир взял книжку и быстро пролистал ее. В конце был дан персональный состав руководящих органов КПК, и в этом списке черным фломастером были вычеркнуты имена Линь Бяо, официального преемника Мао Цзэдуна, заместителя председате-

ля, члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, министра обороны КНР, а также нескольких членов ЦК КПК из числа высокопоставленных военных деятелей. Дамир зачитывал вычеркнутых, а я быстро их записал. Успели вернуть книжку на место до того, как вернулась кассир. От предложенных билетов мы отказались под предлогом, что нас не устраивают места. Можно представить наше нетерпение вернуться как можно быстрее в посольство! Было ясно, что произошло что-то сверхчрезвычайное, так как ни один китаец не мог позволить себе вычеркивать имена из списка высшего руководства КПК, тем более такую фигуру, как Линь Бяо, второго человека в партии и стране.

По прибытии в посольство Дамир сразу пошел к послу, а я — к резиденту. Доложили о своем открытии. Началась аналитическая работа. Много из происходящего в стране прояснилось. Возникло обоснованное предположение, что в разбившемся в Монголии «трайдене» находились Линь Бяо и близкие к нему военачальники, вычеркнутые из списка членов ЦК КПК. В Москву ушли шифротелеграммы. Так как Линь Бяо в 1939–1942 годах находился в СССР на лечении, а затем был представителем ЦК КПК при Коминтерне, достали из архива его медицинскую карту и по зубам идентифицировали его среди погибших в Монголии. Бегство Линь Бяо и его окружения говорило о глубине и серьезности скрытой оппозиции Мао внутри руководства КПК и, что особенно важно, в руководстве НОАК. Позже стал известен и план возглавляемого Линь Бяо военного переворота, так называемый «проект СН», и то, что бежал он с соратниками в Советский Союз, а не в Монголию, где самолет потерпел крушение.

Этот случай является подтверждением известной истины о том, что в разведке не бывает мелочей и что разведчик всегда должен быть нацелен на поиск нужной ин-

формации. Не зря говорят, что работа разведчика сродни работе археолога: как археолог по маленькому фрагменту восстанавливает весь облик артефакта, так и разведчик по отдельному факту воссоздает картину события.

Это относится и к историческому визиту президента США Р. Никсона в Китай в феврале 1972 года. Советская разведка знала о двух тайных посещениях Пекина советником по национальной безопасности Генри Киссинджером. Они служили подготовкой визита президента. Москву интересовали прежде всего пределы сближения Вашингтона и Пекина, его направленность и влияние на отношения в треугольнике «СССР — КНР — США», а также на перспективы окончания вьетнамской войны.

Недельное пребывание Никсона в Китае, его встреча с Мао Цзэдуном и переговоры с Чжоу Эньлаем, опубликованное по итогам визита шанхайское коммюнике во многом подтвердили прогнозы резидентуры, сделанные на основе анализа косвенных данных, а также открытых материалов и сообщений наших источников. Хотя у нас не было непосредственного доступа к содержанию переговоров, анализ имеющейся информации позволил дать правильный ответ на главный вопрос, волнующий советское руководство, а именно что визит хотя и знаменует собой радикальный поворот от конфронтации к сотрудничеству между США и КНР, тем не менее не приведет к созданию альянса, направленного против СССР, не положит конец войне во Вьетнаме.

Надо сказать, что китайцы проявили максимум гостеприимства в отношении американской делегации. Например, внезапно изменился ассортимент товаров в магазине для иностранцев «Дружба», в котором появились многочисленные предметы роскоши, рассчитанные на богатых покупателей, какими были американцы в глазах китай-

цев. Мы с Гульсум Хабибулловой были свидетелями того, как супруга президента США Пэт Никсон приценивалась к покупкам. В частности, ей приглянулся огромный природный черный жемчуг, однако узнав, что он стоит 25 тысяч долларов, она была вынуждена отказаться, заявив с огорчением, что это дорого даже для жены президента США.

Работа в посольстве СССР в КНР стала для меня хорошей профессиональной школой. Для молодого дипломата исключительно важно как можно раньше приобщиться к проблемам большой мировой политики, научиться мыслить политическими категориями, получить навыки анализа и «набить руку» на подготовке серьезных документов. Всего этого в Пекине было с избытком. Китай и советско-китайские отношения были одним из важнейших факторов глобальной политики. Закрытость страны и недостаток информации повышали роль и значение аналитической работы в изучении ситуации в стране и политики ее руководства. Надо сказать, что советская разведка, работая в крайне тяжелых условиях маоистского Китая, к ее чести, не допустила серьезных просчетов в своих оценках и прогнозах.

В Пекине мне посчастливилось работать с замечательными людьми, хорошо образованными, преданными своему делу профессионалами. Вообще следует отметить, что китаисты составляют своеобразную касту. Где бы они ни работали — в ЦК КПСС, в МИДе, в политической или военной разведке, в журналистике или в науке, — все хорошо знали и поддерживали друг друга. Видимо, это объясняется трудностями, с какими китаисты добывают свой хлеб, — имею в виду изучение китайского языка, который относится к числу сложных. Недаром что-то малопонятное называют китайской грамотой. А в годы советско-китайской конфронтации работа китаиста была сопряжена и

с другими сложностями, такими как враждебное отношение к советским людям, изоляция от местного населения, отсутствие информации или ограниченность доступа к ней и многое другое.

О после В. С. Толстикове я уже говорил. Отсутствие опыта дипломатической работы он компенсировал политической зрелостью, сильным характером и организаторскими способностями. Надо отдать должное, он умел быть объективным. Покидая Пекин, Василий Сергеевич высоко оценил профессионализм, преданность делу и сплоченность китайцев независимо от их ведомственной принадлежности.

В посольстве в те годы работали такие профессионалы, как И. А. Рогачёв, впоследствии заместитель министра иностранных дел СССР, а после распада СССР он более одиннадцати лет возглавлял посольство России в Пекине, В. А. Чухров, И. В. Григоров, С. А. Андросов и В. А. Королёв, ставшие генералами внешней разведки КГБ СССР. Эти люди оказали на меня большое влияние, научили не только профессии, но и преданности Отечеству и умению самоотверженно, а если надо, то и с риском для жизни работать на его благо.

Во время пребывания в Пекине приобщился к работе советской правительственной делегации на переговорах с КНР по пограничным вопросам, которую долгие годы возглавлял Л. Ф. Ильичёв¹¹, тогда заместитель министра иностранных дел СССР. В годы войны он был главным редактором «Правды», а позже — секретарем ЦК КПСС по идеологии. Слушать его всегда было интересно и поучительно. Переговоры с Китаем по пограничным проблемам, начатые в сентябре 1969 года, продлились до 2002 года, то есть в общей сложности заняли 33 года. Сначала

¹¹ См. биографическую справку, стр. 320.

они велись между СССР и КНР, а после распада Советского Союза — с объединенной делегацией России, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана. Я участвовал в этих переговорах на различных этапах и в разном качестве, а после выхода на пенсию в 2005 году моим основным делом стали пограничные переговоры, но только с другими нашими соседями. В 2014 году начались переговоры по редемаркации казахстанско-китайской границы. Правительственную делегацию Казахстана возглавил я, и, таким образом, через 25 лет вновь окунулся в атмосферу пограничных переговоров с Китаем.

Три с половиной года работы в Пекине пролетели быстро. В 1974 году я с семьей вернулся в Москву, где продолжил работу в I Дальневосточном отделе МИД СССР. Отдел возглавлял легенда МИДа, ныне покойный Михаил Степанович Капица¹². Это был незаурядный человек. Он стал одним из самых молодых советских послов. Высокий, импозантный, яркий во всех проявлениях, известный китаевед, ученый. На его лекции в МГИМО сбегались студенты всех курсов. Работать под началом такого человека было не только хорошей профессиональной школой, но и доставляло удовольствие, вызывало стремление больше знать, больше уметь, лучше делать. Впоследствии Михаил Степанович стал заместителем министра иностранных дел СССР, а в 1980-е годы возглавил Институт востоковедения АН СССР.

9 сентября 1976 года в Пекине скончался председатель Мао Цзэдун. Его смерть означала конец целой эпохи в истории современного Китая, богатой на великие достижения, такие как победа китайской революции и образование Китайской Народной Республики, так и на великие бедствия, как «большой скачок» и «великая культурная

¹² См. биографическую справку, стр. 321.

революция». По образному выражению Мао Цзэдуна, в результате победы революции «Китай поднялся с колен». Однако он застыл в полусогнутом положении, а окончательно выпрямился и обрел подлинное величие и могущество позже, благодаря реформам Дэна Сяопина.

Наступало время перемен, и они не заставили себя долго ждать. Уже в октябре того же года была арестована так называемая «банда четырех» (левацкая группировка в высшем руководстве страны), и к власти пришли великий реформатор Китая Дэн Сяопин и его сторонники.

Уход Мао Цзэдуна с политической арены породил у советского руководства большие надежды. Оно хотело бы положить конец обременительной конфронтации и нормализовать отношения с Китаем. Эти надежды были связаны в основном с существованием в китайском руководстве, как тогда говорили, здоровых сил, заинтересованных в нормализации отношений с Советским Союзом. Поэтому когда сразу после смерти Мао из различных стран стали поступать сигналы о желании китайцев установить с советскими представителями негласные контакты, разведка немедленно подключилась к этой работе. В этих целях сотрудники 6-го отдела ПГУ были направлены на Кубу, в Афганистан и другие страны. К проверке был привлечен и я.

В конце ноября 1976 года меня командировали в Хельсинки, где был зафиксирован один из таких сигналов. По совету коллег, работающих по Финляндии, выехал на поезде через Ленинград. Международный вагон был достаточно комфортабельным, однако на границе с Финляндией удобства закончились, так как дальше поезд не шел из-за забастовки финских железнодорожников. Так я впервые столкнулся с проявлением классовой борьбы при капитализме. Вскоре на пограничную станцию прибыли

десятки туристических автобусов, на которых пассажиров доставили в Хельсинки прямо к платформе железнодорожной станции точно по расписанию прибытия нашего поезда, что приятно удивило. Меня встретил сотрудник хельсинской резидентуры, с которым я учился на одном курсе в ВДШ.

Столица Финляндии поразила меня тем, что уже в три часа дня становилось темно, на улицах зажигались огни, а автомашины и днем ездили с включенными фарами, что было тогда в новинку. Такая практика, как оказалось, на 17 % снизила аварийность на финских дорогах.

Коллеги меня предупредили, чтобы не подавал попрошайкам на улице, так как этим занимаются исключительно алкоголики. Я уже был наслышан о пристрастии жителей Финляндии к выпивке, в стране даже был введен своего рода сухой закон. Так, каждый финн прикреплялся к определенному магазину и только там мог приобрести спиртное, на продажу которого был установлен жесткий лимит и велся строгий учет на специально заведенных на каждого взрослого жителя лицевых счетах. Кроме того, были установлены драконовские цены на спиртное (например, бутылка виски Jonny Walker с красной этикеткой стоила 70 долларов).

Действительно, прогуливаясь рано утром, я встретил попрошайку, который вышел из подворотни и обратился за подаянием. Это был заросший бородой оборванец с испитым лицом. Узнав, что я советский, он стал неуклюже извиняться, сказал, что знает, что у советских нет денег. Деньги у меня были, но я не стал его разубеждать.

Резидентура с моим участием разработала план организации встречи и обстоятельной беседы с китайцем, от которого поступил сигнал с просьбой о конспиративной встрече с советским представителем. Для этого пла-

нировалось использовать сауну, посещение которой не привлекло бы нежелательного внимания. Там можно было провести беседу с китайцем, не опасаясь помех и подслушивания. План был хорошо продуман и одобрен Центром, оставалось организовать саму встречу.

Посещение сауны, как объяснили мне коллеги, было довольно широко распространено в протокольной практике Финляндии. Мне рассказали забавный случай с председателем Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным. В те годы отношения между СССР и Финляндией были, можно сказать, образцовыми по сравнению с другими западными странами. Визиты президента Финляндии в Советский Союз были далеко не редкостью. По его приглашению Подгорный, как формальный глава государства, совершил ответный визит в Финляндию, и его, как положено по финскому протоколу, пригласили в сауну. Узнав об этом, он через помощника попросил посольство подготовить текст своего выступления. Изумленные дипломаты посольства объяснили, что мероприятие будет проходить в сауне, где не принято выступать с речами, что президент и его гость будут абсолютно голыми и там попросту негде будет держать текст выступления. Выслушав эти более чем убедительные аргументы, Подгорный задумался, а затем попросил подготовить короткое выступление. Как меня уверяли коллеги, это не анекдот, а случилось на самом деле.

Через почти две недели пребывания в Хельсинки стало ясно, что встреча с китайцем, ради которой я приехал, не состоится. Выяснилось, что он уехал в Пекин, и неизвестно, вернется или нет. Причина отъезда так и осталась невыясненной: то ли его отозвали, так как заподозрили в контактах с нами, то ли произошло что-то другое. В разведке такое бывает. Несмотря на неудачу, я вернулся в Москву без чувства вины, довольный знакомством с Финляндией.

Вспоминаю другой случай, связанный уже с китайским посольством в Москве. Наша контрразведка перехватила телефонный звонок в посольство, поступивший из телефона-автомата. Звонивший предлагал передать китайцам за деньги важные секретные документы и назначил встречу на Речном вокзале. Контрразведчики обратились к нам с просьбой помочь и выделить оперработника, которого можно было бы подставить «инициативнику» под видом китайского дипломата. Выбор пал на меня.

В назначенный день я, загримированный под китайца и в соответствующей экипировке (дело было летом, и я был одет в закрытый френч китайского образца), за рулем «мерседеса» выехал с Лубянки на Речной вокзал. Спереди и сзади меня сопровождали и одновременно страховали две оперативные машины. Благодаря этому до места встречи мы добрались за пятнадцать минут, что в Москве даже при свободном трафике того времени было рекордом.

Операция прошла успешно. «Инициативник» передал мне в окно машины портфель с документами и был в этот момент задержан контрразведчиками, то есть взят с поличным. В портфеле находились совершенно секретная техническая документация авиационного завода им. Ю. Гагарина в Комсомольске-на-Амуре и записка с временем и местом следующей встречи, а также условиями оплаты услуг предателя.

В 1978 году меня направили на годичные курсы усовершенствования руководящего состава внешней разведки (УСО), имевшие важное значение для дальнейшего карьерного роста. Из тех, кто окончил эти курсы, формировался начальствующий состав разведки. Учиться было не в новинку, эти курсы я окончил также с красным дипломом.

Учеба в УСО не обошлась без неприятностей. Кто-то из слушателей (мы так и не смогли выяснить, кто именно)

проявил бдительность и «настучал» в кадры ПГУ о «неблагонадежных» разговорах среди слушателей. Действительно, среди нас было довольно распространены «вольные» разговоры, в которых слушатели, проработавшие в разных странах, в том числе и в развитых капиталистических, откровенно делились наблюдениями и озабоченностью нарастающим техническим и технологическим отставанием Советского Союза. Однако надо было быть весьма ограниченным человеком с искаженным восприятием нашего естественного беспокойства за судьбу родной страны, чтобы дать им антисоветскую окраску. Руководство, тем не менее, решило разобраться и прислало комиссию. Дело кончилось встречей всего нашего курса с начальником внешней разведки В. А. Крючковым¹³. Владимир Александрович не стал раздавать выговоры или читать нравоучения, а просто рассказал о своем босоногом детстве, о том, что в его многодетной семье была всего одна пара валенок, которой пользовались попеременно для того, чтобы справиться зимой нужду в «удобствах» во дворе. Ничего нового для нас в его рассказе не было, так как у многих было аналогичное детство. Поразил дружеский и доверительный, можно сказать задушевный характер беседы. В заключение он заявил, что рассказывает о своем детстве потому, что только советская власть могла таким, как он, открыть путь к вершинам карьеры, поэтому это рассказ о его личном отношении к советской власти. На этом разбирательство закончилось, никто не пострадал. Но каждый еще раз почувствовал, что значит советская власть для простого человека из гущи народа. Лучшей агитации за нее трудно придумать.

¹³ См. биографическую справку, стр. 322.

Лаос

Незаметно подкралось время для следующей длительной заграничной командировки, на этот раз в Юго-Восточную Азию, на Индокитайский полуостров, а именно в Лаос. Не только новая страна, новые проблемы, новые лица и новые знакомства, но и работа в новом качестве — заместителя резидента КГБ по линии политической разведки, то есть первого заместителя резидента (затем исполнял обязанности резидента).

Добирались из Москвы в столицу Лаоса самолетом «Аэрофлота» с промежуточными посадками в Ташкенте, Карачи, Рангуне. Перелет занял около двадцати часов.

В Лаосе я должен был заниматься китайской проблематикой. В то время из-за глобальной конфронтации СССР и КНР китайцы работали во многих странах, прежде всего Юго-Восточной Азии, где китайские интересы и китайское влияние были традиционно значительными. В их число входил и Лаос.

Это небольшое государство граничит с Китаем, Вьетнамом, Таиландом, Бирмой и Камбоджей. Экономика преимущественно аграрная. В стране правила Народно-революционная партия во главе с Кейсоном Фомвиханом, а государство называлось Лаосская Народно-Демократическая Республика (ЛНДР).

Советский Союз оказывал Лаосу значительную помощь. В стране работала большая группа советских специалистов, в том числе и трехтысячная группа военных.

Здесь все еще ощущалось, что страна в недавнем прошлом была охвачена гражданской войной. Народно-освободительная армия Лаоса (Патет Лао) была тесно связана с борьбой вьетнамского народа против американских

агрессоров. Значительная часть знаменитой тропы Хо Ши Мина, по которой Северный Вьетнам перебрасывал свои войска в Южный Вьетнам и обеспечивал их снабжение вооружением и боеприпасами, пролегла по территории Лаоса. В попытках перерезать ее американцы за время вьетнамской войны сбросили на Лаос около трех миллионов авиабомб. Бомбардировки нанесли большой урон мирному населению, экономике и природе страны. Так, серьезно пострадала знаменитая Долина кувшинов, посещение которой туристами было существенно ограничено из-за множества неразорвавшихся авиабомб.

Прямым следствием войны и ее разрушительного воздействия на экономику была и исключительно высокая, можно сказать обвальная инфляция. Кип, лаосская валюта, настолько обесценился, что при обмене долларов нам выдавали кипы, как мы шутили, кипами, которые мы не считая загружали в багажник машины. На рынке за покупки расплачивались кипами из багажника: открывали багажник, и продавцы сами выгребали из него кипы. Для нас, советских людей, это была первая встреча с таким явлением, как инфляция. Однако вскоре была проведена денежная реформа, да и нам существенно повысили оклады в долларах, что благотворно сказалось на наших семейных бюджетах и компенсировало издержки жизни в бедной стране с тропическим климатом.

Экономика Лаоса носила преимущественно аграрный характер. Из промышленности можно отметить гидроэлектростанции, которые поставляли энергию в соседние страны, добычу олова, лесоразработки.

Так что основным содержанием советско-лаосских отношений было не торгово-экономическое, а преимущественно военно-политическое сотрудничество. В этой сфере Советскому Союзу приходилось негласно соперни-

чать за влияние на лаосское руководство с вьетнамскими товарищами. Хотя в оказании экономической, военно-технической помощи советское доминирование было ощутимо, однако в политической сфере вьетнамское влияние было более заметным. Вьетнамские советники присутствовали в большом количестве в ближайшем окружении Кейсона Фомвихана, практически во всех министерствах и провинциальных органах управления. Это делало их важным источником ценной политической и экономической информации, необходимой советскому руководству для выработки адекватного политического курса и практических шагов в отношении Лаоса. По этой причине аппарат вьетнамских советников представлял для советской внешней разведки значительный интерес. Вербовочная работа среди вьетнамских товарищей была запрещена, но в то же время разрешалось установление с ними доверительных отношений, позволяющих получать интересующую нас информацию закрытого характера.

На такой же основе строилась работа и с лаосскими гражданами. Нередко дружеские, доверительные отношения нужно было подкреплять и материальным фактором, так как население страны в целом было бедным, на уровне его жизни отрицательно сказалась многолетняя гражданская война. Более-менее состоятельной группой были местные китайцы, которые контролировали частную деловую жизнь. Именно они представляли для нас наибольший разведывательный интерес. Под их безраздельным контролем находилась вся торговля золотом. Надо сказать, что этого драгоценного металла в стране было много, однако он добывался не путем промышленной разработки, а старательским трудом. Многие, даже откровенно бедные, лаосцы носили на шее обручи из мягкого 24-каратного золота, которые служили им страховкой на черный

день. Нередко можно было наблюдать, как они реализуют свою золотую заначку китайским торговцам золотом: от золотого обруча отрубался кусок, который нагревался паяльной лампой; под пламенем золото раскалялось, на нем появлялись темные пятна, свидетельствующие о наличии примесей. Цена определялась исходя из доли примесей и веса самого куска золота.

Другой сферой, находящейся под контролем китайцев, была нелегальная торговля опиумом. Лаос находится в так называемом золотом треугольнике, из которого наркотики по нелегальным каналам расходятся по всему миру. В самом Лаосе опиум-сырец испокон веков традиционно используется в лечебных целях. Как мне рассказывал друг Кет, сын «Красного принца» Суфанувонга, каждый боец Патет Лао носил в кармане порцию опиума-сырца в качестве эффективного обезболивающего средства на случай ранения или пищевого отравления.

О том, насколько обыденным и доступным для лаосца был опиум, говорит следующий случай. Как-то я рассматривал в лавке торговца старинную трубку для курения опиума, богато оправленную чеканным серебром и инкрустированную драгоценными камнями. Заметив мой интерес, торговец стал усиленно навязывать свой товар. Однако он был мне не по карману, и чтобы достойно выйти из ситуации, я сказал, зачем, мол, мне такая дорогая трубка без опиума. Торговец упредел мой маневр, заявив, что если я приобрету трубку, то к ней в придачу он даст и опиум, причем бесплатно. Тем не менее, к его разочарованию, пришлось отказаться от покупки.

Несмотря на свои относительно небольшие размеры, Вьентьян, столица Лаоса, богат буддийскими храмами, которых в городе великое множество. Наиболее известный — старейший храм Ват Сисакет, где хранится около 700 ста-

туй Будды, а также знаменитая золотая ступа Пха Тхат Луанг, помещенная на герб страны. Буддийские монахи пользуются особым уважением. Ежедневно рано утром можно наблюдать, как они в своих оранжевых одеждах, выстроившись в цепочку, обходят дома вьентьянцев. Горожане ждут их появления и кладут в их плетенные из бамбука чаши еду, в основном клейкий рис с различными приправами. Каждый лаосец мужского пола хотя бы раз в жизни обривает голову и уходит в буддийский монастырь на три месяца. При монастырях имеются своеобразные бани, где парятся в пару, настоянном на лечебных травах (от 15 до 40), а после получают почти часовой массаж, который монахи делают с большим мастерством. Сотрудники советского посольства, и мы с Гульсум Хабибулловой в том числе, любили ходить в эти бани и наслаждаться процедурами, дающими необычайный оздоровительный эффект.

Население Лаоса, несмотря на малочисленность, состоит из 70 племен и народностей, со своими национальными праздниками, которые признаются на государственном уровне. Как выразился руководитель страны Кейсон Фомвихан, из-за многочисленных праздников в стране только шестьдесят дней в году рабочие. Не знаю, насколько это соответствовало действительности, но бесспорно то, что лаосцы не относятся к числу трудолюбивых, им больше присуще созерцательное отношение к действительности. Такая жизненная философия, видимо, сформировалась под влиянием природно-климатических условий. Неудивительно, ведь плоды разнообразных деревьев (кокосовые пальмы, бананы, папайя и т. п.) созревают сами собой, без участия человека, и круглый год удовлетворяют потребности в пище. Созерцательность и благодушие — естественная особенность характерного для лаосцев существования.

В жизни Лаоса огромную роль играет великая азиатская река Меконг, которая пересекает страну с севера на юг и течет далее через Вьетнам в Камбоджу. Вдоль Меконга расположены практически все более-менее крупные населенные пункты Лаоса, включая и столицу. Кстати, на берегу этой великой реки находился дипломатический клуб, где мы любили проводить свободное время с детьми.

Особенно красивы закаты на Меконге. Создается впечатление, что желто-красный диск солнца опускается прямо в воды реки. Здесь же, прямо напротив дипломатического клуба, ежегодно проходил один из красочных праздников — гонки пирога, в которых участвовали не только местные команды, но и из Таиланда и Камбоджи. Богато украшенные длинные пироги, выдолбленные из цельного ствола дерева, в которых сидят до двадцати гребцов, чьим действиям придает слаженный характер и нужный темп барабанщик, стремительно мчатся по Меконгу. Вдоль берега толпы болельщиков подбадривают свои команды криками. Стоит возбужденный и веселый гвалт, шустрые мальчишки разносят напитки. Словом, событие для размеренной жизни Вьентьяна долгожданное и из ряда вон выходящее.

С гонками пирога по уровню и накалу праздничного настроения может сравниться и даже превосходит их праздник воды Пи Май, который отмечается ежегодно в середине апреля, в сезон дождей, и длится три дня, во время которых под всеобщий смех идет повсеместный и повальный полив друг друга водой. На улицах обливают водой всех прохожих и проезжающие машины. Водителям надо быть очень осторожными, так как потоки воды заливают стекла. Все стараются наглухо закрыть окна, что затрудняет видимость. Особое удовольствие лаосцам доставляет обливание иностранцев, которые, если для них

это впервые, реагируют непредсказуемо и демонстрируют полную растерянность, чем вызывают всеобщий восторг. В этой ситуации совершенно недопустимо сердиться или показывать недовольство, что однозначно расценивается как недостойное поведение, потеря лица. Адекватной для мокрой курицы реакцией будет веселиться вместе со всеми, несмотря на свой действительно смешной вид.

Нам с Гульсум Хабибулловой посчастливилось путешествовать вдоль Меконга. Перед завершением нашего пребывания в Лаосе специально для нас организовали посещение бывшей королевской столицы — Луанг Прабанга, расположенного в верховьях реки. Основным транспортом для путешествия по Лаосу, включая и посещение Луанг Прабанга, являются моторные катера, плавающие по Меконгу. Однако путешествие по реке занимало слишком длительное время, поэтому нам выделили военный вертолет.

Мы впервые летели на вертолете, к тому же он был без дверей. Нам объяснили, что двери снимаются для удобства обзора и обстрела, и там обычно устанавливаются пулеметы. Сначала это, как и довольно шумная работа двигателей, вызывало чувство дискомфорта, но вскоре мы привыкли и стали с интересом наблюдать. Летели все время над Меконгом, протекавшим среди джунглей. Нередко по берегам реки можно было увидеть семейные группы старателей, занятых намыванием золота в широких и плоских плетеных корзинах. Судя по тому, как часто они встречались, можно сделать вывод, что это занятие достаточно прибыльное. Попадались и редкие деревни, ярко-зеленые рисовые поля вокруг них, а также лодки рыбаков. Надо сказать, что моторные лодки распространены широко и служат, как и автомашины, показателем материального достатка лаосской семьи.

Город Луанг Прабанг, несмотря на небольшие даже для бывшей столицы размеры (всего 50 тыс. населения), производит впечатление благодаря зданиям в колониальном стиле, а также многочисленным буддийским храмам. Его называют городом золотых храмов, он объявлен памятником всемирной культуры и находится под защитой ЮНЕСКО.

Нам особенно понравился бывший королевский дворец, где ныне находится Национальный музей. В нем представлены предметы королевского быта и многочисленные предметы искусства, изготовленные лаосскими мастерами. Внимание привлекли изделия из серебра, и среди них холодное оружие, декорированное кованым серебром и драгоценными камнями. На выходе из музея к вам могут подойти с предложением приобрести серебряные изделия из музея по довольно сходной цене. Трудно сказать, действительно ли они из музея, однако то, что предлагали мне, выглядело как предметы из музейного фонда или же весьма удачные копии.

Восхищение вызвали портреты короля и королевы кисти известного советского художника Ильи Глазунова. Написанные в полный рост, в роскошных парадных одеждах, они являются, на мой взгляд, лучшим образцом портретного искусства. Увидеть шедевры советской живописи в таком неожиданном месте — наиболее яркое событие нашей поездки в Луанг Прабанг, хотя недостатка во впечатлениях не было.

Осталось в памяти посещение знаменитой пещеры Будды Пак Оу на берегу Меконга, в 25 километрах от города. Попасть туда можно только на лодках по реке. В пещере находится несколько тысяч фигурок Будды разных размеров, принесенных сюда верующими паломниками.

Огромное впечатление произвели лаосцы. Их природная мягкость, улыбчивость и приветливость, изящество и

грациозность лаотянок располагали к себе, вызывали ответную симпатию. Спокойствие и невозмутимость лаосцев у советских людей получило название «бупинянизма» — от лаосского слова «бупинянь», что означает «ничего», «не стоит волноваться» и т. п.

Неудивительно, что вскоре мы заимели среди лаосцев множество друзей. Наиболее близко подружились со старшим сыном «Красного принца» Суфанувонга, Кетом. Хорошо образованный, знающий несколько иностранных языков и принимавший участие в партизанской войне, Кет был весьма полезен с точки зрения изучения страны, знакомства с ее политической элитой, понимания внутренней и внешней политики, механизмов функционирования политической системы и государственной власти. Его жена, Си Вьен Хам, внучка последнего императора Вьетнама Баодая, — писаная красавица с тонким вкусом и весьма взыскательными культурными пристрастиями.

Были и другие друзья и знакомые как среди лаосцев, так и в местном дипкорпусе, которые помогали в выполнении служебных задач и скрашивали нашу жизнь в условиях весьма специфической для советского человека страны с непривычным климатом и своеобразной культурой.

Кто подолгу жил на чужбине, тому хорошо знакомо чувство ностальгии по родине. Все, что происходит дома, вызывает живейший интерес, любые, даже небольшие достижения воспринимаются с чувством гордости. Не будет преувеличением сказать, что человек вдали от родины становится даже большим патриотом своей страны, чем проживающие там соотечественники.

Мы с Гульсум Хабибулловой не были исключением. Можно представить нашу радость, когда во Вьентьян для проведения товарищеского матча со сборной командой Лаоса прилетела наша футбольная команда «Кайрат».

К радости добавилось чувство гордости, когда наши выиграли с разгромным счетом. Мы без смущения принимали поздравления коллег, хотя нашей заслуги в этом не было никакой.

Нам доставило огромное удовольствие принять у себя на вилле земляков, общаться с ними на родном языке, узнать казахстанские новости. Познакомились с главой делегации, которым был руководитель «Казинтуриста» Кайрат Исагалиевич Исагалиев. Это знакомство за годы совместной работы в МИДе независимого Казахстана переросло в дружбу.

Во время работы в Лаосе произошел трагический случай, который заметно обострил международную обстановку, и без того довольно сложную из-за конфронтации между СССР и США. В ночь с 31 августа на 1 сентября 1983 года над Сахалином советский истребитель сбил южнокорейский пассажирский лайнер, который почти на пятьсот километров углубился в закрытую часть советской территории и не подчинился командам советского летчика, пытавшегося принудить лайнер сесть на советский аэродром. При попытке нарушителя покинуть советское воздушное пространство истребитель получил приказ сбить его, что и было сделано. Погибли все находившиеся на борту лайнера 23 члена экипажа и 246 пассажиров.

Конечно, это была трагическая ошибка обеих сторон. Однако вместо спокойного расследования всех обстоятельств происшествия Запад использовал его для раздувания антисоветской истерии, в которой тонули все попытки разобраться в трагедии. Нам, работавшим за рубежом дипломатам, тем более сотрудникам разведки, приходилось для защиты престижа и репутации своей страны прилагать большие усилия для нейтрализации пропагандистской атаки враждебного Запада.

Хотя Лаос был дружественной нам страной, тем не менее аккредитованные там дипломаты западных стран попытались организовать бойкот советского посольства. Вспоминаю эпизод, когда резидент ЦРУ, работавший под прикрытием в должности старшего дипломата посольства США, на одном из дипломатических приемов демонстративно, на глазах дипломатов других стран, отказался пожать мне руку, что разозлило меня. К слову сказать, он до этого не раз обращался ко мне за помощью в получении информации о судьбе сбитых во Вьетнаме американских военных летчиков. Это было непростое дело, но через свои связи среди вьетнамских дипломатов, а также через Центр я получил и передал американцу сведения о нескольких таких летчиках, и цэрэушник был признателен. А тут такое демонстративное оскорбление! Пришлось прижать американца в углу и напомнить ему, что в Лаосе мы располагаем большими возможностями и что нам не составит труда выдворить его из страны, если он и дальше будет так «выпендриваться». Внушение возымело действие, больше таких выходов он не допускал.

В Лаосе у советских дипломатов условия жизни в целом были комфортными. Мы занимали виллы, имели домработницу, садовника. Принимали гостей на своих виллах и там же встречались с оперативными контактами и источниками. Такие встречи, как правило, маскировались под обычные дипломатические мероприятия.

Некоторые аспекты оперативной работы становятся для разведчика серьезным моральным испытанием, в частности это относится к вербовочной работе, и прежде всего к вербовочной беседе. В ходе разработки интересующего разведку иностранца приходится скрывать свои цели, маскировать их и до поры до времени не раскрывать перед объектом свои истинные намерения в от-

ношении него. Вербовочная беседа несет большую психологическую нагрузку для обоих участников. Во время такой беседы впервые вещи называются своими именами, и наступает момент истины.

Мне пришлось пережить такой момент при вербовке старшего дипломата одной азиатской страны. Беседа проходила на моей вилле, подходы к которой на время встречи контролировались оперработниками резидентуры на случай нежелательной реакции объекта на предложение о сотрудничестве с советской разведкой. Объект всем ходом разработки был подведен к ее логическому завершению, но никто не мог со стопроцентной уверенностью предсказать, как он поведет себя в ответ на открытое предложение о сотрудничестве.

Я до сих пор испытываю угрызения совести, когда вспоминаю о той вечере. В ответ на мое предложение о сотрудничестве и закреплении вербовки передачей совершенно секретных документов объект упал на колени и стал умолять освободить его от обязательств перед советской разведкой, так как такое сотрудничество грозит ему смертной казнью. Момент психологически был крайне тяжелым.

По-человечески я понимал его и даже сочувствовал, так как мы были связаны довольно длительными дружескими отношениями. Но мой профессиональный долг не оставлял места для сантиментов. Да и неизбежность расшифровки, в случае неудачи, вынуждала меня проявить твердость. Несмотря на реальную угрозу жизни объекта в случае провала, так как в его стране был жесткий режим военной диктатуры, пришлось надавить на него и убедить, что при соблюдении осторожности вряд ли возникнет угроза его безопасности. Вербовка прошла успешно и была закреплена последующей передачей действующих шифров.

Как упоминал выше, советская разведка в дружественном Лаосе работала в основном против третьих стран и не вела вербовочную работу среди лаосских граждан. Тем не менее нам не запрещалось устанавливать с ними доверительные, дружеские отношения. Считаю неправильным раскрывать имена своих коллег. Хотя и прошло много лет, да и Советского Союза давно нет, тем не менее такая информация может навредить родственникам и потомкам тех людей, которые поддерживали с нами дружеские отношения, основанные на общей коммунистической идеологии и принципах интернационализма.

Исключение сделаю только для военного контрразведчика Александра Георгиевича Безверхнего, который официально обеспечивал контрразведывательное обслуживание и безопасность группы советских военных советников, работающих в Лаосе. Несмотря на молодость, он успешно справлялся с возложенными на него задачами и вносил заметный вклад в добывание разведывательной информации военно-политического характера. Ответственное и добросовестное отношение к работе, целеустремленность и организованность в сочетании с хорошей оперативной подготовкой позволили ему добиться карьерных высот и подняться до уровня начальника военной контрразведки России, наследницы славного «Смерша».

К числу заслуг генерал-полковника Безверхнего перед Россией относится надежная защита от иностранных разведок многолетней разработки новейших образцов вооружения, такого как высокоточная крылатая ракета «Калибр», а также гиперзвуковое оружие «Кинжал», «Буревестник», ракеты с ядерным двигателем «Авангард» и подводный аппарат «Посейдон», о которых в феврале 2018 года информировал Федеральное собрание президент В. В. Путин.

Сейчас Александр Георгиевич уже в отставке, но продолжает служить в качестве советника министра обороны России С. Шойгу. Бывая по делам в Москве, я изредка встречаюсь с Сашей, как я привык его называть, радуюсь успехам его сынишки Егорки. Признаюсь, мне доставляют удовольствие эти редкие минуты общения с ним, его неизменно уважительное отношение, когда он называет меня своим учителем. Приятно сознавать, что наша совместная работа в Лаосе, где Саша начинал свою карьеру, оставила в его памяти добрый след.

Во время моего пребывания в Лаосе скончался многолетний Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, и на этот высший пост в стране был избран Ю. В. Андропов, возглавлявший КГБ СССР. Видимо, последним обстоятельством объясняется то, что шифротелеграмму из Центра о произошедшей в Москве смене лидера первым получил я, а не посол. Более того, в телеграмме предписывалось информировать посла, а вместе с ним и секретаря парткома (в целях шифровки назывался профкомом) провести разъяснительную работу, обеспечить безопасность и спокойствие в советских коллективах. Я постарался выполнить поручение максимально деликатно, не задевая самолюбие ни посла, ни секретаря парткома. Тем не менее меня удивила их реакция: они были явно встревожены, можно сказать, даже напуганы и растеряны, не понимая смысла такого необычного порядка информирования. Во время разговора в кабинете посла оба вскочили с мест и слушали стоя. Зато когда скончался Андропов и к власти пришел К. У. Черненко, уже я был приглашен к послу, и он давал инструкции о мерах по обеспечению порядка и спокойствия в советской колонии. Похороны Черненко застали нас уже на родине, куда мы вернулись по завершении почти четырехлетней командировки.

Москва

В Москве мне пришлось вновь подключиться к советско-китайским переговорам по пограничному вопросу. К этому времени как в Москве, так и в Пекине созрело понимание необходимости нормализации советско-китайских отношений и решения вопроса о границе — одного из главных раздражителей двух стран. Это потребовало прихода на китайское направление внешней политики СССР людей, которые не были связаны с периодом конфронтации двух государств. В 1986 году советскую правительственную делегацию на этих переговорах возглавил недавно назначенный заместитель министра иностранных дел СССР И. А. Рогачёв.

Пришло время активного зондирования обеими сторонами готовности партнера к расчистке многолетних завалов на пути нормализации отношений, выяснения пределов и глубины их возможного улучшения. Этим целям служили переговоры не только по пограничным вопросам, но и по камбоджийской проблеме, по мерам доверия и военной разрядке в районе советско-китайской границы, которые шли параллельно. По всем этим направлениям осуществлялись довольно интенсивные контакты, как и по всему комплексу советско-китайских отношений.

Нередко бывает так, что официальные каналы и формализованные переговоры по различным причинам оказываются недостаточно эффективными, и стороны прибегают к неофициальным каналам. Это особенно характерно для разведки. Такой формой контактов между советскими и китайскими дипломатами, среди которых с обеих сторон были и сотрудники разведки, стала так называемая банная дипломатия. Свое название этот канал контактов получил от финских бань в Москве, в которые мы регулярно при-

глашали наших китайских коллег. В банях, где разговор шел в буквальном смысле не только «без пиджаков», а вообще без ничего, мы с китайскими коллегами вели взаимный зондаж того, как другая сторона может отозваться на ту или иную инициативу, направленную на восстановление или улучшение отношений в различных областях. Высказанная партнерами идея передавалась «наверх» с соответствующими комментариями и рекомендациями. Если она была приемлема, то предложение вносилось по дипломатическим каналам и включалось в повестку официальных переговоров. Если же другая сторона считала, что для такой инициативы еще не созрели условия или она неприемлема по другим причинам, то нам давали понять, что не следует вносить такое предложение по официальным каналам, так как оно не будет воспринято положительно. Это позволяло сводить к минимуму негатив, накапливать позитив, формировать благоприятную атмосферу на переговорах и быстро продвигаться вперед.

Банная дипломатия оказалась настолько эффективной, что китайское посольство в Москве специально закупило в Финляндии сауну, чтобы иметь возможность отвечать на наши приглашения и соблюдать принцип взаимности.

Процесс нормализации советско-китайских отношений продвигался хорошими темпами, что объяснялось прежде всего наличием с обеих сторон соответствующей политической воли. Стала обсуждаться идея официального визита президента СССР М. С. Горбачёва в Пекин. Обе стороны через «баный» и официальные каналы начали прорабатывать содержательную часть встречи Горбачёва и Дэна Сяопина. Сошлись на том, что одним из основных результатов визита должно стать подписание договора о советско-китайской границе. Как известно, проблема границы чуть не привела к войне двух держав. Ее решение

стало бы краеугольным камнем в фундаменте будущих добрососедских отношений с Китаем.

В Нью-Йорке на ежегодной сессии Генеральной Ассамблеи ООН состоялись закрытые переговоры между министром иностранных дел Э. А. Шеварднадзе и его китайским коллегой Цянь Цичэнем. Шеварднадзе дал ясно понять, что советское руководство готово снять проблему двух островов у Хабаровска (Тарабарова и Большого Уссурийского), которая оставалась нерешенной. Передача указанных островов Китаю, на чем настаивал Пекин, открыла бы путь к заключению договора о границе, следовательно, и к полномасштабной нормализации советско-китайских отношений.

Исходя из договоренностей между Шеварднадзе и Цичэнем, советская правительственная делегация на пограничных переговорах начала готовиться к их очередному раунду, который должен был состояться в Пекине. Мы все были в приподнятом настроении, так как за долгие годы появилась наконец перспектива окончательного решения пограничного вопроса с КНР. Накануне вылета в Пекин Рогачёва вызвали на заседание Политбюро ЦК КПСС для получения, как мы предполагали, соответствующих директив к переговорам.

На следующий день после обеда собрались в аэропорту, где нас ожидал спецборт. Впервые со второй половины 1960-х годов полетели через Алма-Ату и Урумчи. В этом просматривался позитивный настрой китайских властей. Ночью сели в аэропорту Алма-Аты, нас встречал министр иностранных дел КазССР Михаил Иванович Исеналиев, который дал ужин в честь делегации. Следующая посадка, уже ближе к утру, была в Урумчи, столице Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. В аэропорту встречало руководство СУАР, которое также оказало гостеприимство.

Все складывалось как нельзя лучше. Под утро вылетели в Пекин. Внизу в лучах восходящего солнца сверкали покрытые девственными снегами горы Тянь-Шаня. Так величественно и неопишимо красиво, что дух захватывало!

Когда самолет набрал высоту, нескольких старших членов делегации, в их числе и меня, пригласили в салон к Рогачёву. Игорь Алексеевич подробно рассказал о заседании Политбюро. По его словам, когда он начал развешивать карты советско-китайской границы, Горбачёв попросил убрать их и спросил, с чем едем в Пекин. На слова Рогачёва о договоренности Шеварднадзе с китайским министром о передаче КНР двух островов у Хабаровска, что должно обеспечить успех переговоров, так как все другие вопросы о границе уже согласованы, Михаил Сергеевич довольно резко заявил, что никаких островов передавать китайцам не будем. Рогачёв, естественно, спросил, как быть с обещанием Цянь Цичэню, и получил ответ: «На то вы и дипломаты, чтобы выкрутиться из этого положения». «Таковы вот директивы», — заключил Рогачёв и спросил: — «Что будем делать?» Прозвучали различные предложения, но было видно, что они его не устраивают. Дошла очередь до меня. Я предположил, что если мы начнем разговор с этой неприятной для китайской стороны новости, то есть реальная опасность срыва переговоров. Китайская сторона вполне обоснованно возложит ответственность за это на нас. Кроме того, есть большая вероятность того, что в негативную сторону изменится и отношение китайцев лично к Рогачёву. Это может подорвать уже сложившееся взаимное доверие и затруднит дальнейшие переговоры.

Исходя из такого понимания ситуации, я предложил первые два дня переговоров придерживаться наших прежних заготовок, основанных на договоренности Шеварднадзе и Цичэня, а неприятный для китайцев сюрприз

прибереечь для встречи с членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, премьером Госсовета Ли Пэном, который учился в Советском Союзе и является убежденным сторонником нормализации отношений с нашей страной. Он именно тот человек, который не заинтересован в срыве переговоров, и доложит в Политбюро ЦК КПК в нужном нам ключе о неожиданно возникшей ситуации. Я высказал уверенность, что такая тактика позволит нам спасти как переговоры, так и репутацию главы нашей делегации, так как создаст у китайцев впечатление, что директиву об изменении позиции по двум островам он получил уже находясь в Пекине и к такому неприятному для китайской стороны повороту не имеет отношения.

Игорь Алексеевич внимательно выслушал и после коротких размышлений заявил, что именно так мы и поступим. «А ты, Слава (со времени нашей совместной работы в Пекине в 70-е годы он обращался ко мне по имени), можешь в Пекине быть свободным от переговоров и использовать время по своему усмотрению, так как свою задачу уже выполнил», — сказал он.

Не скрою, этот эпизод до сих пор вспоминаю с удовольствием как хорошо проделанную работу. Причастность к большому делу, осознание своего маленького вклада в разрешение трудной ситуации неизменно греет душу.

В этот приезд в Пекин я познакомился с Касым-Жомартом Кемелевичем Токаевым. В те годы, по молодости лет, мы звали его Жомарт. Он тогда был вторым секретарем посольства и, в соответствии с нашими национальными традициями, уделил мне внимание как старшему по возрасту соотечественнику. Разрешение проводить время по своему усмотрению пришлось весьма кстати, и с помощью Касым-Жомарта Кемелевича мы побывали в разных районах изменившегося и во многом нового для меня Пе-

кина, посетили магазины и рестораны, что в Китае само по себе увлекательное занятие.

Токаев произвел на меня хорошее впечатление. У него тонкое чувство юмора, он в совершенстве владеет китайским языком, имеет аналитический ум. Отзывы о нем старших дипломатов посольства неизменно положительные.

Он и внешне производит благоприятное впечатление: выше среднего роста, с правильными привлекательными чертами лица, темными, светящимися умом глазами. Манерами и речью он подтверждает свое происхождение из интеллигентной семьи, в которой ценятся знания и хорошее воспитание. В этом я постоянно убеждался на протяжении многих лет совместной работы и неформального общения.

Тесные деловые и товарищеские отношения у нас сложились во время работы в казахстанском МИДе в первые годы Независимости. Без преувеличения можно сказать, что Касым-Жомарт Кемелевич на постах заместителя, первого заместителя министра, а затем и многолетнего министра иностранных дел проявил выдающиеся качества талантливого дипломата и организатора, в нашей дипломатической среде он по праву считался главной фигурой в деле формирования внешней политики и дипломатической службы независимого Казахстана. Это нисколько не умаляет роль и других наших известных дипломатов, в том числе и первого министра иностранных дел Т. С. Сулейменова. Но бесспорно то, что вклад Касым-Жомарта Кемелевича, его незаурядные деловые качества выдвигают его на первое место среди отцов-основателей дипломатической службы нашего молодого государства.

Несмотря на молодость, Касым-Жомарт Кемелевич с первых дней работы в казахстанском МИДе не ограничивался узкопрофессиональными проблемами, а живо

интересовался политической жизнью и общественными процессами в стране. Считаю вполне обоснованным, что Н. А. Назарбаев уже тогда обратил на него внимание и, выдвинув на пост министра, открыл перед ним широкие перспективы для политической деятельности. В дальнейшем, на постах премьер-министра, государственного секретаря, председателя Сената Парламента, Касым-Жомарт Кемелевич сполна оправдал оказанное ему доверие, стал одним из ближайших и надежных соратников Елбасы.

Мы, его коллеги по дипломатическому цеху, гордились тем, что Касым-Жомарт Кемелевич вышел на широкую международную арену, удостоившись чести занять пост заместителя генерального секретаря ООН, генерального директора отделения ООН в Женеве. Как один из руководителей этой всемирной организации, он высоко поднял престиж нашей страны, ее внешней политики, в разработку и осуществление которой внес значительный личный вклад.

Особую гордость мы испытали, когда Елбасы выбрал Касым-Жомарта Кемелевича своим преемником, а затем всенародным голосованием он был избран президентом Республики Казахстан. Уверен, что Касым-Жомарт Кемелевич полностью оправдает надежды нашего народа и под его руководством Казахстан будет успешно продвигаться по пути экономического развития и социального прогресса. Пусть Аллах будет его покровителем, а мы, его коллеги и соратники, всегда будем ему надежной опорой.

Тем временем началась подготовка к новой длительной заграничной командировке, на этот раз за океан, в США, а именно в Генеральное консульство в Сан-Франциско в качестве резидента КГБ. Страна новая, сложная, требовала серьезной и длительной подготовки. Это было особенно важно, учитывая, что незадолго до этого имело место пре-

дательство, повлекшее значительные потери для разведки. Речь о сотрудниках внешней разведки Моторине и Южине (первый работал в вашингтонской резидентуре, второй — в резидентуре в Сан-Франциско). Будучи завербованными ФБР, они нанесли огромный ущерб интересам безопасности СССР. В результате их предательства наши резидентуры в США оказались практически разгромленными, так как их сотрудники были раскрыты и высланы из страны. Определенные потери понес и агентурный аппарат.

Не вдаваясь в подробности отмечу, что оба предателя были разоблачены и понесли заслуженное наказание: Моторин расстрелян, Южин получил пятнадцать лет строгого режима. Однако в 1992 году, когда российское руководство старалось всячески угодить Вашингтону, Южин вместе с несколькими другими предателями был амнистирован указом президента Б. Н. Ельцина и выехал с семьей на постоянное жительство в США.

В общем, последствия предательства поставили руководство внешней разведки перед необходимостью восстановления агентурных позиций в США и возобновления активной разведывательной деятельности. О направлении в резидентуры сотрудников американского отдела не могло быть и речи, так как они были раскрыты предателями. В этих условиях замену оперработникам и руководителям стали искать в других подразделениях разведки, работающих преимущественно на восточном направлении.

Моя кандидатура была рекомендована начальником американского отдела ПГУ, который хорошо знал меня по совместной работе в Пекине и в китайском отделе, который он ранее возглавлял. Рекомендация была поддержана и руководством ПГУ.

Началась интенсивная подготовительная работа. Новая командировка отличалась от предыдущих, так как пред-

стояло ехать в практически разгромленную резидентуру и восстанавливать работу под жестким надзором ФБР, хорошо осведомленного о методах и особенностях работы советской разведки в США. В силу этих причин подготовка заняла довольно длительное время, но проходила успешно. Стажировка во всех подразделениях ПГУ, причастных к работе на американском направлении, проходила без проблем. Были урегулированы и семейно-бытовые вопросы, в частности учеба моей дочери Асель, так как в Сан-Франциско не имелось советской школы, она была только при посольстве СССР в Вашингтоне.

До вылета в США оставалось три дня, когда меня пригласили к начальнику Управления кадров внешней разведки, который сообщил о решении снять меня, как он выразился, «с пробега». Такое решение он мотивировал тем, что коллектив генконсульства многонационален, а тут придет еще один нацмен, и, мол, начнут писать в ЦК КПСС и т. п., и предложил на выбор любую азиатскую страну. Эти аргументы были несерьезными, так как в коллективе генконсульства из нацменов был лишь один грузин (генконсул). Стало ясно, что, поскольку в качестве мотива была приведена национальная принадлежность, мой дальнейший карьерный рост оказался под вопросом. Так как мне предоставили выбор, то я выбрал знакомый мне Китай и начал готовиться к выезду.

К этому времени относится мое знакомство с первым секретарем ЦК Компартии Казахстана Н. А. Назарбаевым, который довольно часто появлялся в Москве для участия в работе Политбюро ЦК КПСС и Верховного Совета СССР. На этот раз он прилетел на XIX партконференцию КПСС.

Знакомство произошло следующим образом. Меня вызвал начальник внешней разведки Леонид Владимирович

Шебаршин¹⁴ и спросил, могу ли я организовать выступление Назарбаева перед коллективом центрального аппарата внешней разведки. Я ответил утвердительно и попросил дать мне письменное приглашение для Назарбаева. С этим приглашением после рабочего дня поехал в Постоянное представительство Совета Министров КазССР при Совете Министров СССР на Чистых прудах, где была резиденция Назарбаева. Там встретился с его помощником Нуртаем Абыкаевичем Абыкаевым, который поинтересовался целью моего визита. Представившись, я сказал, что имею поручение своего руководства передать письмо Н. А. Назарбаеву. Абыкаев предложил оставить письмо ему, так как шеф вернется очень поздно, но я отказался и заявил, что мне поручено вручить письмо лично. Абыкаев недовольно буркнул, мол, тогда сидите и ждите.

Действительно, Назарбаев появился довольно поздно, после одиннадцати часов вечера, прошел во внутренние помещения и вышел минут через десять, уже переодетый в спортивную форму. Прочитав приглашение, он высказал пожелание встретиться с Шебаршиным на XIX партконференции и там договориться о дате и времени посещения внешней разведки.

Штаб-квартира разведки располагается в Ясенево, в лесу за Московской кольцевой автомобильной дорогой. Это сейчас все знают ее местонахождение, а в то время оно было известно только посвященным. Существовал порядок, согласно которому любой визитер, независимо от положения, должен был приехать на станцию метро «Юго-Западная», там он пересаживался в нашу машину и в сопровождении сотрудника разведки приезжал в Ясенево. Возвращался так же.

¹⁴ См. биографическую справку, стр. 323.

В согласованный день я встретил Назарбаева у станции метро «Юго-Западная». Там он из машины ЦК КПСС пересел в машину разведки. По дороге расспрашивал, о чем будет разговор и т. п. Я сказал, что его в коллективе разведки встретят хорошо, и посоветовал коротко выступить в том же духе, в каком он выступает на заседаниях Верховного Совета СССР, а больше времени оставить для ответов на вопросы.

Когда подъехали к расположению штаб-квартиры разведки в лесу, неожиданно для посетителя возникли массивные металлические ворота, которые медленно раздвинулись и впустили машину. Ворота закрылись за нами, но впереди были еще одни такие же ворота. Они так же медленно раздвинулись, за ними стояли два автоматчика. Когда закрылись и эти ворота и машина въехала на территорию, Нурсултан Абишевич произнес: «Въехать-то мы въехали, а выедем ли отсюда?..»

Назарбаева встретили Шебаршин и члены Коллегии разведки и повели его в отдельно стоящее здание клуба, предназначенное для таких мероприятий. Зал был заполнен битком, люди сидели даже в проходах между рядами кресел. Интерес к выступлению Назарбаева был огромный. В то время он был одним из немногих высших партийных функционеров, который последовательно выступал за реформирование, но безусловное сохранение Советского Союза. Делал он это ярко и убедительно, что не могло не вызывать симпатии у офицеров разведки, глубоко озабоченных происходящими в стране процессами и будущим Отечества. Выступление, как и ожидалось, прошло с большим успехом.

Визит Нурсултана Абишевича закончился, как принято у гостеприимных хозяев, фуршетом у Шебаршина с участием членов Коллегии. Были, как положено, и вис-

ки и коньяк. Перед расставанием Назарбаев предложил мне вернуться на родину, однако тогда я не мог принять это предложение, так как начал подготовку к выезду в длительную заграничную командировку в Китай.

Надо сказать, что Шебаршин по неизвестной мне причине выделял меня. В первый раз это проявилось осенью 1985 года, когда он пригласил меня к себе и попросил написать для журнала «Разведчик» статью к 150-летию Чокана Валиханова, вручил мне собрание его сочинений, изданное еще до революции. Статья ему понравилась и вышла в ноябрьском номере «Разведчика», а мне в знак признательности Леонид Владимирович подарил снятую по его поручению копию указанной выше книги, что само по себе было необычным и приятным жестом со стороны начальника внешней разведки. Считаю не случайным и то, что я был включен в состав сопровождавшей его бригады сотрудников центрального аппарата в инспекционной поездке на Дальний Восток. При этом я представлял китайское направление работы разведки, которое для дальневосточных территориальных органов КГБ было главным.

Еще один случай связан с популярным в эпоху горбачевской гласности Александром Любимовым и его телепрограммой «Взгляд». Как-то в пятницу в конце рабочего дня Шебаршин по внутреннему телефону попросил зайти к нему. Сказал, что в воскресенье в штаб-квартиру разведки придет телевизионная группа Любимова для подготовки передачи о внешней разведке, и попросил меня представлять на этих съемках оперативные подразделения разведки. При этом пояснил, почему остановил свой выбор на мне. По его словам, Любимов поставил условие, чтобы не было никаких предварительных вопросов, а все беседы с сотрудниками разведки проходили «вживую» и носили характер экспромта. При этом добавил, что по-

сколько наиболее чувствительной является деятельность оперативных подразделений, то ему нужен человек, который не растеряется и сможет дать правильные ответы на любые неожиданные вопросы. Поэтому, мол, он выбрал меня.

Появление в штаб-квартире разведки телевизионщиков было неслыханным событием, не говоря об интервью с действующими разведчиками. Но начальник разведки заверил, что, по договоренности с Любимовым, операторов будут снимать со спины, их лиц не будет видно. Кроме того, их голоса будут изменены, а отснятый материал пойдет в эфир только после предварительного просмотра пресс-службой разведки. Все это, заявил он, исключает возможность расшифровки.

Все предполагаемые с моей стороны возражения были упреждены, и ничего другого не оставалось, кроме как согласиться. Съёмки прошли успешно, и мы с женой с интересом смотрели эту необычную передачу телекомпании «ВИД» (у меня сохранилась ее запись). Действительно, невозможно было определить личность того, кто сидит спиной к телекамере.

Можно представить потрясение, которое я испытал, когда в день своего 70-летия, 9 апреля 2012 года, получил трагическое известие о том, что Л. В. Шебаршин... застрелился. Ушел из жизни большой патриот, внесший огромный личный вклад в обеспечение безопасности Советского Союза.

Казахстан

Надо сказать, что в среде дипломатов и разведчиков еще до начала горбачевской «перестройки» постепенно зрела тревога за будущее страны, мы понимали необходимость радикальных реформ, направленных на либерализацию и модернизацию как политической системы, так и экономической жизни СССР, на устранение идеологических оков и раскрепощение созидательного потенциала народа. Это объяснялось хорошей информированностью, отсутствием идеологической зашоренности, знанием того, что на самом деле происходит в мире, пониманием тщетности попыток партийной пропаганды замазать недостатки советского строя, что загоняло их вглубь, вело к сепису всей социалистической системы.

По мере продвижения корабля перестройки становилось все более ясно, что управляет им не тот капитан, да и движется он хаотично и вслепую, без руля и без ветрил. Политическая трескотня Горбачёва стала раздражать, а бесконечные, напоминающие телешоу заседания Верховного Совета СССР изрядно надоели, поскольку ситуация неумолимо ухудшалась, страна постепенно сползала к развалу.

Вскоре начался «парад суверенитетов». Августовский путч 1991 года завершил этот процесс. Он застал нас с женой в Талды-Кургане, где мы проводили отпуск у дочери Лейлы. О событиях в Москве я узнал от начальника управления КГБ по Талды-Курганской области, который прислал за мной машину и подробно проинформировал о происходящем. Особое удовлетворение у него вызывало то обстоятельство, что в управлении недавно закончили строительство новой камеры предварительного заключения, которая, по его мнению, может оказаться востребованной в новой обстановке. Было ясно, что в случае по-

ступления соответствующего приказа он с удовольствием заполнит ее либералами-перестройщиками.

В декабре последней из союзных республик провозгласил свою независимость и Казахстан. Это событие вызвало у работавших в Москве казахов огромный энтузиазм и желание быть полезным своему молодому государству. Уже 17 декабря я встретился со своим оперативным контактом в посольстве КНР в Москве и на основе полученной от него информации послал в Алма-Ату телеграмму, что КНР в ближайшее время официально признает независимость Казахстана.

Где-то в январе 1992 года Дамир Байдильдин доверительно сообщил мне, что получил из Алма-Аты предложение занять должность первого заместителя недавно назначенного министра иностранных дел Казахстана Т. С. Сулейменова, а также о просьбе постоянного представителя Казахстана в Москве К. Саудабаева поработать над концепцией внешней политики независимого Казахстана. Назначение Байдильдина, как уже говорилось выше, к сожалению, не состоялось из-за его болезни. Вскоре такую же просьбу от Саудабаева получил и я и сделал некоторые тезисные наброски, которые мне пригодились позже, когда я уже работал в МИД Казахстана.

В апреле поехал в служебную командировку в Алма-Ату, где зашел к недавно назначенному министру иностранных дел Сулейменову, чтобы поздравить его с назначением, и получил от него предложение вернуться на родину и поработать в качестве его заместителя в МИДе, в котором ощущалась острая нехватка квалифицированных кадров: в то время там работало около двадцати человек, включая технических сотрудников.

Надо признать, что приглашение легло на созревшую и благодарную почву. Уже в процессе агонии Советского

Союза, особенно после августовских событий, у многих «московских» казахов возникали мысли о возвращении в Казахстан. Такие настроения одолевали и меня. При едином союзном государстве работа в центральных ведомствах воспринималась как почетная миссия, как работа на свой народ, который являлся частью великого советского народа, а после «парада суверенитетов», когда даже Россия провозгласила свою независимость, все чаще возникал вопрос: что я здесь делаю? Все сильнее становилось желание вернуться домой, отдать свой опыт и знания служению непосредственно Родине и принять посильное участие в строительстве своего национального государства, о котором мечтало не одно поколение наших предков.

Созрело твердое решение принять предложение Сулейменова. Вернувшись в Москву, я объявил об этом жене и на работе. Реакция была отрицательной. Жена волновалась за дочь, которая оканчивала среднюю школу, за ее будущее, на работе отговаривали, ссылались на то, что у меня хорошая репутация, меня ценят как знающего и опытного сотрудника, наконец, на предстоящую длительную заграникомандировку в Китай. Но я официально оформил свою отставку и бесповоротно сжег за собой все мосты.

В мае 1992 года прилетел в Алма-Ату. Начиналась новая жизнь на родине, откуда я уехал в Москву 25 лет назад. Мне было пятьдесят — возраст, когда люди уже пожинают плоды достигнутого, а мне предстояло начать все заново в городе, в котором нет ни родственников, ни знакомых, ни крыши над головой, то есть окунуться в полную неизвестность и утверждать себя в новом социуме. Жена с дочерью остались в Москве, где дочери предстояло поступать в вуз. Словом, сиротское состояние.

Рабочий кабинет достался один на двоих с К. К. Токаевым, который приехал в Алма-Ату в марте и сразу был

назначен заместителем министра иностранных дел. Еще раньше, в феврале, прибыл С. А. Курмангожин, назначенный первым заместителем министра иностранных дел. Все мы жили на госдачах на территории резиденции «Алматы».

Прибытие в Алма-Ату совпало по времени с подготовкой первого официального визита президента Н. А. Назарбаева в США, который состоялся 18–22 мая 1992 года. Повестка была разнообразной и насыщенной, содержала важнейшие для будущего Казахстана вопросы. Особое место занимала проблема ядерного разоружения. Предусматривалось положить начало широкомасштабному экономическому сотрудничеству с Вашингтоном, с американским бизнесом. С этой точки зрения большие надежды возлагались на создание совместного предприятия для освоения крупнейшего в мире Тенгизского нефтяного месторождения на западе Казахстана.

Что касается вопроса ядерного оружия в Казахстане, то эта проблема была в центре внимания всего мира. Распад Советского Союза породил серьезнейшую тревогу за судьбу одного из гигантских арсеналов оружия массового поражения, особенно тех средств, которые были расположены вне России, а именно в Казахстане, на Украине и в Белоруссии. Некоторые силы увидели в этой ситуации возможность сломать режим нераспространения ядерного оружия и стать его обладателем — имею в виду многомиллиардное предложение лидера Ливии Муаммара Каддафи руководству Казахстана. США же боялись не только попадания этого оружия в руки враждебных государств, а в принципе не желали расширения ядерного клуба за счет бывших советских республик. И в самом Казахстане были достаточно серьезные политические силы, которые хотели бы сохранить ядерное оружие или, по крайней мере, сде-

вать его предметом торга с США с целью получения экономических выгод. Да и руководство страны, как я понял, на тот момент не определилось окончательно по этому важнейшему вопросу. Как можно было сделать вывод из проектов документов, подготовленных к визиту Назарбаева, Казахстан намерен был выступать в статусе государства, «временно обладающего ядерным оружием».

Для меня было довольно очевидно, что в Вашингтоне не воспримут эту идею. Эти опасения подтвердились в ходе визита, и нам в конце концов пришлось определяться и однозначно заявить в Вашингтоне об отказе от ядерного статуса. Проблема ядерного оружия и в дальнейшем будет во главе угла политики США в отношении Казахстана.

МИД Казахстана, как и МИДы других союзных республик, в советское время носил декоративный характер. Декоративность подчеркивалась и помещениями, которые занимало министерство, — два одноэтажных деревянных дома по ул. Мира (ныне ул. Желтоксан). Самое большое, к чему допускались МИДы союзных республик, было обслуживание иностранных делегаций, которые от случая к случаю заезжали к ним. В этих условиях об их причастности к реальной внешней политике и приобретении сотрудниками профессионального опыта говорить не приходилось.

Зачислили меня советником министра. Занимался всем, от важнейших внешнеполитических проблем до элементарных хозяйственных вопросов. Первым серьезным поручением была подготовка участия Казахстана в саммите Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) в Хельсинки, на котором планировалось юридически оформить наше членство в этой авторитетной и влиятельной международной организации. Секретариат СБСЕ (ныне ОБСЕ) прислал официальное приглашение, а также информировал, что берет на себя расходы по пребы-

ванию одного человека из подготовительной группы (вся наша подготовительная группа состояла из меня одного). Учитывая эту информацию, мне не выдали средств на командировочные расходы. По прибытии в Хельсинки обнаружилось, что Секретариат СБСЕ берет на себя оплату лишь гостиничного номера.

Следует отметить, что «старые» члены СБСЕ на время подготовки и проведения саммита содержали в Хельсинки, как правило, два посольства: одно в Финляндии и другое — при СБСЕ. Так, например, подготовительная группа США состояла почти из пятисот человек, России — из двухсот.

Подготовка нашего участия в саммите СБСЕ была связана с большими трудностями организационно-технического характера. Все материалы нужно было перевести и отпечатать на русском языке, отправить в Алма-Ату, получить ответ, перевести его на английский язык, распространить наши материалы, одновременно участвовать в заседаниях рабочих групп, которые зачастую проходили параллельно в разных помещениях. И это в отсутствие печатной машинки с русским шрифтом, факса и международной телефонной связи, автотранспорта для перемещения между гостиницей и офисом Секретариата СБСЕ. Изодня в день работать на одном гостиничном завтраке также было изнурительно.

Окончательно вымотанный, решил обратиться к послу России в Финляндии. Выслушав мои вообще-то не очень обременительные просьбы, он ответил, что международный факс и телефон посольства перегружены, с машинисткой мне нужно договориться самому (понятно, что за оплату), а автомашин в посольстве не хватает, приходится закреплять одну машину за двумя дипломатами. Короче говоря, меня вежливо выпроводили за дверь.

Положение спас турецкий посол при СБСЕ. Он устроил ужин для представителей новых независимых тюркоязычных государств, после которого я доверительно рассказал ему о своих проблемах. Надо отдать должное, он отреагировал моментально. Дал ключ от закрепленного за его посольством номера с международным телефоном и факсом в той же гостинице, где проживал я, и номер телефона, по которому я мог в любое время вызвать машину. Единственное, в чем он не смог мне помочь, это печатание материалов на русском языке. Причина простая: турки не располагали машинками с русским шрифтом и их машинистки не владели русским языком. Я до сих пор благодарен турецким братьям и никогда не забуду, как непринужденно и легко они помогли мне, словно это само собой подразумевалось.

Наша делегация во главе с президентом была сформирована по старой советской кальке, то есть из представителей различных социальных слоев. В ходе саммита состоялась церемония подписания президентом Хельсинского акта, которым мы брали на себя все предусмотренные этим важным документом международные обязательства, в том числе и соблюдать демократические стандарты.

В Хельсинки я близко познакомился, а впоследствии и подружился с помощником президента К. В. Жигаловым, молодым для этой высокой должности, но не по годам рассудительным и серьезным человеком. Через восемнадцать лет, в 2010-м, в год председательствования Казахстана в ОБСЕ, он вновь занимался делами этой международной организации, но уже в качестве заместителя министра иностранных дел.

После моего возвращения из Хельсинки в Алма-Ату снова встал вопрос о моем должностном положении. Меня пригласил министр и сообщил, что ему не удалось провести мою кандидатуру на должность заместителя ми-

нистра, как он обещал. В Администрации Президента ему неизменно отвечают, что, мол, не знают меня достаточно хорошо, пусть поработает, присмотримся.

Делать нечего. Как говорится, плетью обуха не перешибешь. Предложил создать управление стран Америки и Европы и доверить мне сформировать его и возглавить. Сулейменов поддержал это предложение. Так я стал начальником Управления стран Америки и Европы МИД Республики Казахстан, членом коллегии.

Нет необходимости говорить, что американско-европейское направление деятельности МИД Казахстана на тот период было одним из ведущих, так как полноправное вхождение молодого государства в международное сообщество и его признание в качестве полноценного партнера в решающей степени зависело от США и их союзников, которые после распада СССР стали единственным центром силы, задавали тон всей международной жизни.

Тем временем работа в молодом казахстанском МИДе кипела. Практически ежедневно к нам прибывали иностранные делегации. Продолжался процесс признания республики и установления дипломатических отношений, открытия в Алма-Ате иностранных посольств, формирования структуры и кадрового состава самого министерства. Иностранные делегации надо было принимать, размещать, необходимо было организовывать и проводить переговоры, готовить материалы к переговорам и документы к подписанию, координировать взаимодействие различных вовлеченных в этот процесс ведомств. Дел было невпроворот, двадцати четырех часов в сутках не хватало.

Самым слабым звеном были кадры. Людей брали буквально с улицы. Они не имели специального образования, не говоря об опыте дипломатической работы. Приходилось учить их на ходу. Донимали просьбы и звонки

относительно приема на работу чьих-то братьев и сватов. Хорошо, если это были кандидатуры, подходящие по объективным и субъективным данным. Но это было далеко не так. Зачастую они не обладали элементарной грамотностью. Особенно тяжело приходилось министру Сулейменову, так как отказать в просьбе тому или иному «агашке» означало испортить отношения с кем-то из влиятельных лиц, могущих навредить интересам молодого министерства. В конце концов пришлось создать комиссию по набору на работу в МИД во главе с первым заместителем министра С. А. Курмангожиным. В ее состав включили такого авторитетного и хорошо знающего местные реалии и кадры человека, как Михаил Иванович Исеналиев. Членом комиссии был и я. Деперсонализация и придание коммисионного формата принятию решений о приеме на работу сразу сняли напряженность вокруг этого вопроса, что позволило не отвлекаться на всевозможные интриги, а заниматься самим делом.

Была еще одна особенность, с которой мне раньше не приходилось сталкиваться. В Москве при подготовке к переговорам с иностранными делегациями, особенно высокого уровня, основное внимание уделялось разработке нашей позиции по обсуждаемым проблемам, тактике ведения переговоров, определению пределов возможного компромисса, запасных позиций — тем вопросам, которые и обеспечивают успех переговоров, достижение на них поставленных целей. В Алма-Ате же всех, даже на довольно высоком уровне, интересовали в основном вопросы, далекие от сути переговоров, а именно кто в каком порядке и почему включен в состав делегации, где он должен стоять или сидеть и тому подобное.

Каждый день был до предела насыщен. Работали без выходных. Многого не хватало. Так, на весь МИД был

один компьютер и одна раздрызганная автомашина «волга» (министра обслуживал гараж Управления делами президента). Приезжало очень много делегаций, и можно представить, каково было работать с ними при таком техническом оснащении министерства. Чем больше набирали людей, тем теснее становилось в двух МИДовских домиках. Целые управления занимали по одной комнате. Это относилось и к руководству министерства. Так, К. К. Токаев и я, два заместителя министра, занимали один небольшой кабинет. Наши столы стояли друг против друга, между ними располагался совсем «убитый» диван: его спинка при каждом неосторожном движении отваливалась, так что посетителям приходилось быть все время начеку.

Если к Касым-Жомарту Кемелевичу приходил посетитель, а среди них большинство были иностранные послы, то я выходил покурить, чтобы не мешать беседе. Когда приходили ко мне, так же поступал и Касым-Жомарт Кемелевич.

Тем не менее работа шла, и МИД несмотря ни на что справлялся со своими задачами. Постепенно складывался кадровый костяк. Так, в Управление Америки и Европы пришли и хорошо зарекомендовали себя Кайрат Умаров (вырос до заместителя министра иностранных дел и постоянного представителя при ООН), Барлыбай Садыков, Талгат Калиев и др.

На ключевых должностях работали прибывшие из Москвы опытные дипломаты Ибрагим Амангалиев, Хаир Омаров, Болат Нуржанов, Болат Нургалиев (возглавили соответственно Управление стран СНГ, Управление стран Азии, Управление кадров и Управление безопасности), а также местные кадры, имеющие за плечами хорошую школу партийной работы и опыт работы с иностранцами

(Кайрат Исагалиев, начальник Управления информации и работы со СМИ). Договорно-правовое управление возглавил Аскар Шакиров (позже стал заместителем министра иностранных дел и послом в Индии, а сегодня — заместитель спикера Сената), Управление Протокола — Алмаз Хамзаев, также выросший до заместителя министра и посла в ряде европейских стран, а Управление Ближнего Востока и Африки — Багдад Амреев, пять лет проработавший военным переводчиком в Ираке и в совершенстве владеющий арабским языком. Впоследствии Амреев стал нашим первым послом в Саудовской Аравии и по совместительству — в арабских странах Персидского залива.

С первых дней пребывания в Алма-Ате стало заметно определенное соперничество между МИД и Международным отделом Администрации Президента, а также отдельными руководящими работниками администрации, которые стремились вмешиваться в работу министерства, вплоть до мелочной опеки, что мешало и создавало нервозность и в без того напряженной работе. Вызывало удивление непонимание специфики работы МИД, отношение к нему как к любому другому министерству. Бросались в глаза провинциализм, отсутствие государственного подхода, превалирование порой местечковых, узкогрупповых и даже личных интересов.

Иногда доходило до смешного. Вспоминаю характерный случай использования служебного положения довольно высокопоставленным чиновником из Администрации Президента для вмешательства в дела МИДа с целью демонстрации в глазах руководства своей «яйцеголовости». Я подготовил проект послания главы государства на имя президента США У. Клинтона, в котором затрагивались ключевые вопросы двусторонних отношений, предлагались определенные идеи по их развитию. Как водится,

документ после одобрения министром и за его подписью был направлен в администрацию для доклада президенту.

На следующий день меня вызывает министр, говорит, что по проекту послания в администрации возникли какие-то вопросы, звонил, мол, такой-то. Поскольку ты автор документа, то езжай в администрацию, но имей в виду, что бывают случаи, когда наши документы перепечатываются с незначительными правками и докладываются президенту как составленные в соответствующем подразделении администрации. Поэтому, добавил министр, не соглашайся ни на какие правки. Документ добротный, и пусть его докладывают как проект МИДа.

Когда я приехал, высокопоставленный сотрудник администрации на полном серьезе стал убеждать меня, что хочет поймать президента США, как он выразился, «в психологическую ловушку», поэтому предлагает внести в проект послания некоторые изменения. Меня поразили наивность и самоуверенность собеседника. Пришлось возразить, что так называемую «психологическую ловушку» можно устроить только в личной беседе, но никак не через письмо. К тому же послание, скорее всего, прочитает не сам президент США, а сотрудники Белого дома, которые доложат своему руководству в лучшем случае лишь выжимки из документа со своими комментариями и предложениями. Добавил, что у меня инструкция министра не вносить в документ никаких изменений. Проект остался неизменным и был подписан Нурсултаном Абишевичем в нашем варианте.

Такие игры вызывали у нас, «москвичей», резкое неприятие, желание обеспечить доминирование государственных интересов, что, к сожалению, не всегда удавалось. Тем не менее шаг за шагом МИД самоутверждался, приобретал авторитет и признание. Этому в решающей

степени способствовала поддержка главы государства, который при каждом личном контакте с министром, его заместителями, а они были довольно регулярными, интересовался делами МИДа, старался вникнуть в наши проблемы и помочь в их решении. Так, он предложил МИДу занять престижное здание на Октябрьской улице (ныне ул. Айтеке би), в котором тогда располагались Министерство юстиции и Верховный Суд. Постепенно улучшалось и материально-техническое обеспечение, появлялись автомашины, компьютеры, другая оргтехника.

Как начальник Управления стран Америки и Европы я готовил визиты главы государства в эти страны и, как правило, возглавлял передовые группы, заранее выезжавшие в страну визита. Первым таким визитом, который я готовил от начала до конца, стал официальный визит президента в ФРГ в сентябре 1992 года. Ответственным за визит был определен первый вице-премьер О. Сосковец, которому формально подчинялась и моя группа (вскоре от такой практики отказались, так как это создавало излишнее дублирование, к тому же МИД вполне справлялся самостоятельно). Передовая группа обычно состояла из представителей тех министерств и ведомств, чьи вопросы должны были стать предметом обсуждения или подписания каких-либо соглашений, включались в ее состав и представители Международного отдела Администрации Президента, Отдела внешних связей Правительства. Обязательным было участие в передовой группе сотрудников Протокола, Консульской службы и Службы безопасности.

В те годы президента обычно сопровождала довольно большая бизнес-группа, состоявшая из заметных бизнесменов. Эту группу курировало Министерство по внешнеэкономическим связям. Координацию всей программы визита, включая и программу бизнесменов, осуществляла

передовая группа. Практиковались чартерные рейсы для бизнесменов, которые они оплачивали сами. Нередко они же оплачивали гостиничные номера для членов делегации и отдельные мероприятия. Это объяснялось скудостью бюджета и финансовыми трудностями, которые тогда испытывало государство. Я считаю такую практику порочной, так как бизнесмены использовали эту возможность для лоббирования в государственных структурах своих интересов, что порождало коррупцию.

Другую группу составляли представители средств массовой информации, освещавшие ход визита. Их курировал пресс-секретарь президента. Естественно, их работа проходила в рамках программы визита и была тесно привязана к ней.

Как видим, подготовка и проведение визитов главы государства представляли собой многогранную, сложную и очень напряженную работу. Многое зависело от наших партнеров в стране визита. В разных странах в этот процесс были включены различные структуры. Главную роль, как правило, играл МИД. В каждой стране был свой протокол, который регулировал статус визита, обеспечение гостиницами, транспортом, уровень встреч, подготовку, согласование и подписание документов. Поскольку в первые годы независимости Казахстан не имел за рубежом своих посольств, то передовая группа, согласно международному протоколу, рассматривалась как посольство, и на мероприятиях она занимала место, обычно отводимое сотрудникам посольства.

Для меня визиты главы государства имели и другое измерение. Они помогали знакомству с окружением президента, с ключевыми фигурами в его администрации и правительстве, способствовали пониманию сложившегося в Казахстане механизма принятия решений, роли отдельных

фигур в этом процессе, особенно тех, кто пользовался неформальным влиянием, устанавливать с ними деловые и личные отношения, которые были весьма полезны для интересов дела. Трудно переоценить значение такой возможности для «москвича», неожиданно оказавшегося в гуще политической жизни малознакомого ему Казахстана.

В напряженной работе пролетел год. Наступило время долгожданного отпуска и переезда семьи из Москвы в Алматы¹⁵. Дочь Асель окончила первый курс Московского педагогического университета им В. И. Ленина по специальности «английский язык», и у меня была предварительная договоренность о ее переводе в КазГУ на факультет международных отношений с досдачей некоторых предметов. Во время моего пребывания в Москве была проведена молниеносная гайдаровская денежная реформа, в результате чего наши рублевые накопления, как и накопления всего населения, сразу обесценились. К тому же Казахстан «вытолкнули» из рублевой зоны. К счастью, у нас имелись кое-какие валютные средства, сохранившиеся от заграникомандировок.

Большую помощь в переезде оказал недавно назначенный министр транспорта Казахстана Н. К. Исингарин, до этого много лет работавший заместителем министра путей сообщения СССР. Он помог получить отдельный товарный вагон для перевозки имущества моей семьи и семьи Х. Омарова, что в то время было непросто. Вообще, Исингарин произвел на меня самое положительное впечатление своим авторитетом в кругах путейцев, деловитостью и немногословием. И впоследствии, когда он стал первым заместителем премьер-министра, Нигметжан Кабатаевич неизменно демонстрировал высокую культуру и компетентность, широту кругозора, нестандартное мышление,

¹⁵ Алма-Ата в январе 1993 года переименована в Алматы.

организованность и умение решать вопросы — словом, качества настоящего государственного деятеля, которые выгодно выделяли его в правительстве Казахстана.

В Алматы семья разместилась на госдаче. Дача маленькая, мебель была настолько старой и обшарпанной, что смело можно было назвать ее бросовой. Жить было нелегко. Зарплата моя в переводе на американские доллары составляла не более 50 долларов. Дочь начала учебу в КазГУ, у нее появились новые друзья. Я день и ночь пропадаю на работе. Все заботы о семье легли на плечи жены. Но главное — мы были дома, на родине.

На соседних дачах жили с семьями С. А. Курмангожин, К. К. Токаев, И. А. Амангалиев, а также наш новый знакомый Нагашыбай Шайкенов. Нагашыбай приехал в Алматы из Свердловска, где заведовал кафедрой в Свердловском юридическом институте, и стал советником президента по юридическим вопросам. Позже он был назначен министром юстиции, а потом и заместителем премьер-министра по правовому блоку. Он и его жена, Лида, — очень приветливые и приятные в общении люди. В редкие свободные от работы минуты мы обменивались впечатлениями и мнениями о ситуации в стране, жарко дискутировали. Тем для дискуссии было хоть отбавляй: строительство молодой государственности, формирование его политической и экономической системы, в чем каждый из нас принимал в той или иной мере посильное участие. Нагашыбай был полон реформаторских идей и с присущей ему горячностью и прямоотой порой шел напролом. Мы же были заняты не реформированием, а созданием новой для Казахстана дипломатической службы. Так что было о чем поговорить.

В августе 1993 года меня назначили заместителем министра иностранных дел. Курировал отношения Казах-

стана со странами Америки и Европы, Южной Азии и Ближнего Востока, каспийскую проблему и вопросы экспортных нефтепроводов. Из этого краткого перечисления видно, что это были весьма важные направления нашей внешней политики. Естественно, как куратор американского направления внешней политики, я был самым тесным образом вовлечен и в проблему ядерного разоружения, которой американцы и европейцы придавали решающее значение при обсуждении любых вопросов (разоруженческую проблематику курировал еще один «москвич», Болат Кабдылхамитович Нургалиев).

В зависимости от обстоятельств и по поручениям министра приходилось заниматься и другими общеполитическими и частными проблемами. Как уже упоминал выше, будучи еще в Москве, составил некоторые тезисы для концепции внешней политики Казахстана, и они пригодились в Алматы. После назначения Токаева министром иностранных дел он с присущей ему основательностью решил, что пришло время для осмысления процесса формирования наших внешнеполитических приоритетов и разработки такой концепции. По всей видимости, он согласовал этот вопрос с главой государства. Зная о том, что в Москве я какое-то время занимался этой темой, он попросил поработать над проектом концепции. Документ был подготовлен в довольно короткие сроки и лег на стол министра.

Проект концепции вобрал в себя идеи, не раз и не два обсуждавшиеся с министром, который, как всегда, был креативен и внес существенный вклад в осмысление и формулирование его основных положений. После определенной доработки он был направлен в Администрацию Президента, где претерпел некоторые несущественные правки и был утвержден президентом. Ее основные положения актуальны и сегодня.

Внешняя политика любого государства в значительной степени зависит от его географического положения, состава населения, окружения, транспортных связей с мировыми рынками и многих других факторов, которые в обобщенном виде можно назвать геополитикой. С этой точки зрения положение Казахстана имеет как преимущества, так и серьезные недостатки. Располагаясь в самом центре Евразии, Казахстан естественным образом служит мостом между Азией и Европой, между Севером и Югом, между европейской, китайской и исламской цивилизациями. В то же время, будучи внутриконтинентальным государством, он не имеет прямого выхода к открытым морям и, как следствие, к мировым рынкам. Экономика, формировавшаяся как часть единой общесоюзной экономики, носила однобокую сырьевую направленность, нуждалась в рынках для реализации добываемого сырья, так как своих перерабатывающих мощностей не хватало или вовсе не было.

Транспортная сеть Советского Союза была спланирована таким образом, что Казахстан не имел железнодорожного выхода вовне, кроме как через территорию России. А ширина полосы казахстанских железных дорог отличается от китайских, что серьезно ограничивало транспортное сообщение с внешним миром.

Национальный состав страны на момент обретения независимости также был довольно сложным. Русское и русскоязычное население составляло больше половины народа Казахстана. Наши соседи по региону также были представлены в Казахстане значительными по численности диаспорами. То, что мы расположены между такими крупными мировыми державами, как Китай и Россия, не могло не оказывать серьезного влияния на внешнюю политику молодого государства. В то же время нельзя было

не считаться и с международным весом и влиянием США и коллективного Запада, которые доминировали в мире.

Следование собственным национальным интересам диктовало необходимость сбалансированного подхода к выстраиванию наших отношений с партнерами, прежде всего с великими державами. Это, конечно, во все не означало равноудаленность от них. Понятно, что наши исторически сложившиеся отношения с Россией, с которой нас объединяет многовековая общая судьба и тысячи нитей взаимно переплетенных хозяйственных, культурных и человеческих связей, нельзя было ставить на одну доску с отношениями, например, с КНР или с США. Вместе с тем надо было учитывать и уважать и их интересы, чтобы из партнера не превратиться в объект их политики, а также не допустить чрезмерного крена в сторону Москвы.

Все вышесказанное вместе взятое и предопределяло многовекторный характер нашей внешней политики, без чего было бы невозможно обеспечить благоприятные внешние условия для становления только что обретшего суверенитет и независимость молодого государства, для его беспроblemного вхождения в систему международных отношений. Наиболее значимые из указанных выше факторов, такие как географическое расположение, были постоянными и неизменными константами, а мощь и влияние основных наших партнеров для нас также были долговременными, если не вечными объективными факторами, которые естественным образом обуславливали многовекторность нашей внешней политики на долгую перспективу.

Особое место, конечно, занимали наши соседи по Центральной Азии. Без формирования пояса добрососедства нельзя было рассчитывать на социально-экономический прогресс в условиях мира и безопасности.

Я убежден, и время это подтвердило, что без многовекторности мы не смогли бы проводить сбалансированную внешнюю политику, лишили бы себя способности к маневру и в конечном счете попали бы в полную зависимость от одного из крупных глобальных игроков. Это означало бы для нас плестись в фарватере чужой внешней политики вместо того, чтобы следовать своим национальным интересам. При этом надо иметь в виду, что многовекторность, вопреки утверждениям некоторых оппонентов, вовсе не исключает, а предполагает вступление в союзнические отношения с теми или иными партнерами. Это ведь не политика нейтралитета.

В последнее время все сильнее раздаются голоса казахских доморощенных националистов, обвиняющих наших великих соседей — Россию и Китай — в мыслимых и немыслимых преступлениях против казахского народа в прошлом, односторонне и необъективно рисуящих историю наших взаимоотношений. Они мне напоминают малое несмышленное дитя, неосторожно сующего руку в горящее пламя, не зная о последствиях своего поступка. Поистине самым опасным врагом казахского народа являются сами казахи, а именно такого рода националисты, которые, независимо от их мотивов, подрывают основы добрососедства и ставят под смертельную угрозу само существование нашего молодого государства и будущее нашего многострадального и миролюбивого народа.

Много сил и энергии забирала проблема правового статуса Каспийского моря. Надо сказать, что в Казахстане каспийской проблемой пытались заниматься самые разные ведомства, чьи интересы носили узконаправленный характер (экологические, рыбохозяйственные, нефтегазовые и т. п.). Пришлось приложить немало усилий и потратить много нервов, чтобы преодолеть такой странный подход и

убедить, что эта проблема главным образом политическая, проблема территории, суверенных прав, и ею должно заниматься Министерство иностранных дел, разумеется, с привлечением всех заинтересованных ведомств, научных кругов и экспертного сообщества.

В МИДе выработка позиции Казахстана по правовому статусу Каспийского моря и ведение переговоров по этой проблеме, видимо, с учетом того, как я настойчиво добивался передачи этой проблемы в ведение внешнеполитического ведомства, были поручены мне. Большую помощь оказывала компания «Казахстанкаспийшельф» и ее президент Балтабек Муханович Куандыков¹⁶.

Весьма полезным было взаимодействие с Казахстанским институтом стратегических исследований при Президенте РК (КИСИ), с его первым директором, ныне покойным Умирсериком Касеновым. Плодотворным было сотрудничество с посольством США и с представителем компании «Шеврон» Брюсом Козоски. Вспоминается поездка в США, организованная Брюсом для нас с Б. М. Куандыковым с супругами. Маршрут был довольно сложным и был рассчитан, видимо, на то, чтобы мы получили как можно больше впечатлений от посещения Соединенных Штатов: Алматы — Москва — Шеннон — Нью-Йорк — Денвер — Новый Орлеан — Сан-Франциско — Нью-Йорк — Шеннон — Москва — Алматы. На все про все отводилось десять дней. Побывали на морских нефтяных платформах «Шеврона» в Мексиканском заливе. На нас произвел большое впечатление высокий уровень экологической безопасности морской нефтедобычи. Руководство корпорации организовало прием в штаб-квартире «Шеврона» в городке Сан-Рамон под Сан-Франциско. За ужином нас спросили о впечатлениях от пребывания в

¹⁶ См. биографическую справку, стр. 325.

США. Гульсум Хабибуллоевна ответила коротко: «Очень красивые аэропорты». Все рассмеялись. Хозяева сказали, что поняли намек, и обещали организовать в следующий раз более длительное по времени посещение Штатов.

За этим же ужином случилась и другая забавная ситуация. Вице-президент «Шеврона» вдруг поинтересовался у меня, видел ли я последнюю марку выпускаемого «Шевроном» автомобиля. После моего отрицательного ответа он накинулся на своих сотрудников с упреком и заявил, что хочет подарить мне такой автомобиль. Естественно, у меня мелькнула мысль, как бы отказаться от такого дорогого подарка так, чтобы не обидеть хозяев. Тем временем ужин завершился и все пошли на ближайшую заправку. Думаю, пока заправят машину, что-нибудь придумаю. Подошли к киоску с разными мелочами для автомобилистов, и вице-президент «Шеврона» попросил дать ему последнюю модель их автомобиля. Ему дали небольшую коробку, он расплатился, открыл ее и торжественно вручил мне игрушечный автомобиль красного цвета. Вместе с чувством изумления пришло и чувство облегчения, что мне не придется отказываться от подарка, ставить и себя, и хозяев в неловкое положение.

В Штатах я бывал по делам службы довольно регулярно, если не ошибаюсь, то 22 раза. Встречался с высокопоставленными чиновниками в Белом доме, в Государственном департаменте, Пентагоне, Министерстве энергетики, с сенаторами и конгрессменами, в том числе и с сенаторами Лугаром и Наном, сыгравшими важную роль в ядерном разоружении Казахстана, Беларуси и Украины. Однажды, в нарушение всех правил и запретов, с любезного разрешения моих американских коллег даже покурил в здании Госдепа, в комнате отдыха государственного секретаря, который находился в зарубежной командировке.

Как уже упоминал, в качестве заместителя министра иностранных дел я курировал наши отношения с США. Поскольку штат министерства был более чем компактным, курирование на практике означало не только координацию, но и непосредственную вовлеченность практически во все переговоры с американцами по линии различных ведомств, в подготовку практически всех сколь-нибудь значимых документов, относящихся к переговорам, и вообще в проблематику казахстанско-американских отношений по всем направлениям.

О степени интенсивности наших контактов и масштабах вопросов говорит хотя бы следующее их краткое перечисление. Так, 8–9 июня 1993 года Казахстан посетила делегация США во главе с послом по особым поручениям С. Тэлботом. В этот же период в Алматы находилась делегация USAID во главе с Б. Этвудом. Обсуждались вопросы безопасности, разоружения в соответствии с Договором СНВ-1, а также экономического, технического и гуманитарного сотрудничества.

В сентябре 1993 года принимали делегацию США по проблемам демонтажа ядерного оружия (во главе с послом Д. Гудби) и делегацию для обсуждения программ и проектов взаимодействия (во главе с послом С. Тэлботом).

Ноябрь 1993 года: визит специальной казахстанской делегации (возглавлял я) для согласования с американской стороной документов к предстоящему визиту Н. А. Назарбаева в США.

В декабре 1993 года — визит вице-президента США А. Гора в Алматы. Подписано соглашение относительно уничтожения шахтных установок МБР, ратифицирован ДНЯО.

Февраль 1994 года: визит президента Н. А. Назарбаева в США. Подписаны «Хартия о демократическом партнерстве

между Республикой Казахстан и США», Соглашение об обмене технической информацией и о сотрудничестве в области ядерной безопасности, Принципы сотрудничества между РК и Корпорацией иностранных частных инвестиций (ОПИК) и Казахстанско-Американским советом по экономическому развитию, Заявление о принципах создания казахстанско-американского Комитета по оборонной конверсии, Соглашение между Казахстаном, Россией и США о технологических гарантиях в связи с запуском спутника «Инмарсат-3».

Март 1994 года: визит в Алматы министра обороны США У. Перри. Подписано Соглашение о конверсии казахстанской оборонной промышленности.

Апрель 1994 года: визит в Казахстан делегации США во главе с заместителем министра энергетики У. Уайтсом, а также делегации во главе с председателем комитета Сената по иностранным делам К. Леллом. Обсуждались вопросы осуществления реформ в Казахстане, контроля над вооружениями и демонтажа МБР, энергетики и др.

31 октября — 2 ноября 1994 года: первое заседание Казахстанско-американской совместной комиссии:

- *политический блок*: выборы и политические реформы, НПО, правовой статус Каспия;
- *экономический блок*: экономика и помощь, макроэкономика, нефтепроводы, антидемпинг, приватизация, транспорт;
- *торговый блок*: инвестиционный климат, деятельность Эксимбанка, ОПИК и др.;
- *оборонный блок*: конверсия и сотрудничество, выполнение Договора СНВ-1, «Партнерство во имя мира», ядерное разоружение и др.;
- *научный блок*: окружающая среда, космический мониторинг, сотрудничество в освоении космоса, здравоохранение, аральская проблема и др.

Декабрь 1994 года: подписание Меморандума о гарантиях безопасности Казахстана в связи с присоединением к ДНЯО.

Это только наиболее крупные события в сфере казахстанско-американских отношений, имевшие место в сравнительно небольшой промежуток времени, с середины 1993-го и до конца 1994 года. Параллельно с ними происходили важные события и на других направлениях внешней политики Казахстана, таких как Европа, Южная Азия, Ближний Восток, Каспийское море, нефтепроводы, в которых я как курирующий заместитель министра иностранных дел принимал самое непосредственное участие.

Полеты в Америку из-за большой разницы во времени всегда тяготили меня, выбивали из рабочего ритма, вместо естественного интереса к новой незнакомой стране вызывали чувство разбитости и усталости. Вызывало разочарование и отсутствие многовековой истории у американцев, когда они с гордостью показывали объекты, насчитывавшие всего двухсотлетний возраст, которые по сравнению с китайскими и европейскими многовековыми и даже тысячелетними памятниками архитектуры и искусства выглядели довольно бледно и не производили того впечатления, которое ожидал. Поразил Нью-Йорк своими «каменными джунглями», которые оказались не советским пропагандистским штампом, а самой настоящей реальностью. И еще мусор, горы мусора в черных пластиковых мешках, сваленных где попало на улицах. Зимой, даже при небольших, по нашим меркам, снегопадах и морозах, жизнь в американских городах южнее Нью-Йорка практически замирала, так как они не были обеспечены снегоуборочной техникой. Летом высокая влажность и невыносимая духота в Вашингтоне была сопоставима с климатом в какой-нибудь тропической стране. В общем, я не хотел бы

работать в Штатах, и, видимо, под этими впечатлениями я в 2000 году отказался от предложения президента поехать послом в США.

Однако вернемся к каспийской проблеме. Многолетний переговорный процесс по проблеме правового статуса Каспийского моря подтвердил, что позиция Казахстана с самого начала была конструктивной и гибкой, обеспечивала наши интересы, учитывала интересы наших соседей по Каспию и, самое главное, была нацелена на разумное использование его природных ресурсов на благо всех прибрежных стран в условиях мира и сотрудничества. Даже Россия, которая на начальном этапе переговоров совместно с Ираном занимала великодержавную позицию и пыталась навязать нам неприемлемый статус Каспия, со временем перешла на нашу позицию, хотя порой пыталась выдать такую смену позиции за свою победу. У людей, знающих историю переговоров, это вызывало лишь ироническую усмешку своей неуклюжей нелепостью.

С самого начала вокруг каспийской проблемы развернулась нешуточная борьба, которая временами приобретала довольно острый характер. О внутренней межведомственной борьбе я уже упоминал выше. Но более сложным был международный аспект этой борьбы. Иран и Россия изначально действовали скоординированно и пытались оказать на новых членов каспийского клуба в лице Казахстана, Азербайджана и Туркменистана массированное давление, пытаясь навязать им свою позицию. Если Иран действовал более гибко и дипломатично, то российские представители не стеснялись себя и нередко прибегали к откровенно грубому и ничем не прикрытому шантажу. Это проявлялось особенно по отношению к казахстанским и азербайджанским переговорщикам, которые активно отстаивали свои позиции. Наши оппоненты утверждали,

что Каспий в свое время был поделен между Ираном и Советским Союзом, а следовательно, Россией как правопреемницей СССР, забывая при этом, что и новые прикаспийские государства являются правопреемниками СССР в отношении Каспия.

В связи с этим вспоминаю визит первого заместителя премьер-министра Российской Федерации А. А. Большакова летом 1996 года. В составе делегации был и заместитель министра иностранных дел А. С. Чернышёв, с которым мне предстояло обсудить проблему Каспия. Встреча состоялась у меня в кабинете. Чернышёв привез российский проект правового статуса Каспийского моря, чему я очень обрадовался, так как до тех пор на столе переговоров каспийской пятерки были близкие друг другу казахстанский и азербайджанский проекты, однако их обсуждение продвигалось с трудом из-за позиции прежде всего России, а также Ирана. Поэтому я воспринял появление российского проекта как положительный сигнал, который может внести позитивную ноту в процесс переговоров. Но беглое ознакомление с документом показало, что мои надежды были преждевременными. Российский проект базировался на хорошо известной нам, но абсолютно неприемлемой концепции, согласно которой ресурсы дна моря никому из прибрежных государств не принадлежат и могут разрабатываться любым из них. Это означало, что на практике они будут осваиваться Россией и Ираном, которые были экономически более мощными, обладали необходимыми для этого кадрами, технологией и техникой, чего не было у молодых прикаспийских государств.

Я пообещал Чернышёву, что мы изучим документ и будем готовы к его обсуждению на очередной встрече специальной рабочей группы по Каспию на уровне заместителей министров иностранных дел. Чернышёв в настоя-

чивой форме предложил мне парафировать документ прямо сейчас. Мои слова о том, что проект с казахстанской стороны никто, кроме меня, еще не видел и что по внутренней процедуре я должен разослать документ заинтересованным ведомствам, и только с учетом их мнения мы сможем сформировать свое отношение, он совершенно не воспринимал и продолжал гнуть свою линию. Расстались ни с чем.

Вечером в Доме дружбы я устроил ужин в честь Чернышёва и находившихся с ним сотрудников МИД и посольства России. Как положено в таких случаях, не обошлось без выпивки. Видимо, это оказало свое воздействие, так как гость вновь вернулся к своему предложению парафировать российский проект конвенции. Снова проявил нежелание прислушаться к моим аргументам и в грубой форме заявил буквально следующее: «Завтра получите указание вашего премьер-министра и как миленький запарафируете». Он явно имел в виду запланированную на утро встречу А. Большакова с премьер-министром А. Кажегельдиным¹⁷.

Такое неприкрытое хамство, к тому же за моим столом, в других обстоятельствах я, может, и спустил бы на тормозах, но поскольку все происходило публично, Чернышёв не оставил мне выбора. Возмущенный его словами, я заявил, что не думаю, что мне дадут такое указание, но если, не дай бог, это случится, то я не буду его выполнять, а немедленно созову пресс-конференцию и объясню, что означает для Казахстана российский проект конвенции. И тогда можно быть уверенным, что он будет похоронен, и похоронен навсегда. А пока еще есть возможность его обсуждения.

Наутро я решил еще до встречи с Большаковым проинформировать Кажегельдина и с этой целью приехал к нему

¹⁷ См. биографическую справку, стр. 326.

на час раньше запланированной его встречи с российским гостем. Каково было мое удивление, когда в приемной я застал Большакова и всю его команду! Мое появление не обрадовало их. Я прошел в кабинет Кажегельдина и вкратце проинформировал его о своей вчерашней встрече. Он полностью поддержал меня и предложил Большакову, чтобы МИДы продолжили поиск компромиссных решений, поскольку разногласия по Каспию сохраняются.

Хочу сказать, что это был не первый мой опыт общения с Кажегельдиным. Он произвел на меня впечатление человека широко мыслящего, смелого и решительного, хорошо разбирающегося как в экономических, так и в политических вопросах.

Как-то министр К. К. Токаев, уезжая в заграничную командировку, поручил мне принять участие в заседании правительства, на котором будет утверждаться проект бюджета на следующий год, и проследить, чтобы в него были включены средства на открытие десяти наших посольств за рубежом, о чем у него была договоренность с президентом. Прослушав доклад министра финансов, я не обнаружил в проекте бюджета денег на открытие посольств. Заседание подходило к концу, Кажегельдин спрашивает, у кого еще есть вопросы. Думаю, что промолчать нельзя. Поднимаю руку и с места говорю о договоренности министра с президентом и заявляю, что в проекте бюджета я не увидел средств на открытие даже одного посольства, не говоря о десяти. Тут Кажегельдин почему-то взорвался, начал довольно эмоционально говорить, что наши послы роскошествуют, держат персональных поваров. Заявил, что если они так хорошо устроились, то «запишите и меня в очередь на послов».

Такой несправедливый выпад на мой вполне обоснованный вопрос неприятно удивил. От слов Кажегельдина

у присутствующих могло сложиться ложное впечатление, что наши посольствакупаются в деньгах, хотя в действительности они были обеспечены по самому минимуму, а многим необходимым были вовсе не обеспечены. Отмалчиваться было нельзя. Ответил, что в посольствах содержат поваров для обслуживания не послов, а гостей посольства, и это вызвано чисто экономическими соображениями, так как иначе пришлось бы приглашать поваров со стороны или заказывать блюда в ресторанах, что обойдется гораздо дороже. Кроме того, местные повара не могут готовить наши национальные блюда. А что касается очереди на послов, то добавил, что он может считать себя занесенным в этот список.

Задним числом я удивился дерзости своего ответа и тому, что это сошло мне с рук. Обошлось лишь репликой Кажегельдина «ну и зам у тебя», сказанной Токаеву по его возвращении из командировки.

Определенным этапом в дискуссиях вокруг каспийской проблемы явилось совещание в ноябре 1996 года в Ашхабаде, впервые проведенное на уровне министров иностранных дел всех прибрежных государств. Оно едва не закончилось провалом.

Перед началом совещания глава российской делегации Е. М. Примаков за завтраком доверительно информировал К. К. Токаева, что в рамках совещания планируется подписание документа о создании Ираном, Россией и Туркменистаном совместной нефтяной компании для разработки углеводородных ресурсов дна Каспийского моря. Компания будет обладать правом вести работы без каких-либо ограничений по всей акватории моря, включая и казахстанский сектор.

Принимая во внимание, что Иран и Россия и до этого жестко выступали за совместное владение и использо-

вание ресурсов моря, участие в трехсторонней нефтяной компании Туркменистана значительно усиливало их позицию и, по сути, представляло собой попытку предрешить вопрос о правовом статусе Каспия.

Казахстан и Азербайджан, выступавшие за раздел Каспия (их варианты раздела были похожи, но несколько отличались друг от друга), оставались в меньшинстве. К тому же азербайджанскую делегацию возглавлял не министр, а его заместитель (министр прилетел по нашей просьбе позже, но все же успел до начала совещания). В общем, сложилась крайне невыгодная для нас ситуация. Наша задача состояла в том, чтобы не допустить подписания документа о создании трехсторонней нефтяной компании, а если удастся, то и похоронить эту идею.

Токаев со своим азербайджанским коллегой потребовали провести встречу руководства всех пяти делегаций. На встрече они твердо и решительно заявили, что если документ о создании трехсторонней компании будет подписан в том виде, в котором нас ознакомили, то наши делегации не примут участие в совещании и покинут его до открытия.

Развернулась жаркая дискуссия. Особенно темпераментно выступал азербайджанский министр, который не очень сдерживал себя в выражениях. Видя, что совещание может быть сорвано, Примаков вдруг сделал неожиданный шаг — предложил внести в документ об учреждении трехсторонней нефтяной компании изменения, которые сделали бы его приемлемым для казахстанской и азербайджанской делегаций. При этом попросил, чтобы именно я отредактировал документ, добавив, что он примет внесенные мной изменения без обсуждения. Такое опрометчивое заявление отдавало судьбу трехсторонней нефтяной компании в наши руки.

Я вышел в соседнюю комнату и, внимательно изучив документ, внес в него изменение, которое на первый взгляд казалось незначительным, но на самом деле в корне меняло его смысл. Сделанная правка ограничивала район работы трехсторонней нефтяной компании только прибрежными зонами стран-участников, то есть России, Ирана и Туркменистана. В такой редакции не могло быть и речи о работе по всей акватории Каспия, создание компании теряло всякий смысл для ее учредителей, так как лишало их возможности осваивать ресурсы дна моря по всей его акватории. Я передал документ с внесенной правкой Токаеву, он одобрил его и озвучил. Тут с возгласом «Евгений Максимович, нельзя принимать такой документ!» вскочил директор правового департамента МИД РФ Александр Ходаков, но Касым-Жомарт Кемелевич резко осадил его репликой: «Сядьте, здесь находятся люди постарше вас».

Как ни удивительно, но Евгений Максимович сдержал слово и без обсуждения принял новую редакцию документа. Согласились с ней и иранский и туркменский министры, это подтвердило наши предположения о том, что идея трехсторонней компании исходит от российской делегации.

Так или иначе, проект создания трехсторонней нефтяной компании, еще не родившись, был успешно похоронен, а совещание министров иностранных дел каспийской пятерки — спасено.

Прорывом в каспийской проблеме явилось подписание Казахстаном и Россией соглашения по Северному Каспию 6 июля 1998 года, когда Астана и Москва договорились разделить дно и углеводородные ресурсы дна по «модифицированной срединной линии». Это положило начало достижению нами договоренностей по дну моря и с другими

соседями по Каспию, сначала с Азербайджаном, а затем и с Туркменистаном. Значение этого соглашения состояло не только в том, что оно легализовало ведущиеся в нашем секторе работы по поиску и разработке углеводородного сырья с участием иностранных инвесторов — Россия и раньше признавала наше право вести такие работы. Соглашение устраняло потенциально опасные споры с Москвой по пограничным морским месторождениям, так как мы договорились разрабатывать такие месторождения совместно. В конечном счете данное соглашение способствовало достижению более широкой договоренности между всей каспийской пятеркой и подписанию 12 августа 2018 года Конвенции по правовому статусу Каспийского моря в Актау президентами Казахстана, Азербайджана, Ирана, России и Туркменистана.

В переговорном процессе по каспийской проблеме мне изначально помогала хороший юрист и отличный работник Зульфия Алтаевна Аманжолова. Она с самого начала участвовала в каспийском переговорном «марафоне», который длился 25 лет, и со временем стала основным переговорщиком с казахстанской стороны, внесла неоценимый вклад в нахождение развязки этой сложной и конфликтно-опасной проблемы. Ее всегда отличали добротные знания, ответственное отношение к делу, умение отстаивать интересы своей страны и в то же время учитывать интересы партнеров по переговорам, находить компромисс. Говорят, что если политика — искусство компромиссов, то дипломатия — это искусство формулировок. Зульфия Алтаевна в полной мере владеет этими искусствами. Правда, она в некоторой обиде на меня за то, что именно я уговорил ее заняться каспийской проблемой, к которой она оказалась привязанной на четверть века. Но я и сейчас убежден, что эта проблема настолько важна для региональной безопас-

ности и интересов нашей страны, что заслуживает посвящения ей всей жизни.

На заре независимости Казахстана США и Запад уделяли ему пристальное внимание, что объяснялось наличием у нас серьезного ядерного арсенала. Не было месяца, а порой даже недели, когда Алматы не посещали бы визитеры из США или стран Западной Европы. Центральной темой на переговорах на всех уровнях, включая и президента, была судьба ядерного оружия в Казахстане. Наши собеседники дипломатично, а порой и прямо увязывали перспективы сотрудничества в интересующих нас областях, прежде всего инвестирование в экономику Казахстана и поддержку на международной арене, с ликвидацией нашего ракетно-ядерного потенциала. Так было во время визитов государственных секретарей США Дж. Бейкера и У. Кристофера, вице-президента США А. Гора, первого заместителя госсекретаря США С. Тэлботта, сенаторов, конгрессменов и других официальных лиц.

Мы хорошо сознавали, что после отказа Казахстана от ядерного арсенала интерес США к нашей стране неизбежно ослабнет. Необходимо было восполнить вакуум, прежде всего экономическим интересом, многоплановым экономическим сотрудничеством, а также сотрудничеством в области безопасности, развития демократических институтов и гражданского общества и в других сферах. При этом было желательно, с точки зрения успешности, осуществить такую трансформацию на пике заинтересованности американской стороны в ликвидации ядерного оружия на нашей территории. Это позволяло взаимно увязать, не напрямую, а во времени, нашу заинтересованность в экономическом и инвестиционном сотрудничестве с интересом американских партнеров и облегчало достижение нашей цели.

Наступил момент для подготовки солидной политико-правовой базы такого сотрудничества на длительную перспективу. Отличным поводом для подготовки и подписания такого фундаментального документа был визит президента, который давал возможность подписать его на высшем уровне, что подчеркивало и повышало значимость самого документа.

В феврале 1994 года в Вашингтоне на уровне глав государств была подписана «Хартия о демократическом партнерстве между Республикой Казахстан и Соединенными Штатами Америки». Готовили документ в основном первый посол США в Казахстане Уильям Кортни и я, а в подготовке раздела, посвященного сотрудничеству по вопросам безопасности, самое активное участие принимал и Болат Нургалиев. Разумеется, в этой работе участвовали и сотрудники Управления Америки во главе с Кайратом Умаровым.

Посол Кортни был специалистом в области разоружения, принимал участие в сложных многолетних переговорах по этой проблеме между США и СССР. Он внес большой вклад в становление казахстанско-американских отношений, отличался высокой активностью, которая иногда перехлестывала через край. На этой почве бывали и стычки с ним.

Одна из них была спровоцирована самим Кортни из-за его совершенно неуместного вмешательства в чисто внутренние дела Казахстана. В последних числах апреля 1995 года на складе одной из ведущих в то время казахстанских оппозиционных газет «Караван» сгорели все запасы бумаги. Казалось бы, пожар есть пожар, нет в этом ничего необычного, всякое бывает, однако оппозиция вокруг этого несчастного случая раздула скандал, обвиняя власти в умышленном поджоге с целью воспрепятствова-

ния изданию газеты. Как известно, в политической борьбе не всегда придерживаются чистоплотных приемов. Масла в раздутый оппозицией огонь решил накапать и посол США. Он публично заявил, с намеком на власти, что это был поджог. Это вызвало вполне обоснованное возмущение президента.

Вскоре я был у Нурсултана Абишевича с одним из иностранных послов. По завершении беседы он попросил меня задержаться и, не скрывая недовольства, потребовал поставить Кортни «на место».

В дипломатической практике в таких случаях посла вызывают в МИД и делают устное представление или заявляют письменный протест. Для протеста случай явно не дотягивал, а устное представление для посла США было бы как слону дробина, в этом не приходилось сомневаться. Американские дипломаты взяли себе за правило вмешиваться во внутренние дела других государств по всему миру и поучать демократии. В то же время нужно было что-то делать, чтобы проучить Кортни. К тому же я знал, что президент не забывает своих поручений и непременно спросит у меня о результатах.

На мое везение, вскоре в Алматы прибыл очередной визитер — сенатор США. Я встретил его в аэропорту. Оказалось, он прилетел с десятилетним сыном. Там же в аэропорту гость обратился ко мне с просьбой достать форменную фуражку казахстанской армии, объяснив свою просьбу тем, что сын коллекционирует фуражки армий мира.

На следующий день посол Кортни устроил ужин в честь сенатора. Пригласил и меня. Зная, что буду главным гостем от казахстанской стороны и без меня не начнут, я специально опоздал на полчаса. Все собравшиеся с нетерпением ожидали моего появления, и я таким образом оказался в центре внимания, на что и рассчитывал. Изви-

нившись за опоздание, подозвал сына сенатора, водрузил ему на голову нашу офицерскую фуражку и, обращаясь к послу, воскликнул: «Билл¹⁸, я поздравляю тебя!» Сенатор, как я и ожидал, заинтересовался. Я громко, чтобы все присутствовавшие слышали, коротко рассказал о пожаре на складе «Каравана», о том, что следственные органы сбились с ног, пытаюсь найти причину и виновных в пожаре, но Билл сразу определил, что это был организованный властями поджог. Добавил, что алматинские пожарники рассчитывают получить в подарок от США не менее десяти современных пожарных машин.

Весь красный, Кортни стал оправдываться, говоря, что он совершал прогулку на велосипеде и случайно оказался на месте пожара, что не делал никаких высказываний о причинах пожара, что это выдумки журналистов и т. п. Но его слова звучали неубедительно.

Вскоре на одном из мероприятий с участием президента я рассказал ему эту историю, и это немало повеселило его. Я тоже остался доволен реакцией президента и тем, что удалось выполнить его поручение, не прибегая к официальным демаршам, которые всегда оставляют негативный след в двусторонних отношениях.

Тем не менее, покидая Казахстан по завершении срока своей миссии, Кортни направил на имя президента Н. А. Назарбаева письмо, в котором дал высокую оценку уровню казахстанской дипломатии, особо отметив при этом К. К. Токаева, Б. К. Нургалиева и меня. Было приятно получить такую профессиональную оценку от американского коллеги.

¹⁸ Билл — сокращение от имени Уильям. Так я называл Кортни в неофициальной обстановке, так как был с ним, как говорится, на короткой ноге.

«Хартия о демократическом партнерстве» и сегодня является основополагающим документом казахстанско-американских отношений и еще долго будет служить задачами всестороннего сотрудничества наших стран.

Надо сказать, что хартия рождалась долго и трудно. Учитывая ее фундаментальный характер для будущего казахстанско-американских отношений, хотелось, чтобы само название документа указывало на его неординарность. Роль подсказки сыграла «Парижская хартия для новой Европы», принятая СБСЕ в 1990 году. Эта идея понравилась и Кортни, и мне, получила одобрение руководства обеих сторон.

Изначально планировалось, что хартия будет подписываться на высшем уровне во время официального визита президента Н. Назарбаева в США, однако с согласованием сроков визита возникли серьезные трудности, так как американская сторона прямо увязала возможность визита с присоединением Казахстана к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в качестве неядерного государства. Мы же со своей стороны присоединение к ДНЯО увязали с получением гарантий безопасности.

Разделы хартии об экономическом сотрудничестве и сотрудничестве в других сферах были согласованы довольно быстро, но когда дело дошло до раздела о сотрудничестве в области безопасности, то обе стороны застряли на вопросе о гарантиях безопасности Казахстану со стороны США. Время шло, но мы пребывали в тупике, что задерживало и другие аспекты подготовки такого сложного мероприятия, каким является официальный визит главы государства.

Выход был найден неожиданно. В один из воскресных дней посол Кортни пригласил меня и моего коллегу Нургалиева на ланч в ресторан. Разговор вновь зашел о гаран-

тиях, и тут я вспомнил, что где-то встречал текст гарантий, которые США давали безъядерным государствам, и высказал идею инкорпорировать эту формулу в текст хартии, так как она уже апробирована и, скорее всего, не вызовет каких-либо возражений при ратификации документа в Конгрессе США. Идея была поддержана и Кортни. Попросив нас подождать, он отправился к себе в посольство на поиски указанного текста. Вскоре он вернулся с текстом гарантии, который полностью соответствовал нашим представлениям и был почти дословно включен в хартию.

Однако это не решало всех проблем. Американцы по-прежнему настаивали на нашем присоединении к ДНЯО и демонтаже находящегося на нашей территории ядерного оружия как предварительном условии для официального визита президента в США и подписания «Хартии о демократическом партнерстве». Это стало очевидным в ходе визита в Алма-Ату в июне 1993 года спецкоординатора политики США в отношении новых независимых государств Струба Тэлботта во главе большой делегации, включающей представителей Совета национальной безопасности, Госдепартамента, министерств обороны и финансов, ЦРУ и других ведомств США.

Вопрос о присоединении Казахстана к ДНЯО американцы сделали центральным и во время визита государственного секретаря У. Кристофера (октябрь 1993 года), который неожиданно обернулся для него большим разочарованием.

Переговоры президента Н. А. Назарбаева с У. Кристофером из-за сжатости отведенного на визит времени были продолжены за обедом, который был устроен в честь гостя. Госсекретарь за столом, как и во время переговоров, продолжал давить, настаивая на нашем безотлагательном присоединении к ДНЯО в ходе его визита. Президент спо-

койно привел весомые аргументы, объясняя, почему мы не можем присоединиться, не получив гарантии безопасности. Чем настойчивее становился Кристофер, тем спокойнее и тверже были возражения Назарбаева.

Следует сказать, что еще до приезда госсекретаря мы получили информацию о том, что главной целью визита Кристофера был ДНЯО, и МИД в связи с этим представил президенту докладную, в которой высказал мнение, что госсекретарь — не та фигура, которой можно было бы преподнести такой «подарок». Мы рекомендовали поставить вопрос о визите в Казахстан вице-президента США, и только при получении на его уровне обязательства о предоставлении гарантий безопасности можно было бы присоединиться к ДНЯО.

Президент держал под постоянным контролем процесс подготовки визита в США и твердо стоял на требовании гарантий безопасности Казахстану как неременном условии нашего присоединения к ДНЯО. Эту линию он последовательно провел в беседе с Кристофером. Гость, видя, что время уходит, а он все еще далек от своей главной цели, попросил президента прервать ланч и поговорить наедине, так как ему скоро ехать в аэропорт. Остались переводчики, остальные члены делегаций обеих сторон удалились. И тут произошло совершенно неожиданное. Госсекретарь мировой державы номер один, фактического «хозяина мира», пытаясь уговорить Назарбаева присоединиться к ДНЯО, прибег к поразительному аргументу: заявил, что не может вернуться в Вашингтон с пустыми руками, — и попросил президента исполнить просьбу о присоединении к ДНЯО хотя бы из уважения к его сединам. Мне не приходилось ни видеть, ни слышать, ни читать ничего подобного. При этом в его голосе были просительные нотки, выглядел он крайне расстроеным и вызывал сочувствие.

Президент заверил гостя в своем глубоком уважении, заявил, что не допустит, чтобы он возвращался с пустыми руками. Мы подписали Договор об избежании двойного налогообложения и договорились о выделении США средств на обеспечение населения Аральского региона питьевой водой. «Это конкретные и хорошие результаты», — сказал Нурсултан Абишевич. Подробно обсудили вопрос присоединения Казахстана к ДНЯО и демонтажа ядерного оружия. «Нам нужны гарантии безопасности», — вновь подтвердил Назарбаев и пригласил вице-президента США в Казахстан, выразив надежду, что к его приезду вопрос о гарантиях безопасности будет решен.

Кристофер, окончательно убедившись в неудаче, попросил президента предоставить ему помещение, где он мог бы привести себя в порядок перед выходом к журналистам на заключительную пресс-конференцию. Я проводил его в кабинет помощника президента.

Заключительная часть переговоров с Кристофером была явной «потерей лица» американцем, который был излишне самоуверен и не ожидал от Назарбаева твердого и бескомпромиссного отказа присоединиться к ДНЯО без получения должных гарантий безопасности своей страны.

Наша тактическая линия оправдала себя. Не прошло и полутора месяцев, как в Алматы прилетел вице-президент США Альберт Гор. И это в канун Рождества, когда на Западе начинаются всеобщие каникулы! Для нас это был ясный сигнал о том, что мы получим гарантии безопасности, а официальный визит Назарбаева в США состоится, как и подписание «Хартии о демократическом партнерстве», в текст которой, как уже говорилось ранее, эти гарантии были включены.

Гор прилетел с супругой. В Алматы накануне прошел обильный снегопад, и город на фоне заснеженных гор ос-

леплял красотой. Особенно красивыми были накрытые снегом тянь-шаньские ели у резиденции, где разместили гостей, которые рассматривали все с интересом и делились впечатлениями. Было заметно, что наша столица им очень понравилась.

Назарбаев принимал Гора в зимнем саду гостевой резиденции на территории санатория «Алмалы», расположенном по дороге на Медеу. Место было выбрано удачно. Перед началом разговора с Гором президент поручил государственному советнику Т. Жукееву и мне внимательно прочитать текст проекта «Хартии о демократическом партнерстве», убедиться, что ранее согласованная формулировка о гарантиях безопасности Казахстану не претерпела изменений, и дать ему знать об этом.

С американской стороны считку текста хартии осуществлял знакомый нам С. Тэлботт, хорошо владевший русским языком. Русский текст с нашей стороны проверял Жукеев, английский — я. У дверей в зал на первом этаже резиденции, где мы работали, стоял Кайрат Умаров, начальник Управления Америки МИД РК, с инструкцией никого не впускать.

Считка текста на обоих языках показала, что ранее согласованный проект документа не претерпел изменений и содержит необходимые нам гарантии безопасности, о чем я попросил Умарова доложить президенту. Кайрат вернулся с добром президента на парафирование хартии и с информацией о том, что он с гостем выезжает в Верховный Совет.

Как иногда бывает во время важных событий, так и здесь не обошлось без курьеза. Парафирование было поручено Жукееву, но ни у него, ни у меня не оказалось с собой ручки. Не было ее и у Тэлботта. К счастью, у Умарова была уже «уработанная» шариковая ручка, которая и выручила нас всех.

Кстати говоря, это был не первый случай, когда подпись под серьезным документом ставил с нашей стороны госсоветник Жукеев. Так было и с подписанием в мае 1992 года такого важного соглашения, как Лиссабонский протокол¹⁹, который от имени Казахстана подписал именно Жукеев, хотя в составе нашей делегации был министр иностранных дел Т. Сулейменов, который по всем международным канонам и был должностным лицом, обладающим по своему положению необходимыми полномочиями. На мой взгляд, это свидетельствовало о нашей недостаточной в то время дипломатической зрелости. Правильный выбор надлежащего лица мог подсказать и состав подписантов от других государств — участников Протокола (от Беларуси — президент, России и Украины — министры иностранных дел, от США — государственный секретарь). Однако этого не было сделано.

Итак, президент и Гор поехали в Верховный Совет, где предстояло принять решение о ратификации ДНЯО, то есть присоединиться к договору. Это было последнее заседание Верховного Совета 12-го созыва, который самораспускался. Докладчиком по вопросу о присоединении к договору выступал министр Сулейменов. Накануне я подготовил тезисы его выступления, в которых обосновывалась необходимость этого шага. В конце обсуждения на трибуну вышел президент и ответил на вопросы депутатов. Голосование прошло успешно. Договор был ратифицирован, и Казахстан принял статус безъядерного государства. В развитие этого решения во время пребывания Гора было подписано также рамочное соглашение о демонтаже шахтно-пусковых установок межконтинентальных бал-

¹⁹ Лиссабонский протокол от 23 мая 1992 года — дополнение к Договору о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1), оговаривает международно-правовые последствия распада СССР.

листических ракет, ликвидации последствий аварийных ситуаций и предотвращении распространения ядерного оружия.

Гор передал приглашение президента У. Клинтона Н. А. Назарбаеву посетить США с официальным визитом. Была также достигнута договоренность о создании комиссии Назарбаев — Гор для координации и мониторинга всего комплекса казахстанско-американского сотрудничества, которая сыграла положительную роль и придала высокую динамику широкомасштабному взаимодействию двух стран, особенно в сфере экономики и финансов, а также в области безопасности.

Характер многочисленных острых вопросов, заданных в Верховном Совете во время слушаний вопроса о ратификации ДНЯО, свидетельствовал о наличии в депутатском корпусе, а следовательно, и в обществе серьезных сомнений относительно целесообразности такого шага. Озабоченность депутатов можно понять, однако я глубоко убежден, что отказ от ядерного оружия был стратегически верным решением, имеющим историческое значение для будущего нашего молодого государства.

Были с десятков аргументов в пользу присоединения к ДНЯО. Хотя на нашей территории были расположены почти 150 шахтных пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет СС-18 с двенадцатью ядерными боеголовками каждая, Казахстан в действительности не распорядился ими. Там служили российские офицеры и сержанты, которые в критической ситуации стали бы выполнять приказы из Москвы. Как известно, президент России Б. Ельцин, получив ядерный чемоданчик от М. Горбачёва, заверил Казахстан, Украину и Белоруссию, на чьих территориях имелось советское ракетно-ядерное оружие, в том, что он не использует ядерное оружие без их

согласия. Однако полагаться на такие заверения, когда вопрос касается самого существования нашего народа, было бы безответственно. В то же время наличие на нашей территории ядерного оружия и готовых к запуску ракет автоматически ставило Казахстан под ядерный удар Запада в случае серьезного американо-российского конфликта. Таким образом, сохраняя ядерное оружие, мы ставили бы судьбу своей страны в зависимость от чужих национальных интересов.

Кроме того, мы не располагали национальными кадрами, способными обслуживать эти ракеты и боеголовки, содержать их в надлежащем состоянии, без чего они сами представляли смертельную опасность. Как любая техника, ядерные боеголовки и средства их доставки, шахтное оборудование для запуска межконтинентальных баллистических ракет требовали время от времени замены отслуживших свое компонентов, которые мы не производили, а Россия, несомненно, отказала бы нам в их поставках. К этому надо добавить, что содержание ядерного оружия и средств их доставки, а также обслуживающего персонала требовало огромных финансовых средств, непосильных для Казахстана, особенно в 90-е годы прошлого века.

Имелись и не менее серьезные международные аспекты данной проблемы. В случае сохранения Казахстаном ядерного оружия наше молодое государство неизбежно стало бы государством-изгоем со всеми вытекающими последствиями. Не было никаких сомнений в том, что нам была бы закрыта дорога во многие, если не во все, международные организации. Против нас применили бы всю санкционную мощь международного сообщества. Нечего было бы рассчитывать на доступ к финансовым источникам и на внешнее инвестирование. Нам закрыли бы выходы на международные рынки и просто-напросто удушили

бы нас, что вызвало бы неизбежные социальные потрясения и в конечном счете привело бы к потере независимости и государственности. В реальности такой перспективы не приходилось сомневаться, так как требование нашего отказа от ядерного оружия исходило от всех без исключения мировых держав, включая Россию. В этих условиях решение о присоединении к ДНЯО с последующим демонтажем шахтных установок, ликвидацией МБР и вывозом из страны ядерных боеголовок было мудрым решением, открывавшим Казахстану дорогу в будущее, к построению национального государства и занятию достойного места в семье народов мира.

Когда А. Гор с супругой уже вернулись на родину, на стоянке алматинского аэропорта через несколько дней обнаружили бронированный внедорожник, что вызвало немало шуток. Оказалось, что его доставили из США для использования вице-президентом во время пребывания в Казахстане, но забыли на стоянке. Видимо, в посольстве США посчитали, что автомашину погрузили на самолет вице-президента, а в делегации Гора понадеялись, что ее заберет посольство. В итоге она несколько дней простояла бесхозной в аэропорту. Таким образом посольство США в Казахстане неожиданно для себя обзавелось бронированным автомобилем.

Визит Н. А. Назарбаева в США состоялся в феврале 1994 года. Как и ожидалось, длительная и сложная работа по его подготовке дала свои плоды. Были подписаны «Хартия о демократическом партнерстве», Соглашение об обмене технической информацией и сотрудничестве в области ядерной безопасности, Соглашение о сотрудничестве в области науки и техники и др.

Хотя я принимал деятельное участие в подготовке визита, из-за интриг некоторых сотрудников Администра-

ции Президента не был включен в состав делегации и не участвовал в визите. Попытки министра Сулейменова исправить эту несправедливость, к сожалению, результатов не дали.

Думаю, все согласятся с тем, что интриги — весьма неприятное, зловредное, но, к сожалению, довольно распространенное явление. Уверен, что каждому приходилось сталкиваться с ними. Мотивы интриганов могут быть самыми разными. Одни занимаются этим, снедаемые завистью, других подталкивает карьерное соперничество, третьи хотят отвести от себя ответственность, переложить ее на других и т. д.

Выше я рассказывал, как за три дня до вылета был отстранен от длительной командировки в Сан-Франциско в качестве резидента КГБ. Это тоже было результатом интриг, так как даже начальник Первого (американского) отдела ПГУ генерал С. А. Андросов, рекомендовавший меня на эту трудную, но престижную должность, узнал о таком решении от меня.

Приходит на память другой случай, когда желание некоторых людей отвести от себя ответственность чуть не закончилось для меня катастрофой. 7 марта 1994 года в Казахстане состоялись выборы в Верховный Совет. Впервые в истории Казахстана было решено пригласить международных наблюдателей. Выборы прошли успешно, и Центральная избирательная комиссия устроила прием в честь международных наблюдателей. Мероприятие проходило в Доме приемов на ул. Курмангазы. Днем коллега, который в руководстве МИД курировал международных наблюдателей, обратился ко мне с просьбой сходить вместо него на прием, так как он улетал в командировку за границу. Придя на прием, я по выработанной годами привычке обратился к первому встречному иностранцу и по-

интересовался его оценкой прошедших выборов. Он оказался руководителем группы СБСЕ из десяти человек. К моему неприятному удивлению, он выложил целый перечень, как выразился, «нарушений демократических принципов», имевших место во время выборов. Ошарашенный, я осторожно спросил, с кем еще, кроме меня, он поделился своими впечатлениями, и получил ответ, что он только что пришел с пресс-конференции, на которой обнародовал свои оценки перед представителями иностранных и казахстанских СМИ. Мне стало плохо. Я так же осторожно поинтересовался: он выступал на пресс-конференции устно или распространил какой-то письменный текст? Отвечает, что выступал и раздал текст. Мне становится еще хуже. Я представляюсь заместителем министра иностранных дел Казахстана и прошу дать мне на короткое время текст его выступления, чтобы я мог ознакомить председателя ЦИК и его заместителя, которые стояли в глубине зала и приветствовали гостей. После некоторого колебания собеседник передал мне текст на английском языке.

Я тотчас же ознакомил председателя ЦИК и его заместителя с содержанием документа. Смотрю, радостные улыбки и благодушное настроение у них исчезли. Предложил попытаться на этом приеме нейтрализовать негатив от пресс-конференции, так как многие международные наблюдатели улетают ночными рейсами. Со своей стороны пообещал также заняться этим.

До конца приема я получил от пяти международных наблюдателей письменные положительные отзывы о прошедших выборах. Столько же наблюдателей, улетающих ночью, пообещали прислать завтра мне на факс такого же характера оценки.

Наутро, придя на работу, я рассказал обо всем министру Сулейменову. В это время раздался телефонный зво-

нок по прямому проводу. Министра вызывали на совещание к президенту, и он предложил поехать вместе с ним. Когда зашли в зал заседаний, то увидели, что за большим овальным столом сидят человек тридцать, все хмурые и неприветливые. Среди них были и председатель ЦИК с заместителем. Вошел президент. От него веяло ледяным холодом, почти физически ощущалось взрывоопасное напряжение.

Сев на свое место, он сразу гневно набросился на руководителя своего аппарата, обвиняя его в том, что приглашали международных наблюдателей, но работу с ними пустили на самотек и, как результат, получили крайне неприятные оценки. Тут он заметил Сулейменова и грозно спросил, кто у него отвечает за работу с международными наблюдателями. Совершенно неожиданно взгляд президента упал на меня (я сидел рядом с министром). Я понял, что пан или пропал. Стало ясно, что руководители ЦИК первыми доложили о негативных оценках международных наблюдателей, о которых вчера от меня же и узнали, и, по всей видимости, постарались отвести от себя всю ответственность за произошедшее и возложить ее на МИД.

Я не спрашивая разрешения встал с места и начал говорить, что МИД, согласно международной практике, только направляет по своим каналам приглашения международным наблюдателям и выдает им визы, но не работает с ними, так как это всегда расценивается как попытка оказать на них влияние. Работа с ними — прерогатива ЦИК, а мы помогли только переводчиками. Кроме того, международные наблюдатели, как правило, находят недостатки в избирательном процессе даже у самых продвинутых с точки зрения демократии стран. В этом заключается их задача. В нашем случае, продолжил я, к нам прибыли сорок международных наблюдателей, из них только группа

СБСЕ в составе десяти человек выступила с негативной оценкой. Эти десять наблюдателей были только на трех избирательных участках в Алма-Ате, а Алма-Ата — это не весь Казахстан, а три участка — это даже не вся Алма-Ата. К тому же у меня есть совершенно противоположные оценки других международных наблюдателей. С этими словами я зачитал все пять полученных вчера на приеме положительных отзывов и добавил, что к обеду жду еще пять таких же отзывов. Предложил, чтобы ЦИК после обеда созвал пресс-конференцию с участием иностранных и отечественных корреспондентов и огласил эти позитивные оценки.

По мере своего выступления заметил, что настроение президента стало меняться в лучшую сторону. Когда я закончил, он поручил председателю ЦИК провести в четыре часа дня пресс-конференцию.

Хотя и было ощущение, что пронесло, тем не менее я приехал домой на обед очень расстроенным. Рассказал о произошедшем Гульсум Хабибулловне. В это время она включила телевизор. Передавали выступление президента, который как раз перечислял приведенные мной аргументы.

Произошедшее на совещании у президента еще долго угнетало меня тем, что это было откровенной «подставой», конечно, не меня лично, а руководства МИД, хотя к работе с международными наблюдателями оно не имело никакого отношения.

Данный случай послужил серьезным предостережением мне о нравах, существующих в определенных казахстанских кругах, что в дальнейшем я старался учитывать. Однако не всегда это получалось.

Как уже говорил, в августе 1993 года я был назначен заместителем министра иностранных дел. Курирование

стран Европы было передано другому заместителю, а я дополнительно к другим своим обязанностям получил еще Ближний Восток и Южную Азию. Мне и до этого время от времени приходилось подключаться к вопросам, связанным со странами этого региона, что объяснялось нехваткой кадров. Теперь же надо было вплотную и глубже вникать в проблематику нового для меня региона, известного многочисленными и длительными конфликтами. Поскольку почти все страны региона относились к исламскому миру, это придавало происходящим там процессам не только религиозно-идеологическую окраску, но и особое цивилизационное звучание. Так что забот прибавилось.

Одним из первых крупных событий на вновь полученном участке работы был визит к нам в октябре 1993 года президента Ирана Хашеми Рафсанджани.

Отношения Казахстана с Ираном складывались как добрососедские, можно сказать, даже дружеские. Иранское руководство с первых дней получения центральноазиатскими республиками независимости уделяло им повышенное внимание, не без основания полагая, что культурная и религиозная общность будут благоприятствовать налаживанию и развитию с ними сотрудничества. Не исключено, что оно усматривало в этом определенные возможности для влияния на их политику.

В руководстве Казахстана видели эти устремления Тегерана, позитивно откликались на все шаги, ведущие к установлению добрососедства и взаимопонимания. Однако довольно скоро стало ясно, что Иран вряд ли в состоянии предоставить нам инвестиции и современные технологии, в чем мы больше всего были заинтересованы. К тому же антииранская санкционная политика Запада во главе с США создавала серьезные проблемы для развития широкомасштабного сотрудничества с Ираном. Тем не

менее каспийский сосед, занимавший стратегическое положение в регионе, представлял для нас несомненный интерес как возможный транспортный коридор и рынок для нашего сырья и сельхозпродукции. Решение каспийской проблемы также было невозможно без сотрудничества с Тегераном. Так что Рафсанджани был желанным гостем, хотя возможные рамки сотрудничества имели свои пределы. Были подписаны совместные документы о транзитных перевозках, торгово-экономическом, промышленном и транспортном сотрудничестве, банковских взаиморасчетах, в сфере таможенных отношений и о взаимных поездках граждан. Особое значение имели вопросы банковских взаиморасчетов, так как в этой сфере действовали санкции в отношении ИРИ, которые серьезно затрудняли обслуживание банками двустороннего сотрудничества торгово-экономического характера.

В ходе подготовки визита Рафсанджани возникали определенные сложности при планировании протокольных мероприятий. Приходилось учитывать религиозные ограничения и требования, такие как совершение молитвы в определенное время, запрет на спиртное и т. п. Положение осложнялось тем, что гость прибыл с супругой. Протокол в таких случаях предусматривает, что супруга главы принимающей стороны уделяет внимание гостю, устраивает в ее честь специальное мероприятие, одаривает подарком. По какой-то причине предусмотренные в этой программе мероприятия оказались сорванными, что вызвало недовольство и гневную реакцию гостя, которая демонстративно отказалась принимать присланный ей подарок.

Еще больший конфуз случился при отъезде президента ИРИ на родину. Его самолет делал промежуточную посадку в Актау, где он осмотрел морской порт и встретился

с руководством области. Там же предусматривалась дозаправка самолета. И тут произошел постыдный случай, возможность которого трудно было представить. Как рассказывал мне наш посол в ИРИ, сопровождавший Рафсанджани до Актау, администрация аэропорта потребовала от командира иранского воздушного судна оплату, без чего отказалась заправлять самолет. Напоминание иранских представителей о том, что во время визита Н. Назарбаева в ИРИ иранская сторона бесплатно заправила его самолет, не возымело действия. Оскорбленный и разгневанный командир экипажа демонстративно и презрительно выбросил из окна кабины пилотов пачку американских долларов, которые разлетелись по взлетному полю, и только после этого самолет был заправлен. Нет необходимости говорить, что инцидент лег пятном на репутацию нашей страны, нанес ущерб и авторитету главы государства, чьим гостем был президент Ирана.

Этот случай показывает, что приватизация аэропортов была серьезной ошибкой. Аэропорты являются стратегическими объектами, и в интересах безопасности страны, чтобы они были в руках государства. Тем более недопустимо, когда такие стратегические объекты оказываются в руках иностранцев, как это бывает у нас. Но не только в этом дело. Нам, дипломатам, по роду службы нередко приходится сталкиваться с ситуацией, когда высокопоставленные иностранные гости без оплаты не обслуживаются в вип-залах наших аэропортов, что создает неловкие ситуации и уже на въезде в страну формирует неблагоприятное впечатление о ней. Конечно, Казахстан — не единственная страна, где существует такая практика, но мне больше импонирует, когда вип-залы обслуживают иностранных официальных лиц бесплатно и на высоком уровне, как принято, например, в Иране, Эмиратах, Китае, во многих других

странах и даже в соседнем Узбекистане. Уверен, что и в этом, казалось бы, не самом важном вопросе должны соблюдаться взаимность и паритет.

Как уже упоминалось, 90-е годы прошлого века для дипломатической службы молодого государства были временем напряженного труда на износ. Но именно для этого периода становления нашей дипломатической службы характерны многочисленные интересные поездки и встречи с международными деятелями, высокопоставленными иностранными политиками и дипломатами. Каждый из них был незаурядной личностью, оставил свой след в истории.

Я не намерен описывать здесь их биографии и деятельность, давать какие-либо характеристики. Такие сведения можно найти во всемирной паутине и в других источниках информации. Они были живыми людьми с присущими им чертами индивидуальности и оставили в моей памяти яркие впечатления от порой мимолетного, но запоминающегося общения.

Вспоминается генеральный секретарь НАТО Манфред Вёрнер²⁰, посетивший Алма-Ату в начале ноября 1992 года. Я как начальник Управления Америки и Европы участвовал во всех мероприятиях и сопровождал его. Это была не первая моя встреча с ним, так как в начале лета того же года он принимал в Брюсселе делегацию Института стратегических исследований при Президенте Казахстана, в которую входил и я. Встреча была чисто протокольной и ничем мне тогда не запомнилась.

Вёрнер прилетел в Алма-Ату с супругой, миловидной приветливой женщиной небольшого роста. Программа визита помимо переговоров предусматривала ознакомление с городом. Гость захотел посетить магазин сувениров,

²⁰ См. биографическую справку, стр. 328.

что вызвало у меня некоторое беспокойство, так как в то время выбор в наших магазинах был довольно скудным. Среди незамысловатых казахстанских сувениров внимание Вёрнера привлекла наша камча. Я тут же приобрел ее и преподнес ему в качестве подарка, при этом пояснил, что камча служит не только средством стимулирования коня всадником, но обычно висит в юрте как символ власти в семье. Конечно, в этом была некоторая натяжка, но Вёрнер воспринял такое объяснение всерьез и воскликнул, что в таком случае этот подарок должен по праву принадлежать его жене. Остроумие гостя вызвало у всех присутствующих веселый смех. Таковую же реакцию оно вызвало и у Назарбаева, когда визитер рассказал ему о полученном подарке.

Контакты с Вёрнером нашли продолжение во время первого официального визита Назарбаева в Брюссель в начале февраля следующего, 1993 года. Я возглавлял передовую группу по подготовке визита, и все организационные заботы легли на мои плечи. Их было немало, и они были достаточно сложными, так как визит носил трехсторонний характер, то есть в Бельгию и одновременно в штаб-квартиры Европейского союза и НАТО, расположенные в Брюсселе.

Серьезные трудности в ходе подготовки визита вызвало согласование всех трех составляющих визита, сведение их в единую программу. Дополнительные проблемы порождала нехватка финансовых средств, что в то время было обычным явлением. Так, у нас не хватило денег на размещение в гостинице нескольких сопровождающих делегацию лиц, а также на аренду транспорта для делегации (бельгийская сторона, согласно ее протоколу, предоставила лишь три автомашины на всю делегацию). Приходилось всячески изворачиваться для урегулирования этих унижительных для достоинства государства проблем.

Несколько номеров гостиницы согласилась оплатить одна бельгийская фирма в том случае, если я организую встречу ее руководителя с министром внешнеэкономических связей С. Ж. Абишевым, входившим в состав делегации. Сыздык Жуматаевич сначала категорически отказался встречаться и попросил меня связать его с Москвой по телефону. Денег на разговор с Москвой у меня, естественно, не было. Пришлось обратиться к Вёрнеру за помощью, и он дал указание дежурному офицеру сопроводить Абишева и меня в центр связи НАТО. Так мы оказались в расположенном под зданием штаб-квартиры НАТО подземном бункере, откуда Сыздык Жуматаевич позвонил в Москву, О. И. Сосковцу домой, что меня несказанно удивило. Подумал: неужели для оплаты нескольких гостиничных номеров казахстанскому министру нужно обращаться к Сосковцу, бывшему тогда председателем Комитета металлургов Российской Федерации? Однако Олега Ивановича дома не оказалось, и Абишеву пришлось согласиться на встречу с руководством бельгийской фирмы, которая в итоге и оплатила эти злосчастные гостиничные номера.

В решении вопроса размещения сопровождающих делегацию лиц пытался помочь и Вёрнер, который предложил «разобрать» их по квартирам сотрудников штаб-квартиры НАТО, так как выделить деньги на оплату гостиничных номеров он не мог из-за внутренних процедур альянса, согласно которым не предусмотренные бюджетом расходы требовали согласия всех 16 членов организации, которые было нереально получить в столь сжатые сроки.

Что касается идеи Вёрнера «разобрать» наших людей по квартирам, то я отклонил ее, но принял его предложение помочь с транспортом. В результате часть делегации и сопровождающих лиц передвигалась по Брюсселю на автомашинах НАТО.

Кстати, я не мог не воспользоваться возможностью позвонить в Москву из центра связи НАТО и позвонил жене (моя семья тогда все еще оставалась в Москве). Звонок вызвал у нее удивление. Еще большее изумление вызвали мои слова о том, что я звоню из штаб-квартиры НАТО, так как в недавнем советском прошлом такое невозможно было даже представить.

Вёрнер, несмотря на впечатляющую биографию и занимаемый высокий пост, держался просто, был доступным и отзывчивым, что обычно характерно для людей глубоко интеллигентных, обладающих высокой культурой общения. Таким он остался в моей памяти.

Несмотря на все трудности, визит в Брюссель прошел успешно. Состоялся обстоятельный обмен мнениями по вопросам безопасности в Европе и Азии, перспективам сотрудничества с НАТО. Было подписано Соглашение об обмене представительствами между Казахстаном и Европейским союзом.

Значительным событием для меня стало посещение Саудовской Аравии. Впервые я побывал там весной 1994 года вместе с министром иностранных дел К. Б. Саудабаевым. Визит носил ознакомительный характер, был рассчитан на установление контактов, взаимное прощупывание и оценку перспектив сотрудничества. Подписание каких-либо документов не планировалось. Программа визита предусматривала посещение кроме столицы и двух мусульманских святынь — мечети Аль-Харам с Каабой в Мекке и мечети Пророка в Медине, а также совершение Умры (малого хаджа).

После официальных встреч в Эр-Рияде полетели в Джидду, где ожидалась встреча в штаб-квартире Организации Исламской конференции (ОИК), а также в Исламском банке развития. Принимали нас тепло, чему, на мой

взгляд, способствовало и лоббирование со стороны саудовского принца Мухаммада бен Бандар бен Абдурахман аль Сауда (сын родной сестры саудовского короля), с которым у меня установились дружеские отношения (о нем я расскажу чуть позже). Это имело для нас важное значение, так как дипломатические отношения между двумя странами были только что установлены.

В целом визит прошел успешно и подтвердил наличие значительного потенциала для сотрудничества, особенно в плане привлечения в нашу экономику саудовских инвестиций, а также финансовых ресурсов Исламского банка развития, куда нам еще предстояло вступить. Этому должно было предшествовать наше полноценное членство в ОИК, что случилось позже, в декабре 1995 года, на саммите ОИК в Касабланке (Марокко), на котором, кстати, я также участвовал.

Пребывание в Саудовской Аравии воочию показало нам, каких поразительных достижений можно добиться за относительно короткое по историческим меркам время, обладая нефтяными богатствами. В пустыне, где еще 25–30 лет назад кочевые арабские племена жили в палатках и передвигались на верблюдах, выросли современные города и порты, проложены великолепные шоссе, улицы городов заполнены автомобилями престижных марок, а небо бороздят лайнеры, произведенные ведущими мировыми компаниями. Уровень жизни коренного населения был исключительно высоким. В стране не было бедных. И все это благодаря практически единственному ресурсу — нефти. Это был яркий пример того, как можно с умом распорядиться природными ресурсами.

Глубокое и сильное впечатление на меня произвело посещение двух исламских святынь и совершение обряда Умры.

Мечеть Аль-Харам удивляет своими размерами, поражает красотой и торжественностью, облицована белоснежным мрамором, что под палящим солнцем пустыни выглядит потрясающе. Она оборудована по последнему слову техники. В ее реконструкцию и расширение саудовский король как хранитель двух мусульманских святынь вложил около ста миллиардов американских долларов. Во время хаджа здесь могут одновременно молиться два миллиона паломников. Все сверкает чистотой. Гигантская площадь перед мечетью выложена красивым мрамором, просторные помещения для молений покрывают огромные ковры, везде стоят полки с многочисленными экземплярами Корана в красивых, тисненых золотом обложках. Залы, несмотря на их необъятные размеры, кондиционируются, что дает ощущение прохлады и комфорта.

Саудовцы отвели нам номера в пятизвездочном отеле на площади перед мечетью, где обычно размещают гостей короля, и уделили повышенное внимание. Это проявилось и при совершении Умры. Нашу делегацию встретили и сопровождали в мечети Аль-Харам специально выделенные люди, а также религиозная полиция. Она прокладывала нам путь в толпе паломников, и только благодаря ее стараниям мы смогли получить сравнительно легкий доступ к священному черному камню, вделанному в один из углов Каабы. Черный камень оправлен широкой полосой серебра. Оправа, как и сам камень, от прикосаний миллионов паломников поистерлась, на ней образовались углубления. Серебряная оправа, как нам объяснили, время от времени обновляется по мере истирания. Мы тоже прикоснулись к этим святыням, произнесли про себя заветные желания, обращенные к Аллаху. Я попросил у Создателя здоровья себе, членам моей семьи и родным.

После совершения Умры посетили расположенный там же источник Зам-Зам, выпили святой воды. По нашей просьбе каждому выдали по канистре воды, которую я по возвращении в Алма-Ату передал матери в Уральск вместе с белыми материями, в которые мы были облачены при совершении Умры, а также четки, приобретенные в бутиках, расположенных в подземных переходах на площади перед мечетью. Мама была довольна, приняла их с благоговением, поделилась святой водой с другими родственниками.

Посещение мечети Аль-Харам, Каабы, совершение Умры потрясли меня до глубины души. До этого я, как и многие мои сверстники, воспитанные в советском атеистическом обществе, не относил себя к религиозным людям, хотя под влиянием своей верующей матери и обращался в трудную минуту к имени Аллаха. Но посещение мечети и пребывание в Мекке всколыхнули в моей душе затаенные чувства восхищения и преклонения перед безграничным величием Создателя и его Пророка, вызвали восторженный отклик.

После посещения мечети Аль-Харам и совершения Умры думалось, что вряд ли какое-либо другое творение рук человеческих сравнится с ней по великолепию, однако мечеть Пророка в Медине произвела не менее потрясающее впечатление. Она меньше по размерам, чем мечеть Аль-Харам, но воплощает в своей красоте любовь ее строителей к Посланнику Аллаха. Внутри мечети находятся захоронения, где покоятся Пророк и его близкие соратники и последователи — два первых халифа, Омар и Абу Бакр. Мы отдали им дань уважения.

После мечети Пророка посетили расположенную в Медине типографию, где издается священный Коран. Каждому из нас подарили по экземпляру.

Несколько слов о принце Мухаммаде. Познакомил нас в один из его приездов в Казахстан на соколиную охоту известный арабист Багдад Амреев. Принц расположился лагерем недалеко от Алматы. Мы приехали к нему поздно вечером. Лагерь весь светился огнями. То там, то здесь можно было увидеть охрану из вооруженных арабов. В самой большой палатке расположился сам принц. Она была обставлена довольно богато: всюду дорогие ковры, спутниковый телевизор с большим экраном. В соседней палатке сидели на шестах с круглыми насестами пара десятков, а может, и больше соколов с надетыми на головы кожаными колпачками. Спутниковые телефоны и другое современное снаряжение, недоступное для нас в то время, и вся обстановка лагеря производили впечатление чего-то нереального. Этому способствовало и то, что принц и его люди были одеты в традиционную арабскую одежду, которая смотрелась в нашей степи довольно экзотично.

Принц пригласил нас за богато сервированный низкий стол. В палатке были Ахметжан Есимов, тогда аким Алма-тинской области, и другие чиновники областного уровня, представители полиции, охотинспекции. Словом, довольно представительная компания.

Так произошло мое знакомство с принцем Мухаммадом, с которым мы впоследствии стали друзьями. Он прилетал в Казахстан на соколиную охоту каждое лето и проводил здесь больше месяца.

Внешне Мухаммад выглядел настоящим аристократом, истинным представителем саудовской королевской семьи. Выше среднего роста, стройный и сухощавый, смуглый, с орлиным профилем и большими черными глазами, он был настоящим красавцем. Держался скромно, но с большим достоинством. В нем чувствовались благородство, вну-

тренняя сила и твердость характера, в чем я не раз имел возможность убедиться.

Мухаммад обычно прилетал на трех арендованных огромных транспортных самолетах Ил-76. В первом самолете летел он сам с соколами и приближенными, во втором было лагерное оборудование и джипы, а третий занимали охрана и прислуга. Его палаточный лагерь напоминал мини-городок со всей необходимой инфраструктурой.

Надо сказать, что вокруг визитов принца сложилась нездоровая атмосфера. В наших СМИ была поднята недружественная по отношению к нему шумная кампания с обвинениями в браконьерстве, нанесении ущерба популяции краснокнижных соколов-балабанов, чему, мол, попустительствуют коррумпированные чиновники. При этом приводились совершенно неправдоподобные цифры о количестве вывозимых принцем соколов и их «баснословной» стоимости в арабских странах.

Я обсуждал эту тему с Мухаммадом и убежден в его чистоплотности и чистоте намерений. Так, он предлагал создать фонд, который изучал бы численность популяции соколов-балабанов в Казахстане, пути их миграции и места гнездования, кормовую базу, то есть места обитания и поголовье дроф-красоток. Был готов вложить в этот фонд два миллиона американских долларов, которые использовались бы для указанных выше научных исследований, на заработную плату казахстанских ученых-орнитологов, работников охотинспекций и других природоохранных органов, приобретения для них оборудованных радиосвязью автомашин. Взамен принц просил разрешение на ежегодный отлов и вывоз тринадцати особей соколов-балабанов, которых он через несколько лет возвращал бы в Казахстан и выпускал в природу. Учитывая, что браконьеры ежегодно нелегально вывозили из Казахстана около двухсот со-

колов-балабанов, просьба Мухаммада об отлове тринадцати соколов выглядела вполне приемлемой. По его словам, именно те казахстанские чиновники природоохранных ведомств, которые связаны с браконьерами из арабских стран и способствуют их нелегальному бизнесу, больше всех кричат о якобы незаконной охоте принца в Казахстане. Арабы-браконьеры не раз предлагали ему купить соколов-балабанов, вывезенных из Казахстана. «Я знаю, кто они, их каналы вывоза птиц из Казахстана, кто из ваших чиновников помогает им за деньги, у меня есть на них целая картотека», — заявил мне Мухаммад.

Надо было видеть его лицо, когда я задал ему вполне логичный вопрос, почему он не передаст эти сведения казахстанским правоохранительным органам. «Я принц, а не стукач!» — возмущенно воскликнул он.

В один из его очередных приездов в Казахстан вопрос о соколиной охоте принца Мухаммада было решено заслушать на заседании Верховного Совета Казахстана. От Министерства иностранных дел на заседание был приглашен я как заместитель министра, курирующий страны Ближнего Востока. Я посоветовал Мухаммаду в подтверждение своих честных намерений, не дожидаясь создания фонда, приобрести радиофицированные автомашины и торжественно передать их в качестве дара казахстанским природоохранным органам. В назначенный день, направляясь на слушания в Верховном Совете, я обратил внимание на выстроившиеся на площади перед парламентом несколько рядов белых «нив» с радиоантеннами, которые принц приобрел в подарок охотинспекторам. Было около сорока машин.

На заседании Верховного Совета я рассказал о предложении Мухаммада создать специальный фонд и высказал убеждение, что со всех точек зрения Казахстану выгод-

но учреждение такого фонда, и предложил дать согласие на ежегодный отлов принцем под контролем наших природоохранных органов тринадцати соколов-балабанов. Парламент согласился с моей точкой зрения. Фонд был создан. Правда, это потребовало нескольких лет из-за различных бюрократических препон. Фонд функционирует и сегодня.

Надо сказать, что принц Мухаммад не раз помогал нам в решении различных вопросов в условиях такой специфической страны, как Саудовская Аравия.

После информации К. Саудабаева о своей поездке в Саудовскую Аравию президент дал поручение проработать организацию его визита в эту важную для интересов Казахстана страну, являющуюся признанным лидером исламского мира.

Подготовка первого визита Назарбаева в Саудовскую Аравию была поручена мне. В то время мы не имели посольства в этой стране, как и саудиты у нас. Все контакты осуществлялись через посольства стран в Москве. На две наши ноты с запросом визита главы государства ответа из Эр-Рияда долго не было. Президент уже дважды интересовался у министра сроками визита. Ситуация приобрела политическую окраску. Решили, чтобы я вылетел в Эр-Рияд и встретился с принцем Султаном, наиболее влиятельным после короля лицом в Саудии. Такой совет дал нам принц Мухаммад.

Однако на ноту о моем визите также не было ответа. Время шло и играло не в нашу пользу. Пришлось вылететь в Стамбул и предпринять резкие меры. На встрече с генеральным консулом Саудовской Аравии в Стамбуле я заявил, что если в течение двух дней не будет визы, то я возвращаюсь в Алматы, и казахстанская сторона, учитывая цель моей поездки, будет вынуждена дать факту отка-

за в визе политическую оценку. Одновременно к решению вопроса был подключен и принц Мухаммад.

Демарш возымел действие, и на следующий день я получил визу и вылетел в Джидду. При этом указание о выдаче визы, как сказал саудовский генконсул, поступило сразу из трех инстанций: из МИДа, Королевского протокола и от принца Мухаммада. Он также сообщил, что меня в Джидде встретят представители принца Султана и там же состоится встреча с ним.

Действительно, меня встретили, разместили в гостинице «Интерконтиненталь» в апартаментах для гостей принца, состоящих из девяти комнат. Предупредили, что всю ночь в гостинице будет дежурить джип с автоматчиками, и при необходимости выхода в город надо будет поставить в известность командующего ими офицера. Было непонятно, что это — почетный эскорт или почетная стража.

На следующее утро состоялась встреча с принцем Султаном в его роскошном дворце. Это был белокожий, выше среднего роста, несколько полноватый человек в традиционной арабской одежде. Принял он меня тепло и сразу, без вступления, сообщил, что визит президента состоится 25 сентября. Поинтересовался приемлемостью для казахстанской стороны этой даты. В заключение беседы посоветовал мне посетить Мекку и совершить Умру.

Поблагодарив за информацию о предлагаемой дате визита президента, я сообщил, что хотел бы посетить Эр-Рияд и получить в МИДе королевства официальную ноту о дате визита. Мое желание было продиктовано теми мытарствами, с которыми пришлось столкнуться. Принц удивился моей просьбе и вновь повторил дату визита. Было заметно, что моя неудовлетворенность устной информацией задела его. Сказал, что его люди завтра проводят меня на самолет в Эр-Рияд.

Вечером меня свозили в Мекку, где удостоили высокой чести быть на вечерней молитве и помолиться вместе с имамом мечети Аль-Харам. Он пригласил в радиорубку — небольшую комнату с микрофонами, предложил сесть на ковер рядом и повторять за ним слова молитвы. Узнав, что я их не знаю, успокоил меня, сказал, что это не так важно, важнее — искренняя вера в Аллаха. После молитвы я совершил Умру.

На следующий день, получив в Эр-Рияде официальную ноту МИДа, с чувством успешно выполненной миссии вылетел домой.

Как и было согласовано, визит президента состоялся 25 сентября. Я с передовой группой заранее прибыл в Джидду для его подготовки. После сложных и утомительных переговоров с Королевским протоколом была согласована программа визита, которая предусматривала встречу и переговоры с королем, прием в честь президента, посещение Мекки и Медины, совершение Умры.

Перед моим вылетом в Саудию президент пожелал, чтобы ему позволили войти внутрь Каабы. Такая возможность предоставляется крайне редко и в исламском мире считается жестом особого уважения. Я встретился с саудовским министром хаджа, однако он не смог решить этот вопрос, но дал совет поднять его во время встречи президента с королем. «Только он может дать разрешение войти в Каабу», — заявил саудовец.

Президент и основная делегация прилетели в Джидду ближе к середине дня. В аэропорту встречал наследный принц. Разместились в резиденции для гостей короля.

Когда я докладывал президенту программу визита, он высказал недовольство уровнем встречи в аэропорту. Я объяснил, что по королевскому протоколу монарх из-за жары лично встречает гостя только в тех случаях, когда он

прибывает после четырех часов дня, что связано с состоянием его здоровья. Чувствовалось, что мое объяснение не совсем его удовлетворило.

Поздно вечером состоялась встреча президента с королем Фахдом ибн Абдул-Азиз ибн Абдуррахман Аль Саудом. Из-за состояния его здоровья программа визита предусматривала лишь получасовую беседу, однако она продолжилась около двух часов и оказалась очень интересной. Король сказал, что саудовская земля очень скудная, на ней нет ничего, кроме песка и камня, однако Аллах в своей безграничной милости даровал народу своего Пророка несметные богатства под землей в виде нефти. «Нефть нашли годом ранее до того, как мой отец в результате десятилетней войны объединил все племена под своей рукой. Мы это тоже считаем милостью Аллаха, так как если бы это случилось годом позже, то мы перерезали бы друг друга», — объяснил он.

«Многие думают, что нефть в нашей стране принадлежит мне и моей семье. Это неверно. Нефть не создана трудом человека, является даром Аллаха, поэтому не может быть в чьей-либо собственности, а должна принадлежать всему народу. Мы долго думали над тем, как сделать так, чтобы все наши подданные получали свою долю от общего богатства, и пришли к решению при рождении каждого ребенка открыть банковский счет на его имя. К его совершеннолетию накапливается значительная сумма, которую он должен использовать для создания семьи, строительства дома и на другие благие дела. Но если он прокутит или растратит их, то должен вернуть деньги государству. Кроме того, если он захочет учиться в любом, даже самом лучшем в мире учебном заведении, то государство оплатит его учебу. Если же заболит и надо будет лечиться, пусть даже в лучшем в мире госпитале, лечение оплатит

тоже государство. Захочет заниматься сельским хозяйством — государство обеспечит его бесплатной землей, удобрениями, техникой и прочим, так как мы поощряем такое желание. Однако Аллах не создал двух людей одинаковыми, поэтому все сверх сказанного зависит от способностей каждого», — заключил король.

Далее саудовский монарх сказал, что американцы и англичане, пользуясь отсутствием у арабов знаний и опыта, обманывали их и заполучили за бесценок их нефтяные богатства, присвоили львиную долю доходов от нефти. «Со временем, — продолжал он, — мы отправили своих детей учиться к ним, а месторождения постепенно выкупили, правда, в десятки раз дороже, и таким образом вернули их в руки государства. Сейчас ими управляют наши дети. Там и сейчас работают американцы и англичане, но только в качестве наемных специалистов», — подчеркнул король.

«Вы — братский мусульманский народ, у вас очень богатая страна, — заявил Фахд. — Чтобы вы не повторяли наших ошибок, я готов направить наших специалистов, которые помогут избежать их и поделятся с вами опытом», — предложил он.

Слова короля произвели на меня глубокое впечатление своей мудростью.

В конце беседы президент, как и советовал министр хаджа, напомнил о своем желании войти внутрь Каабы, и король дал указание присутствовавшему министру, чтобы тот обеспечил такую возможность для гостя. В заключение встречи король подарил президенту очень красивые бирюзовые четки, которые все время держал в руках, и попросил никому их не передаривать, а хранить как память об этой встрече.

Король пошел провожать президента к машине, что вызвало у многочисленных шейхов, собравшихся во двор-

це, изумленные перешептывания. Они говорили, что Его Величество никогда не провожает гостя к машине, это — особая честь. Король, довольно рослый и грузный человек, шел тяжело, опираясь на плечо Назарбаева, который убедился в наличии у него серьезных проблем со здоровьем и примирился с тем, что тот не встречал его в аэропорту, а прием давался наследным принцем.

В ходе подготовки этого визита у меня была еще одна встреча, с принцем Султаном, заместителем премьер-министра и министром обороны (премьер-министром является сам король). Его политический вес определялся не только должностным положением, но и тем, что принц был единственным единоутробным братом короля, родившимся от общих отца и матери, в отличие от наследного принца, бывшего королю лишь сводным братом по матери.

С учетом степени влияния принца, мы хотели организовать с ним отдельную встречу президента, но имелось деликатное обстоятельство: по официальной иерархии вторым после короля лицом являлся наследный принц Абдалла, поэтому официальный запрос об отдельной встрече с принцем Султаном в обход наследного принца мог вызвать у саудовской стороны нежелательные вопросы. Тогда мы, опять по совету принца Мухаммада, решили преподнести в подарок принцу Султану, страстному любителю соколиной охоты, трех соколов-балабанов и использовать их вручение для того, чтобы договориться с ним об отдельной встрече. Я с соколами и сопровождавшим их нашим соколятником полетел из Джидды в Эр-Рияд.

В самолете произошел интересный случай. Летели мы ночью. Соколы сидели на насестах, а соколятник, уставший с дороги, дремал в соседнем кресле, я сидел в другом ряду. Вдруг ко мне подошли мальчик-араб лет десяти с

мужчиной, его воспитателем. Мальчик спросил, я ли хозяин соколов и как их зовут. Ответил, что везу их в подарок принцу Султану, который, видимо, и даст им имена. Тут вмешался мужчина и сказал, что мальчик является сыном принца Султана. Мальчик уверенно заявил, что сам даст имена соколам, и спросил, который из них самый лучший. Я сказал, что надо спросить у специалиста-соколятника. Мальчик повелительным тоном потребовал, чтобы я разбудил соколятника. Проснувшись, тот заверил, что все птицы хороши, и указал на лучшего сокола.

Прибыли в Эр-Рияд ночью. Выяснилось, что принц Султан не в городе, а на «даче», как выразился встречавший нас его представитель. Поехали на «дачу».

Ехали довольно долго. Вдруг в темноте возник вооруженный пост, и сопровождающий сообщил, что мы въезжаем во владения принца Султана. После этого ехали еще около сорока минут. Впереди показались огни, и мы въехали на охраняемую территорию, где в свете прожекторов виднелось несколько зданий дворцового типа. «Ничего себе — дача», — подумал я.

Меня отвели в огромную палатку. Везде лежали персидские ковры, в торце палатки стоял телевизор с экраном во всю стену. Вошел принц Султан в сопровождении нескольких человек, перед ним несли наших соколов. Принц поблагодарил за птиц и, что удивительно, указал как лучшего сокола ту же птицу, про которую сказал и наш соколятник.

Во время беседы я проинформировал принца, что в программе президента есть «окно». Он сразу понял намек и пообещал, что воспользуется этим и встретится с ним отдельно, что впоследствии и сделал.

Необычным было посещение Каабы президентом. Повезли его с супругой Сарой Алпысовной и младшей до-

черью для совершения Умры в мечеть Аль-Харам ночью, когда не так много паломников. Когда он собрался войти внутрь Каабы, сопровождавшие также собрались войти вместе с ним, даже телохранитель захотел войти, ссылаясь на служебную инструкцию, которая обязывает его повсюду сопровождать охраняемое лицо. Тут в ситуацию вмешался Багдад Амреев, который сказал: «Нурсултан Абишевич, будет правильным, если вы станете единственным казахом, кто впервые вошел внутрь Каабы, считающейся Домом Аллаха». Президент на секунду задумался, велел всем оставаться и один вошел внутрь.

Рассказываю об этих деталях первого визита президента в Саудовскую Аравию потому, что все в этой закрытой стране было необычным и интересным, отложилось в памяти ярко и отчетливо. Королевство играет особую роль в исламском мире. Как сообщил король в беседе с президентом, они считают нефтяные богатства страны даром Аллаха всему исламскому миру, поэтому оказали мусульманским странам безвозмездную помощь в размере более ста миллиардов долларов США.

Нет нужды говорить, что визит был весьма успешным. Состоялся первый личный контакт и доверительный обмен мнениями между лидерами двух мусульманских народов, был подписан всеобъемлющий документ — «Генеральное соглашение о сотрудничестве в торгово-экономической, инвестиционной, технической и культурной областях, а также в области спорта и по делам молодежи», достигнута договоренность о скором взаимном открытии посольств.

Этот визит во многом predetermined наши дружеские отношения и плодотворное сотрудничество со всеми арабскими монархиями Персидского залива, которые рассматривают королевский Дом саудитов как своих старших братьев.

Хочу сказать несколько слов о высококвалифицированной и эффективной работе Багдада Амреева в качестве эксперта и переводчика. Именно его профессионализм, проявленный в ходе подготовки и проведения визита, послужил основанием для назначения его первым послом Казахстана в Саудовской Аравии, причем с уровня начальника Управления Ближнего Востока и Африки, чего не было до этого в казахстанском МИДе: послами в основном становились политические назначенцы — министры, акимы. С оказанным ему высоким доверием Багдад справился успешно.

На Ближнем Востоке помимо многочисленных арабских государств располагается и их исторический антипод — Израиль. Несмотря на малые размеры, он во многом оказывает решающее влияние на положение дел в регионе. Поистине «маленький, да удаленький».

Мне приходилось бывать там с семьей, посетить уникальные исторические и религиозные памятники всемирного значения. Будучи колыбелью трех великих мировых религий — иудаизма, христианства и ислама, — Израиль привлекает поток паломников и туристов, который не прерывается даже в периоды острой напряженности в регионе.

Жемчужиной Израиля является, конечно, Иерусалим. Говоря так, я нисколько не ставлю под сомнение законные права Палестины в отношении этого города, а лишь констатирую факт. Каждый камень в Иерусалиме дышит историей, оставляет ощущение спокойствия, величия и святости. Мне рассказывали, что в небе над Иерусалимом никогда не бывает туч и на город никогда не выпадают осадки. Не знаю, насколько это соответствует действительности, но за время нашего десятидневного пребывания здесь было неизменно ясно и солнечно.

Не буду рассказывать о Храмовой горе, Стене плача, Храме гроба Господня, Голгофе, третьей мусульманской святыне — мечети Купола скалы, откуда Пророк вознесся на небеса и встретился с Аллахом и где хранятся отпечаток его стопы и прядь волос, — об этих и других святынях и достопримечательностях можно подробно прочитать в многочисленных путеводителях для туристов.

В памяти сохранились отдельные необычные моменты. Мы въехали в Израиль из Иордании на машине, так как прилетели в Амман из Тегерана. Для этой поездки нам пришлось оформить новые дипломатические паспорта, так как с паспортами, в которых стоят иранские отметки, в Израиль не впускают. Уже при переходе границы на въезде в Израиль нам показалось удивительным то, что на израильском посту пропуска, в отличие от иорданского, не было ни одной мухи (мы въезжали через иордано-израильскую границу). Только что на иорданском посту, расположенном менее чем в ста метрах, нас одолевали тучи жужжащих назойливых мух, и вдруг раз — и ни одной мухи! Кроме того, по пути следования на возвышенных местах можно было увидеть бетонные огневые точки с пулеметами и солдатами — напоминание о состоянии перманентного военно-политического конфликта еврейского государства со своими арабскими соседями.

Насыщенными впечатлениями от посещения Израиля мы во многом обязаны нашему послу Бирганым Сариевне Айтимовой²¹, любезно предоставившей нам свою резиденцию, а также приставившей к нам высококвалифицированного экскурсовода из числа выходцев из Советского Союза. Эта молодая еврейка из Ленинграда в остроумной и в то же время доходчивой форме рассказала много инте-

²¹ См. биографическую справку, стр. 329.

ресных деталей, обогативших наше знакомство с достопримечательностями.

Вспоминаю, как она привела нас к мечети Купола скалы и заявила, что дальше, в саму мечеть, мы пойдем без нее, так как в нее пускают только мусульман. Предупредила, что внутри мечети, в отличие от ранее осмотренных нами христианских храмов, не разрешается фотографировать, но добавила, что если дать мзду, то можно. Мы последовали ее совету, благодаря чему заполучили снимки места, откуда Пророк Мухаммад взлетел на небо, и отпечатка его стопы.

Посетили большинство туристических объектов: святые места Иерусалима, Вифлеем, место крещения Христа в реке Иордан, где и мы окунули ноги в его воды, Хайфу, находящиеся там Пещеру Ильи Пророка и храм приверженцев религии Бахаи на горе Кармель, к которому поднимаешься через прекрасные висячие сады на восемнадцати террасах. Побывали на Мертвом море и купались в его соленых водах. Отдохнули несколько дней в Эйлате на Красном море, в который ездили из Тель-Авива на машине. Шоссе проложено по пустыне. Сильное впечатление осталось от израильских истребителей, которые с ревом неожиданно взмывали в небо из-за расположенных вдоль дороги каменистых сопок. В Эйлате посетили один из лучших в мире океанариумов, а также морской дельфинарий, где купались вместе с дельфинами.

Запомнилось общение с израильтянами, особенно в гостях у Героя Израиля Моше Леви.

В один из дней Бирганым Сариевна предложила мне пойти вместе с ней на празднование тридцатилетия семейной жизни одного из героев Израиля. Пояснила, что это единственный живой Герой, оставшийся из десяти удостоенных этого звания.

Хозяин праздника был человеком веселым и очень общительным. У него не было одной руки — он потерял ее в арабо-израильской войне. Среди гостей было много военных, в том числе начальник Генерального штаба Армии обороны Израиля (в то время им был Б. Нетаньяху, ставший впоследствии премьер-министром), руководители «Моссада» и военной разведки и др. Царила непринужденная и демократичная атмосфера, было весело и интересно. Через некоторое время уже подогретые выпивкой гости захотели петь, и кто-то предложил: «Давайте споем наши песни!» — и все дружно запели советские песни. Тут я не выдержал и воскликнул: «Как? Это же не ваши, а наши песни!» Завязался оживленный разговор. Израильтяне объяснили, что когда образовалось Государство Израиль, сюда со всего мира стали стекаться евреи. Была создана армия, но поскольку ее личный состав формировался из выходцев из разных стран, то был необходим единый язык общения, и им на первых порах стал русский, так как большинство были выходцами из Советского Союза. «Так советские песни стали “нашими”», — заключили мои собеседники. Пение советских песен продолжилось, и я с удовольствием подключился к этому приятному занятию.

Этот эпизод напомнил мне встречу с Шимоном Пересом²², тогда министром иностранных дел. Перес посетил Казахстан с официальным визитом в августе 1995 года. Прилетел он с немногочисленной командой на реактивном «фалконе». Я, как курирующий Ближний Восток заместитель министра, встречал его в аэропорту и сопровождал на протяжении всего визита.

Перес был авторитетным политиком, идеологом мира на Ближнем Востоке, год назад, в 1994 году, удостоен Нобелевской премии мира. Выходец из местечковой еврей-

²² См. биографическую справку, стр. 331.

ской семьи в белорусской глубинке, Перес прослыл вечным неудачником, но этот «неудачник» создал военную промышленность Израиля, стал «отцом» его атомной бомбы, побывал почти на всех министерских постах, дважды был премьер-министром и завершил карьеру президентом Израиля. Прекрасный поэт и автор многих книг. Его многогранная личность вызывала острый интерес, и он не обманул наших ожиданий.

Впечатляющим было его выступление в нашей Академии наук. Надо отметить, что Перес был и, насколько мне известно, остается единственным высокопоставленным политиком, который попросил включить в программу своего визита встречу с научными кругами, что говорит о широком диапазоне его интересов.

Выступление Переса было очень колоритным. Он начал с того, что после 30-летнего отсутствия каких-либо контактов между Израилем и Советским Союзом наконец при Горбачёве восстановлены дипломатические отношения. Первой сделкой между двумя государствами стало соглашение о поставках в СССР 300 еврейских коров. Это были высокопродуктивные коровы молочной породы, для них в Московской области построили специальную ферму. Время идет, однако коровы не дают столько молока, сколько давали в Израиле. Не могут понять, в чем дело. Пригласили израильских специалистов и выяснили, что причина — не в еврейских коровах, а в советской системе.

Далее гость образно и остроумно говорил о ресурсах и об экономическом потенциале Израиля. В частности, говоря о ресурсах, он привел неожиданные и запоминающиеся сравнения. В Советском Союзе было около трех миллионов рек, а в Израиле — всего одна, которую он делит с Иорданией. «К тому же в ней течет больше истории, чем воды», — сказал он. Если в Советском Союзе было четыр-

надцать морей, то в Израиле — всего одно, да и оно мертвое. Продолжая сравнительное перечисление ресурсов, Перес сделал неожиданное и не очень приятное для нас заключение: богатые природные ресурсы (казахстанские представители в беседах с иностранцами любили говорить, что у нас в промышленных масштабах представлена почти вся таблица Менделеева) не являются гарантией успеха. Более того, они могут служить тормозом для экономического развития, и привел в пример «голландскую болезнь». «В современных условиях главным и решающим ресурсом является интеллектуальный», — заявил Перес. Он привел в пример Израиль, большую часть экспорта которого составляют продукты интеллектуального труда в виде продвинутых передовых технологий.

Остроумие Переса, его умение одной фразой сказать о целом явлении проявилось и в его ответе на мой вопрос. Я сослался на свой разговор с послом США в Казахстане Э. Джонс, которая на мои сетования о трудности переговоров с иранцами заявила, что труднее всего вести переговоры с израильтянами, и пояснила, что в Вашингтоне почти каждый день находится какая-то делегация из Израиля, и сотрудники соответствующего подразделения государственного департамента постоянно «стоят на ушах», так как испытывают ужас от перспективы вести изнурительные переговоры с израильтянами. Я поинтересовался, правда ли это. Перес после небольшой паузы ответил: «Да, это правда. Трудно вести переговоры с самим собой». Эта парадоксальная фраза говорит о многом, и прежде всего о том сильном влиянии, какое оказывает еврейское лобби на формирование ближневосточной политики США.

Как уже говорил, мне довелось сопровождать Переса во время визита, что давало возможность для неформального общения и бесед. Его живо интересовало положение

евреев в Казахстане. Он поинтересовался о численности евреев у нас, и я ответил, что в последние годы советского периода их насчитывалось около десяти тысяч. «После распада Советского Союза многие выехали из страны: одни в Израиль, другие — в страны Запада и в США. Сейчас их численность составляет около тридцати тысяч»²³. Перес очень удивился и изумленно спросил: «Как так получается? Было десять тысяч, многие уехали — и стало тридцать?» Я пояснил, что в советское время евреи предпочитали скрывать свою национальность, выдавали себя за представителей других народов. В современном Казахстане они не боятся признавать свою принадлежность к евреям, и этим объясняются такие парадоксальные цифры. Перес удовлетворенно сказал, что везде будет рассказывать о благополучном положении евреев в Казахстане и в доказательство приводить эти данные.

Как-то в беседе с министром К. К. Токаевым гость высказал пожелание пообщаться с казахстанской молодежью и попросил дать возможность посетить популярное место их тусовок. Было довольно поздно, но он проявил настойчивость. Пришлось повезти его в сквер, где стоит бюст Д. А. Кунаева и где, по словам наших молодых сотрудников, по вечерам собирается алматинская молодежь.

На этом дело не закончилось. После общения с молодежью Перес предложил пройтись пешком до гостиницы «Рахат Палас», где остановилась его делегация. В то время экономическое положение страны было тяжелым, из-за нехватки электроэнергии Алматы по ночам не освещался. Было уже темно, и мы стали отговаривать гостя от идеи пешей прогулки, ссылаясь на то, что до гостиницы не менее семи километров. Однако он вновь проявил настойчи-

²³ Эти цифры не являются статистическими данными и использованы лишь для иллюстрации тенденции.

вость, и мы втроем — Перес, Токаев и я — пошли. Впереди ехала машина с включенными фарами, спереди и сзади шли весьма обеспокоенные сотрудники охраны.

Всю дорогу до гостиницы, все семь километров, Перес прошел в хорошем темпе, так что мы с трудом поспевали за ним. А ведь ему было уже 72 года, а мы были гораздо моложе его (Токаев на тридцать лет, а я — на девятнадцать). Уже прощаясь с гостем у лифта, с трудом переводя дыхание, я в шутку заметил, что после такого маршброска становится понятным, какую роль в израильской делегации выполняет молодая девушка, чья должность не указана в протокольном списке. Перес подхватил шутку и ответил: «Правильно думаешь!»

Каждый, кто общался с Пересом, обращал внимание на его демократизм. Несмотря на высокое положение и всемирную известность, он оставался простым в общении, начисто лишенным высокомерия и снобизма. Его сотрудники обращались к нему Шима, вели себя в его присутствии естественно и непринужденно. Сам он мог легко переходить с английского языка на русский, которым владел довольно неплохо, не чурался выпить водочки, к которой был неравнодушен, и даже просил налить чарку-другую.

Прошло уже много лет, но и сейчас я вспоминаю моменты недолгого общения с этим поистине великим человеком, который более семидесяти лет находился в политике и оставил яркий след в истории не только своей страны, но и в мировой истории. Поистине, чем ярче звезда, тем дальше светит.

В моей памяти оставила след встреча и с таким крупным политиком, как президент Азербайджана Гейдар Алиевич Алиев. Это произошло в октябре 1996 года в Баку. Я приехал по каспийским делам. Президент поручил встре-

титься с Алиевым и прояснить истинную позицию Баку по проблеме правового статуса Каспия и договориться о согласовании наших позиций. Дело в том, что на многосторонних переговорах азербайджанские представители зачастую вели себя непредсказуемо, меняли подходы. Несмотря на объективное совпадение наших интересов, они порой выступали вразрез с нашей позицией и даже подрывали ее. Необходимо было внести ясность, является ли это тактической линией или за этим кроются какие-то неведомые нам цели.

Моя поездка совпала с празднованием нашего Дня Республики, и по этому случаю посол Казахстана в Азербайджане, мой давний друг Ибрагим Ажеевич Амангалиев устроил прием во дворце «Гюлистан», в лучшем зале Баку. Он сообщил, что Алиев будет на приеме и там же состоится моя встреча с ним. Ибрагим Ажеевич пользовался большим авторитетом в политических кругах Азербайджана, свидетельством чего было и то, что он смог быстро договориться с азербайджанской стороной о встрече, что, в общем-то, непростая задача для любого посла.

Через относительно небольшой промежуток времени, после короткого поздравительного выступления Гейдара Алиевича, мне сообщили, что он ждет меня в отдельной комнате. Я вошел и поздоровался, передал привет от Н. А. Назарбаева и сообщил о цели своего приезда в Баку и состоявшихся беседах в МИДе Азербайджана. В комнате стоял накрытый стол, за который меня пригласили сесть. Видя, что я не притрагиваюсь к блюдам, Гейдар Алиевич сказал: «Я уже давно не ужинаю, поэтому не обращайтесь на меня внимания и угощайтесь».

Выслушав мою информацию и наше предложение о согласовании позиций по Каспию, Гейдар Алиевич подчеркнул близость подходов Казахстана и Азербайджана,

которые выступают за секторальный раздел моря между прибрежными государствами. Отметил, что азербайджанский подход более радикальный, и высказался за то, чтобы и мы и они продолжали продвигать свои варианты раздела моря. Заверил, что мы можем быть уверены в том, что если по ходу переговоров казахстанская позиция окажется более «проходной», то Баку поддержит ее и будет действовать с нами заодно. Забегая вперед, скажу, что Азербайджан занял во многом близкую нам позицию. После радикального изменения позиции России и ее присоединения к нам это способствовало решению проблемы правового статуса Каспия на приемлемых для нас условиях.

Эти заверения были очень важными, и я посчитал свою миссию в целом выполненной, хотя мы предпочли бы на всех этапах переговоров выступать с Баку с единых и заранее согласованных позиций.

Гейдар Алиевич говорил спокойно и взвешенно. Чувствовалось, что он привык к тому, что к его словам прислушиваются очень внимательно и уважительно. Держался просто, не акцентировал внимание на своем высоком положении. Был ровным и в обращении с подчиненными. В то же время его личность окружала какая-то аура, которую я назвал бы аурой незаурядности и даже осознанного величия. Это подчеркивалось исключительно уважительным отношением к нему, даже преклонением, которое исходило от окружения. Такое почитание, на мой взгляд, было оправданным признанием выдающихся заслуг Гейдара Алиевича, который, придя к руководству Азербайджана в критический момент его истории, смог стабилизировать ситуацию и мобилизовать созидательные силы нации на развитие страны.

В качестве заместителя министра иностранных дел мне приходилось встречаться и с известными американскими

сенаторами Ричардом Лугаром и Сэмюэлем Нанном, соавторами программы «Нанн — Лугар», направленной на ликвидацию ядерного оружия. Эта программа сыграла важную роль в обретении Казахстаном статуса безъядерного государства. Приходилось видеть и Генерального секретаря ООН Бутроса Бутрос-Гали, о посещении личной резиденции которого в Нью-Йорке рассказывает в своей интересной и содержательной книге «Свет и тень» К. К. Токаев. Я входил в состав возглавляемой им делегации и находился с ним во время посещения резиденции. Помню, как мы с большим интересом рассматривали богатую коллекцию необычных письменных принадлежностей, которую хозяин демонстрировал нам с нескрываемым удовольствием и гордостью.

Иран

С иранской проблематикой я непосредственно столкнулся в октябре 1993 года, в ходе подготовки официального визита в Казахстан президента Исламской Республики Иран Хашеми Рафсанджани, о чем уже рассказывал.

Свое предложение мне поехать послом в Иран президент Н. А. Назарбаев мотивировал тем, что меня хорошо знают в Иране по переговорам по каспийской проблеме и назначение туда послом с поста заместителя министра иностранных дел будет воспринято в Тегеране положительно, подчеркнет важное значение, которое мы придаем отношениям с этой крупной региональной державой.

Сознавая, какое мне оказано высокое доверие, я тут же дал согласие и наряду с выполнением своих повседневных обязанностей начал постепенно готовиться к выезду в Иран. 7 ноября 1996 года был опубликован указ о моем назначении, и этот факт стал достоянием общест-венности.

Вскоре я получил от первого заместителя министра иностранных дел Ирана Махмуда Ваэзи приглашение посетить Иран с супругой в качестве его личного гостя. Я понимал, что этим приглашением иранская сторона демонстрирует позитивное отношение к моему назначению и свое дружеское расположение ко мне.

Ваэзи я хорошо знал, так как не один год тесно общался с ним в ходе переговорного процесса по правовому статусу Каспия. Он возглавлял иранскую делегацию и был основным переговорщиком по этой проблеме со стороны Ирана. Были и многочисленные неформальные контакты, которые давали возможность хорошо изучить друг друга и наладить дружеские отношения, конечно, в определенных рамках, учитывая наше с ним служебное положение.

Надо сказать, что Ваэзи — опытный и искусный переговорщик, не любящий многословия, чем страдают некоторые наши партнеры. Умеет быть убедительным, тактично и настойчиво проводить свою линию на переговорах. В то же время он не боится взять на себя ответственность ради достижения компромисса. Хорошо владеет английским, имеет большой переговорный опыт, что делает его одной из центральных фигур на многосторонних переговорах, где сталкиваются различные подходы, и в этом многообразии взглядов надо цепко и последовательно добиваться своих целей, что у него получается неплохо. Одним словом, это хорошо подготовленный профессионал, с которым приятно работать. Он не позволяет деловым разногласиям переходить на личные отношения, которые его стараниями всегда остаются уважительными. Близок к семье президента Х. Рафсанджани (супруга Ваэзи — давняя подруга его дочери). Неудивительно, что личные и деловые качества Ваэзи высоко ценятся в руководящих кругах ИРИ, и он со временем стал министром коммуникации, а в настоящее время, при президенте Рухани, возглавляет его администрацию и сам обрел нешуточное влияние в Иране.

Посещение Ирана по приглашению Ваэзи показало, что плюс ко всем своим достоинствам он оказался и гостеприимным хозяином.

Программа нашей с Гульсум Хабибуллоевой поездки была составлена таким образом, чтобы мы имели возможность за короткое время ознакомиться не только с Тегераном, но и с одним из красивейших регионов Ирана — его каспийским побережьем, а также курортным островом Киш в Персидском заливе. Оставалось время и на посещение нашего посольства и знакомство с его коллективом, что в свете предстоящей в скором времени совместной работы представляло для нас с супругой особый интерес.

На каспийское побережье можно было, конечно, в целях экономии времени полететь на самолете, но мы поехали на машине. По дороге поняли, что это было сделано специально, чтобы дать нам возможность получить больше впечатлений. Действительно, это была запоминающаяся поездка.

Дорога пролегает через горы Альборз и соединяет Тегеран с курортным городком Чалус на южном побережье Каспийского моря. Как нам рассказали, она была построена еще в царское время русскими инженерами и иранскими рабочими. Дорога петляет и извивается серпантином, словно гигантская змея. Ее своеобразная красота вызвала у нас чувство восхищения, поразила масштабами трудностей, которые преодолели ее строители, возводя это чудо человеческого труда и упорства. Огромные самосвалы, едущие вниз, казались муравьями. Самая верхняя точка дороги проходила через перевал на высоте более двух с половиной километров над уровнем моря. Проехали более десятка тоннелей, пробитых через скалы, в том числе тоннель протяженностью почти два километра. Безжизненная пустота склонов гор своим суровым видом контрастировала с нашими Алатау, круглый год радующими глаз зеленью тянь-шаньских елей и сосен.

Езда по этой дороге оказалась немалым испытанием для нервов. Наш водитель вытворял чудеса, избегая столкновения с идущими навстречу грузовиками. Казалось, что столкновение неизбежно, но он, идя на солидной скорости, умудрялся вывернуть руль, разминуться и не слететь в зияющую пропасть. Нам с Гульсум Хабибулловой приходилось стиснув зубы не выдавать своего ужаса и стараться сохранять достоинство.

Наконец, через пару часов достигли перевала и остановились отдохнуть и размяться. Перед нами открылась

потрясающая панорама пропадающих в тумане заснеженных гор. Дул сильный пронизывающий ветер. Мы начали спуск в сторону Каспия. Он был более приятным, чем подъем. Уже не мы, а поднимающиеся на перевал машины уворачивались от нашего лихого водителя. Да и пейзаж вокруг резко изменился к лучшему, начались густые леса. Чем ниже мы спускались, тем больше было буйство зелени — настоящие субтропики. Нагоняемые с Каспия тучи задерживаются о вершины Альборза и выпадают обильными осадками на обращенные к морю северные склоны гор, что и создало такие благоприятные природные условия.

В Чалусе мы пробыли пару дней, осмотрели достопримечательности. Городок оказался очень зеленым, со множеством парков и скверов, в которых растут цитрусовые и другие диковинные для нас субтропические плодовые деревья. Туристов и отдыхающих почти не было, что объяснялось курортным межсезоньем.

Кстати, такую же картину мы увидели в одном из туристических центров Ирана — на острове Киш, куда слетали вместе с нашим послом Жолдасбековым и его супругой. Отдыхающие в основном были иранцами, иностранных туристов почти не было, а если они изредка и встречались, то опять-таки были иранцами, но только зарубежными. Подумалось, что специфика исламского режима и накладываемые им ограничения не способствуют развитию иностранного туризма, хотя природные условия, развитая инфраструктура, да и довольно низкие цены, казалось бы, должны привлекать туристов.

По возвращении в Тегеран посетили наше посольство. Оно занимало красивое новое трехэтажное здание в престижном районе огромного Тегерана.

Мырзатай Жолдасбекович и его супруга, Мария Гиззатовна, уделили нам большое внимание и оказали теплое

гостеприимство. Весьма ценными были характеристики сотрудникам посольства из уст человека с таким богатым жизненным опытом. Интересными и полезными оказались его наблюдения и впечатления о некоторых иранских деятелях, особенностях политической жизни Тегерана и обстановки в дипломатическом корпусе, о местной протокольной практике. Его советы имели для моей предстоящей работы большую ценность и пригодились в будущем.

В январе 1997 года мы с Гульсум Хабибулловой прибыли в Тегеран уже на постоянную работу. Через несколько дней после приезда вручил верительные грамоты президенту ИРИ Х. Рафсанджани в его резиденции. Это важное событие, означавшее мое официальное вступление в должность и начало посольской работы, состоялось в рабочем кабинете иранского президента и прошло довольно обыденно. Меня сопровождал советник посольства Асхат Оразбай, выполнявший роль переводчика. С иранской стороны присутствовали Ваэзи и шеф Президентского протокола, а также переводчик. После вручения верительной грамоты, в которой наш президент просил своего иранского коллегу доверять моим словам как сказанным им самим, состоялась протокольная беседа. Я заверил хозяина кабинета, что в меру своих сил буду содействовать всемерному укреплению и развитию дружеских отношений и всестороннего сотрудничества между Казахстаном и Ираном.

Начались посольские будни, которые продлились более трех лет, насыщенных событиями, большими и малыми заботами.

Знакомство со страной началось в столице. Тегеран раскинулся на холмах и занимает довольно большую площадь. С высоты птичьего полета производит впечатление города, в котором доминирует серый цвет. То там, то здесь, словно клыки, торчат высотные здания. Население насчи-

тывало тогда более семи миллионов человек. Город страдал от смога, создаваемого главным образом выхлопными газами сотен тысяч автомашин. Престижными считаются наиболее экологически благополучные районы в предгорьях — там мы и арендовали под резиденцию довольно комфортабельную виллу с бассейном. В целом Тегеран, на мой взгляд, наименее интересный с точки зрения туристических достопримечательностей иранский город.

Первые протокольные визиты иранским министрам и другим высокопоставленным лицам показали, что я являюсь для иранской стороны желанным послом. Любые двери были открыты, все запрашиваемые встречи организовывались быстро и деловито. Это, как я узнал впоследствии, нехарактерно для иранцев, пунктуальность и обязательность, как оказалось, не относятся к их лучшим чертам характера. Больше превалирует выражение «иншалла», то есть «если Бог даст», служащее им хорошей отговоркой, которую они используют для оправдания всего и вся.

Параллельно с установлением контактов с иранской стороной проходили знакомства с послами и других стран, что, учитывая большое количество посольств, заняло почти полгода. Наиболее тесные и регулярные контакты по старой дружбе поддерживал с Ваэзи, который оказывал мне неоценимую услугу, помогая открывать, образно говоря, нужные двери, за что я ему весьма благодарен.

При необходимости встречался и с министром иностранных дел Али Акбаром Велаяти²⁴. Это был опытный дипломат, более шестнадцати лет возглавлявший внешнеполитическое ведомство Ирана. На его долю пришлась кровопролитная восьмилетняя ирано-иракская война, в которой Иран потерял почти полмиллиона человек убитыми

²⁴ См. биографическую справку, стр. 332.

и пропавшими без вести. Под его руководством иранская дипломатия противостояла, и безуспешно, политике международной изоляции, проводимой Западом во главе с США. Он был и плодовитым писателем, из-под пера которого вышли 35 книг.

Я был знаком с Велаяти и до приезда в Тегеран, встречался неоднократно в качестве заместителя министра иностранных дел, в сферу ответственности которого входили и отношения Казахстана с Ираном. Уже в Тегеране он несколько раз давал мне аудиенции, что по каким-то неизвестным каналам сразу же становилось известно в дипломатическом корпусе и способствовало росту моего престижа среди иностранных послов. Обсуждались в основном вопросы двусторонних отношений, затрагивалась и международная проблематика. Были и неформальные беседы.

Как-то Велаяти спросил меня, помню ли я один из его визитов в Алматы. Я хорошо помнил тот его приезд и встречу с президентом Назарбаевым. «После Алматы я посетил Ташкент, где также встретился с президентом И. Г. Каримовым, — продолжил Велаяти. — Узбекский лидер, узнав, откуда я прилетел, почему-то вспыхнул и заявил, что иранцы, если хотят иметь дело с Узбекистаном, должны прилетать к ним напрямую, а не из Алматы. Что означает такая ревность? Я не слышал ничего подобного от вашего президента».

Я был поражен и ответил, что не нахожу такой вспышке Каримова разумного объяснения. Про себя подумал, что наш лидер никогда не опускался до таких высказываний, хотя для меня не было секретом, что определенное негласное соперничество между двумя ведущими странами Центральной Азии действительно существует.

Как уже отмечал ранее, Иран для нас был потенциальной транзитной территорией для выхода на мировые рын-

ки. С этой точки зрения он имел для нас стратегическое значение как транспортный коридор. Особенно это было важно для экспорта нефти, так как в этом вопросе мы были полностью зависимы от транзита через Россию. Однако проекты нефтепроводов через Иран блокировались американцами. В этих условиях, незадолго до моего прибытия в Тегеран, между Казахстаном и Ираном была начата операция SWAP по обмену нефтью. Схема предусматривала поставки по Каспийскому морю танкерами нашей нефти в иранский порт Энзели, оттуда — по иранскому внутреннему трубопроводу на нефтеперерабатывающий завод в Табризе. Иран, со своей стороны, отгружал нашим клиентам свою нефть из терминалов в Персидском заливе.

Такая операция не подпадала под санкции США и была выгодна обеим сторонам. Она открывала для нас новое направление для экспорта нефти, а иранцы получали возможность загрузить НПЗ в Табризе нашей нефтью вместо ее дорогостоящей транспортировки из месторождений на юге страны.

Под эту договоренность о SWAP иранцы построили на Каспии терминал для приема казахстанской нефти, а также провели реконструкцию своего НПЗ в Табризе, с тем чтобы адаптировать его к переработке нашей нефти. К моему приезду в Тегеран мы уже поставили в Иран более семидесяти тысяч тонн нефти, а наши клиенты получили соответствующие объемы иранской нефти с терминалов в Персидском заливе.

И вдруг поставки нефти по Каспию остановились. В этой связи меня пригласил президент Рафсанджани. Он заинтересовался причинами остановки поставок по SWAP. Я ответил, что, по словам нашего министра нефти, операция по обмену оказалась невыгодной для казахстанской стороны. Улыбнувшись, президент Ирана спросил, как давно

я занимаюсь нефтью. Я пояснил, что только в связи с назначением послом в Иран. Рафсанджани заметил, что он, в отличие от меня, занимается проблемами нефти всю свою жизнь. «В нефтяном бизнесе, — сказал он, — не бывает невыгодных сделок, так как нефть не создана трудом человека и поэтому не имеет стоимости. Ее цена определяется рынком, а затраты на добычу и транспортировку быстро окупаются. Поэтому вряд ли будет правильным говорить о невыгодности операции SWAP. Другое дело, если казахстанскую сторону не устраивает уровень прибыли», — добавил он.

Рафсанджани оказался прав в своем предположении. Обнаружилось, что казахстанскую сторону действительно не устраивал уровень прибыли, получаемой от операции SWAP. Выяснилось, что даже сверхприбыль, получаемая от этой сделки, не устраивала кое-кого, кто рассчитывал на более существенную личную долю из этой прибыли. Так или иначе, операция SWAP прекратилась и возобновилась только через несколько лет. За эти годы простаивал и иранский терминал на Каспии, в строительство которого, как и нефтепровода от терминала до Табризского НПЗ, иранцы инвестировали 300 миллионов долларов США.

Важность сделки SWAP была не только и даже не столько в ее коммерческой выгоде, а сколько в том, что она открывала альтернативный российскому маршрут экспорта казахстанской нефти и тем самым подрывала монополию России в этом вопросе, то есть серьезно расширяла нам возможность маневра, что существенно снижало и наши затраты на транзит. Упущенная коммерческая выгода, конечно, тоже имела для нас важное значение, особенно в 1990-е годы, когда бюджет страны испытывал недостаток в финансовых средствах. Однако чья-то личная выгода оказалась, к сожалению, выше государственных интересов.

Обмен нефтью с Ираном по схеме SWAP возобновился через несколько лет и продолжается и сейчас, принося Казахстану немалую выгоду.

Важную роль в координации и стимулировании казахстанско-иранского сотрудничества играла двусторонняя межправительственная комиссия, специально созданная для этих целей. Такие комиссии были созданы со многими странами-партнерами. С иранской стороны сопредседателем комиссии был министр промышленности и шахт Эсхак Джахангири (ныне — первый вице-президент Ирана), один из авторитетных членов иранского правительства, в ведении которого — не один десяток крупных промышленных предприятий. С нашей стороны сопредседателем комиссии какое-то время был министр энергетики, индустрии и торговли Мухтар Аблязов. К сожалению, он оказался недостаточно зрелым для своего поста, и его назначение на эту высокую должность было очевидной ошибкой.

О том, насколько безответственно Аблязов относился к своим обязанностям в межправительственной комиссии, говорят следующие два эпизода. По существующей практике, заседания межправительственной комиссии проходят раз в год поочередно в странах-партнерах. На этот раз заседание проходило у нас в Алматы. Накануне заседания я с Джахангири приехали в офис Аблязова, чтобы обсудить повестку дня заседания, о чем заранее договорились с ним. Зашли в приемную. Секретарь сказала, что министр занят, и попросила подождать. Сели, ждем. Проходит десять минут, двадцать. Я начал беспокоиться и попросил секретаря напомнить о нас, что она и сделала по внутреннему телефону. Но ничего не изменилось. Иранский гость виду не подает, но мое терпение начинает иссякать. Когда прошло сорок минут, я не выдержал и, несмотря на по-

пытку секретаря остановить меня, решительно вошел в кабинет Аблязова и увидел его разговаривающим по сотовому телефону. В кабинете он был один. От возмущения я чуть не задохнулся. В резких выражениях напомнил ему о сидящем в приемной иранском госте, пригрозил доложить президенту и потребовал, чтобы он немедленно принял его и извинился. Хотя он и сделал это, однако все было уже испорчено. У Джахангири, хотя он и не показывал этого, остался, конечно, неприятный осадок, что не могло не сказаться на его отношениях с казахстанским коллегой и в целом на работе межправительственной комиссии.

На следующий год Аблязов во главе правительственной делегации прилетел в Тегеран на очередное заседание межправительственной комиссии. Оно было назначено на утро. Когда мы сидели в моем кабинете, ему позвонили на сотовый телефон. По его реакции я понял, что ему сообщили, что президент вылетел в Москву и туда же вылетел конкурент Аблязова в борьбе за приобретение какого-то крупного энергетического предприятия (такой вывод я сделал из ответных реплик Аблязова звонившему). Он заволновался, объявил, что улетает в Москву, и, к моему удивлению, на самом деле улетел. Заседание комиссии прошло без него.

Эти случаи укрепили существовавшее у меня убеждение в том, что нельзя назначать бизнесменов, каким был Аблязов до прихода на госслужбу, на высокие государственные посты. В таких случаях конфликт интересов неизбежен, и, как правило, он решается не в пользу государства. Свое мнение об Аблязове я довел до К. К. Токаева, тогда премьер-министра. Поведение Аблязова и у него вызвало возмущение. Впоследствии, как известно, он потребовал удалить из правительства этого «киндерсюрприза», как он назвал Аблязова. Это было связано с политическим

демаршем движения «Демократический выбор Казахстана», в руководство которого тот входил. Требование было выполнено.

Среди множества дел, которым занималось посольство, важное место занимало продвижение на иранский рынок казахстанской пшеницы. Иран был емким и привлекательным для нас рынком, ежегодно импортировал около пяти миллионов тонн пшеницы из Канады, Австралии и Франции. С ними у Тегерана была многолетняя и хорошо налаженная торговля. Хотя наше зерно не уступало по качеству и, благодаря небольшой транспортной составляющей, было конкурентоспособным по цене, пробиться на иранский рынок оказалось нелегкой задачей. Тем не менее, наша «Продкорпорация», возглавляемая Нурланом Смагуловым, при активной поддержке посольства смогла распечатать иранский рынок для казахстанского зерна. Первая сделка предусматривала поставку двухсот тонн пшеницы. Соответствующее соглашение планировалось подписать во время визита президента Н. А. Назарбаева в Иран. Переговоры шли трудно. Один за другим приходилось преодолевать различные технические трудности (очистка зерна от засорений, затаривание в мешки вместо транспортировки россыпью, как у нас было принято, смена колесных пар вагонов при переходе на иранскую узкоколейную железную дорогу и т. д.). Наконец все вроде было готово к парафированию соглашения. Договорились с министром торговли Ирана сделать это в выходной день, то есть в пятницу, у него в офисе. В понедельник начинался визит президента.

Я приехал в офис к десяти утра, однако министра в кабинете не было. Мне сказали, что он проводит совещание в конференц-зале. Отправил за ним переводчика, а сам остался ждать в приемной. Появился министр, с ходу за-

явил, что не будет парафировать уже согласованный документ, и стал приводить неубедительные, на мой взгляд, аргументы. Завязалась острая полемика. Иранец стоял на своем. Возникла серьезная угроза срыва подписания документа, которому казахстанская сторона придавала важное значение. Пришлось прибегнуть к крайней мере.

Я в который раз повторил, что без этого соглашения содержательная часть визита президента окажется выхолощенной, и встает вопрос о целесообразности самого визита. Тут же попросил секретаря министра соединить меня с Администрацией Президента в Алматы. Пригрозил, что буду просить отменить визит. Ответственность за последствия возложил лично на иранского министра.

Мой расчет оказался верным. Отказ парафировать соглашение не отражал позицию иранского руководства, и он побоялся взять на себя ответственность за срыв такого важного политического мероприятия, каким является визит главы дружественного государства. Документ был тут же парафирован, а затем и подписан.

Визит Назарбаева состоялся 5–7 октября 1999 года. Посещение главы государства для посла — главное событие в период его пребывания в стране назначения, и этот визит не стал исключением. Были подписаны важные документы, на многие годы определившие направления двустороннего сотрудничества, а именно: Декларация о взаимоотношениях между Республикой Казахстан и Исламской Республикой Иран, соглашения о долгосрочном торгово-экономическом сотрудничестве, о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам, о сотрудничестве в борьбе с организованной преступностью и терроризмом, Программа культурного, научного и образовательного обмена, а также Меморандум о взаимопонимании между правительствами о сотрудни-

честве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров.

Состоялись официальные встречи и переговоры с высшим руководителем Ирана (рахбаром) Али Хаменеи, с президентом Мохаммадом Хатами, бывшим президентом Хашеми Рафсанджани. Все они прошли в духе взаимопонимания и добрососедства, затрагивали важные вопросы двусторонних отношений и международные проблемы.

Хотел бы рассказать о некоторых эпизодах, которые могут оказаться интересными для читателя. Было вполне ожидаемо, что одной из центральных тем на переговорах будет каспийская проблема. Она затрагивалась на всех уровнях, начиная от министра иностранных дел Ирана Камала Харази, который, согласно иранскому протоколу, посетил высокого гостя в его резиденции Саадабаде (бывший шахский дворец). Хотя его визит носил характер чисто протокольного жеста вежливости (министр не является партнером для президента), не знаю, какая муха его укусила, но Харази понесло с места в карьер. Он в недопустимом для его уровня резком тоне начал излагать хорошо известную нам позицию Ирана по правовому статусу Каспийского моря, которая противоречила нашему подходу, употребляя при этом такие выражения, как «мы не позволим», «никогда не допустим» и т. п. Назарбаев, который в начале беседы сидел на диване раскованно и был настроен благодушно, по ходу высказываний иранского министра незаметно подобрался, его взгляд стал холодным, благодушия как не бывало. Дав Харази полностью высказаться, он короткими, рублеными фразами дал ответ и поставил его на место. Заявил, что Казахстан выступает за секторальный раздел моря по срединной линии и не собирается ни с кем делиться исторически принадлежащим ему сектором Каспийского моря. Напомнил, что именно

он удерживает лидеров других каспийских государств от передачи спора по правовому статусу Каспия в Международный суд, где Иран, без всякого сомнения, проиграет, так как там доминируют западные страны. Выказался за то, чтобы каспийская проблема была решена самими каспийскими странами, подчеркнув, что только такое решение будет прочным и долговечным.

В ходе всей беседы я сидел как на иголках, возмущался про себя выбранным Харази тоном. Для меня как посла ситуация была не только неприятной, но могла иметь и нежелательные последствия. После завершения беседы я крайне расстроенным уехал на обед. Когда вернулся в резиденцию, увидел президента прогуливающимся по саду. Я высказал ему свое возмущение поведением иранского министра и выразил удовлетворение состоявшейся беседой, так как иранцам надо было когда-то услышать горькую правду, и хорошо, что они услышали ее из уст именно Нурсултана Абишевича, пользующегося большим авторитетом среди лидеров каспийских государств. Это поможет им избавиться от пустых иллюзий и надежд решить каспийскую проблему в свою пользу за счет интересов других партнеров по переговорам. Я отметил, что мои слова восприняты президентом благожелательно.

Каспийская проблема затрагивалась и в беседах с А. Хаменеи, М. Хатами и Х. Рафсанджани, но уже в совершенно другой тональности и корректно. Видимо, Харази проинформировал их о своей встрече с гостем.

Президент, зная о моих товарищеских отношениях с К. К. Токаевым, спросил, поздравил ли я его с назначением на пост премьер-министра (за день до начала визита правительство ушло в отставку, и новый состав правительства возглавил Токаев). Ответил, что поздравил по телефону. Тут меня черт дернул за язык, и я выпалил: «А кого вы да-

дите нам в министры вместо Токаева?» Нурсултан Абишевич спросил: «А кого хотел бы ты?» Я ответил, что было бы хорошо, если бы он был из среды профессиональных дипломатов, знающих специфику работы, кадры и внутреннюю кухню ведомства, и указал в сторону стоящих неподалеку первого заместителя министра Е. Идрисова и Б. Утемуратова. «Кого из них имеешь в виду?», — продолжил президент. «Идрисова», — ответил я и пояснил, что он работал у него помощником, прошел хорошую школу. Президент промолчал.

Через несколько дней после возвращения в Алматы Идрисова действительно назначили министром иностранных дел. Я далек от мысли, что моя рекомендация сыграла хоть какую-то роль в его назначении, но, как говорится, меня спросили — я ответил.

Как гостеприимный хозяин я решил пригласить президента к себе в резиденцию на ужин. Использовал для этого «окно» в программе визита, которое сам предусмотрительно оставил. Не было уверенности, что он примет приглашение, но он согласился и сказал, что возьмет с собой Утемуратова и Идрисова. Можно представить нашу с Гульсум Хабибулловой радость и одновременно волнение!

Вечер прошел в неформальных беседах. Нурсултан Абишевич держался просто, много шутил, нахваливал угощение, которое было традиционно казахским, с казы и бешбармаком, чем обрадовал хозяйку. Особенно ему понравилась казы, приготовленная моей сестрой Светланой, и впоследствии при встречах со мной он вспоминал ее.

Надо сказать, что во время пребывания Назарбаева в Тегеране были и другие возможности для неформальных бесед с ним на темы, далеко выходящие за рамки повестки визита. Так, я рассказал ему об опыте иранцев и саудовцев по возвращению в национальную собственность сво-

их нефтяных богатств, оказавшихся в иностранных руках, главным образом американцев. Одни делали это путем национализации и последующей компенсации через международные суды, другие — путем выкупа, как правило, за цену, многократно превышающую уплаченную в свое время иностранцами.

Президент напомнил, что в первые годы независимости цены на нефть находились на очень низком уровне и иностранные инвесторы, избегая рисков, неохотно шли на наш рынок. Ради их привлечения приходилось идти на предоставление значительных преференций. «Сейчас ситуация меняется, и я тоже думаю над возвращением нефтяных месторождений, переданных иностранным инвесторам», — заключил он.

Нурсултан Абишевич встречался и с представителями казахской диаспоры в Иране, интересовался условиями их жизни, разъяснял нашу политику по возвращению оралманов на историческую родину, рассказывал о поддержке, которую оказывает им государство.

Казахи в Иране появились в начале 30-х годов прошлого века, спасаясь от коллективизации и вызванного ею голода. В подавляющем большинстве (около 20 тысяч) они были адайцами с Мангышлакского полуострова. Как мне рассказывал один из аксакалов, бежали они через туркменские пески. Мужчины на конях, поместив в середину стариков, женщин и детей, с боем прорывались через красноармейские кордоны. Кто-то погиб под пулеметным огнем, а уцелевшие ушли в Иран. Иранское правительство приютило их и поселило на благодатном побережье Каспийского моря, по соседству с иранскими туркменами, предоставило плодородные земли.

Численность казахской диаспоры в Иране увеличилась за счет афганских казахов, которые после вторжения со-

ветских войск в Афганистан, спасаясь от войны, переселились в Иран к проживающим там родственникам. В большинстве своем иранские казахи носят фамилию Адай. Как объяснили мне старейшины, когда они бежали из Советского Союза, аксакалы решили, что для сохранения на чужбине своей идентичности наряду с личным именем все должны вместо фамилии носить родовое имя Адай. С тех пор так и повелось.

Посольство проводило значительную работу по переселению иранских казахов на историческую родину. По нашему предложению правительство ежегодно выделяло квоты на переселение казахов, предоставляло им жилье, финансовую помощь, места для их детей в вузах страны и т. д. Сначала мы перевозили их в Казахстан самолетами, затем — кораблями через Каспийское море. Большинство переселенцев поселилось в Мангыстауской и Атырауской областях, некоторые — в Алматинской и Южно-Казахстанской.

В работе посольства значительное внимание уделялось многостороннему сотрудничеству в рамках Организации экономического сотрудничества (ОЭС), штаб-квартира которой располагалась в Тегеране. ОЭС основана в 1985 году Ираном, Пакистаном и Турцией согласно Измирскому договору от 12.03.1977. После распада Советского Союза к ней в 1992 году присоединились семь новых государств: Азербайджан, Афганистан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан. Послы этих десяти государств в Иране одновременно являлись и постоянными представителями своих стран в ОЭС.

Мои первые контакты с генеральным секретарем ОЭС (им тогда был представитель Турции посол Ондер Озар) и участие в Совете постоянных представителей (СПП) показали, что работа совета нуждается в серьезной пере-

стройке. В частности, все решения СПП заранее согласовывались послами стран-учредителей (Иран, Пакистан и Турция) в узком составе, а на заседаниях СПП с участием представителей остальной семерки лишь оформлялись. На заседания СПП зачастую делегировали дипломатов среднего уровня. Все ключевые должности в секретариате ОЭС, включая генерального секретаря, его заместителя, всех директоров департаментов, также занимали представители тройки стран-учредителей. Таким образом, в организации господствовал диктат стран-учредителей, которые отводили новым членам ОЭС фактически роль статистов, штампующих заранее выработанные тройкой решения, придавая им легитимность. В таких условиях трудно ожидать уважения и полноценного учета интересов новых членов ОЭС.

Такое положение никоим образом не могло нас устроить. Беседы с послами новых членов организации показали, что они смирились с таким положением вещей, относились к своим обязанностям постоянных представителей как к обузе и переложили их на рядовых дипломатов. Было ясно, что надо ломать сложившееся положение, добиваться реального равноправия новых членов организации с государствами-учредителями, как и предусмотрено уставом ОЭС, повысить уровень их участия и активизировать работу СПП в целом.

На одном из заседаний СПП, на котором все его члены, по нашему требованию, были представлены на уровне послов, пришлось заявить, что решения СПП, ранее принятые с участием рядовых дипломатов, не являющихся постоянными представителями своих стран, согласно уставу ОЭС не могут рассматриваться как легитимные и на этом основании могут быть оспорены любой страной-участником. Предложил ввести процедуру аккредитации постоян-

ных представителей при генеральном секретаре ОЭС, что официально подтвердит их статус и полномочия, а также ввести порядок нотификации, если кто-то из них не может лично участвовать в заседании СПП и заменяется другим лицом. Эти предложения были приняты, и в дальнейшем заседания СПП проходили при личном участии послов — постоянных представителей стран-участников, что сразу повысило уровень обсуждения вопросов на совете и ответственность за принимаемые решения.

Немало копий сломано в борьбе за справедливое представительство всех государств-участников в Секретариате ОЭС, где было явное засилье тройки учредителей. И в этом вопросе удалось добиться перелома. В итоге Казахстан получил одну из ключевых должностей, директора департамента транспорта, что позволило более справедливо отражать в деятельности организации интересы новых ее членов. Проблема обеспечения равенства всех государств — членов организации была окончательно решена с получением Казахстаном должности генерального секретаря ОЭС, что сломало устоявшуюся практику, когда ее поочередно занимали только представители трех стран-учредителей. Таким образом, принципы равноправия новых членов с государствами-учредителями прочно утвердились в деятельности ОЭС, и в этом решающая заслуга принадлежит нашему посольству.

Говоря о работе посольства в целом, хочу отметить, что ее успешность во многом зависела от личных и деловых качеств сотрудников. Я с чувством благодарности и глубокого уважения вспоминаю коллег, которые оказывали мне неоценимую помощь своим ответственным отношением к выполнению служебных обязанностей, проявляя при этом творческий подход и трудолюбие. Практически все они не имели опыта дипломатической работы за рубежом. Работа

в посольстве в Тегеране была для них первой длительной заграничной командировкой. Приходилось на ходу учить их премудростям новой для них профессии, которой они овладевали упорно и настойчиво. В этом им помогали личные способности, стремление делать свою работу наилучшим образом. Одним это удавалось, другим — не очень. Тем не менее общими усилиями был создан сплоченный и работоспособный коллектив, в котором царил дух товарищества и взаимопомощи, требовательности к себе и к другим.

В этом коллективе формировались, развивались и достигали профессиональных высот тогда еще молодые сотрудники, которые впоследствии стали видными дипломатами. Достаточно сказать, что пятеро из них сегодня являются чрезвычайными и полномочными послами Республики Казахстан.

Асхат Оразбай, который поработал генеральным секретарем ОЭС, послом в Афганистане, Туркменистане, Индонезии и сейчас является послом в Иране, где начинал свою дипломатическую карьеру. Блестящий знаток персидского языка, свободно владеющий английским, он отличается серьезным и вдумчивым отношением к делу, хорошими аналитическими способностями. Надежный работник, на которого спокойно можно полагаться в любом деле. Все эти качества дали хороший результат в виде отличного карьерного роста.

Усен Сулеймен — выпускник престижного Колумбийского университета в США. Прекрасно владеющий английским языком, он легко устанавливал полезные контакты, умел через них получать интересующую посольство информацию, обладает так называемым легким пером, то есть умением готовить ответственные документы. Работал генеральным консулом в Гонконге, советником-посланником в Вене, где внес большой личный вклад

в председательство Казахстана в ОБСЕ. Считаю вполне закономерным его назначение чрезвычайным и полномочным послом в Республике Сингапур. Его деловая хватка, опыт и кипучая энергия самым положительным образом сказались на активизации торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества между Казахстаном и Сингапуром.

Мухаметкали Бакбергенов, будучи советником, вносил весомый вклад в информационное обеспечение посольства. Его организаторские способности, умение работать с людьми играли неоценимую роль в сплочении коллектива, в утверждении атмосферы взаимного доверия. Он по праву пользовался высоким авторитетом среди сотрудников посольства и членов их семей. Для всех нас, кто его знал по совместной работе в Тегеране, стал большой потерей неожиданный и безвременный уход Мукана из жизни. Жаль, он был человеком большой и богатой на добро души.

Скоропостижно скончался на посту посла в Таджикистане и Абуталиб Ахметов, работавший генеральным консулом в Мешхеде. Он был опытным дипломатом еще советской школы и мог принести много пользы своей стране, однако безвременная смерть оборвала его карьеру.

Нашим послом в Эфиопии стал Ерлик Али, который свой первый дипломатический опыт за рубежом получил в Секретариате ОЭС и в посольстве в Тегеране. Глубоко интеллигентный, болеющий душой за порученное дело, он отличается высокой культурой, умеет придать любому делу глубокий смысл, вносит, как и его очаровательная супруга Лаура, элементы благородства и достоинства в отношения в коллективе.

Наш первый генеральный консул в Мешхеде Сабит Таиров вырос до посла в Иране. К сожалению, трагическая гибель дочери, сбитой на его глазах автомашиной, подо-

рвала его здоровье, и ему пришлось уйти с дипломатической службы.

Хотел бы отметить и первого секретаря, Мырзабая Махметова, который был скромен и сдержан и держался, как правило, в тени, но в то же время был одним из ценных сотрудников, умел добывать закрытую информацию и подавать ее в хорошо осмысленном и обработанном виде. Сейчас он работает в одной из нефтяных компаний на своей родине в Атырау. Уверен, что и там он пользуется авторитетом в коллективе.

Не скрою: когда вспоминаю коллег по работе в Тегеране, испытываю чувство гордости от осознания того, что принимал участие в их профессиональном становлении и что посольство в Тегеране заслуженно пользовалось славой «кузницы послов».

Говоря о коллективе посольства, нельзя обойти Кайсери, нашего единственного сотрудника из числа местных граждан, который один заменял десяток технических работников. С первых дней основания посольства он стал незаменимым и ценным приобретением. Его кристальная честность, умение закрывать собой многочисленные повседневные заботы посольства снискали всеобщее уважение. Когда встал вопрос о сокращении штатов посольства по финансовым соображениям, я употребил все свое влияние, чтобы сохранить его. И по сей день Кайсери помогает нашему посольству. Его и сегодня связывают теплые человеческие отношения с бывшими сотрудниками посольства, которые поддерживают с ним связь и даже принимают иногда в Алматы в качестве дорогого гостя на своих семейных праздниках.

Прошло немало лет со времени работы в Иране, тем не менее память о пребывании в этой интереснейшей стране по-прежнему свежа.

Столичная история Тегерана насчитывает немногим более двухсот лет, что делает его, на фоне древних городов Ирана, относительно молодым. Конечно, такие дворцовые комплексы времен шахских династий Каджаров и Пехлеви, как Голестан, Ниаваран, Саадабад, представляют бесспорный интерес, а Национальный музей драгоценностей поражает воображение роскошью представленных там ценностей. Достаточно посетить этот музей, чтобы понять, насколько богатой страной является Иран. Кстати, когда Н. А. Назарбаев спросил директора музея о стоимости его фондов, тот ответил, что они не имеют цены, так как не нашлось ни одной страховой компании, которая согласилась бы застраховать хранящиеся там ценности.

Несмотря на эти всемирно известные достопримечательности Тегерана, об истории и культуре Ирана провинциальные города говорят больше, чем столица. Именно они являются туристическим раем для любителей истории и восточной архитектуры. Одно перечисление названий: Хамадан, Исфахан, Шираз, Табриз, Мешхед, Нишапур, Тус и др. — наполняет воображение картинами из восточных сказок и преданий.

Мне посчастливилось посетить многие регионы Ирана, в том числе и указанные выше города, и получить незабываемые впечатления, ведь персидская цивилизация наряду с китайской — одна из древнейших. Так, Хамадан насчитывает более пяти тысяч лет. В этом замечательном городе, самом старом в мире, захоронен Али ибн Сина (Авиценна), который скончался здесь от болезни в 1037 году по пути из Самарканда в Багдад. Его величественный мавзолей сохраняется в хорошем состоянии и открыт для посещения.

С большим интересом я ознакомился в Хамадане с древней синагогой, в которой находятся гробницы библей-

ской Эсфирь и ее дяди Мардохея (Мордехая). Библейская история в Ветхом Завете о том, как жена персидского царя Артаксеркса иудейка Эсфирь и ее дядя спасли от уничтожения свой народ, и сегодня почитается евреями по всему миру во время праздника Пурим.

С улыбкой вспоминаю, как во время посещения синагоги ко мне обратился старый раввин с просьбой оказать материальную помощь на ее содержание, а узнав, что я мусульманин, испуганно прошептал извинения.

Недалеко от Хамадана любители старины могут увидеть знаменитую Бехистунскую надпись. На отвесной скале по повелению царя Дария I клинописью на трех языках древней Персии выбита надпись о его восшествии на престол. Там же есть барельеф с изображением самого царя в короне, попирающего ногой врагов. Эти изображения и надпись можно увидеть только с некоторого расстояния, а лучше всего вооружиться биноклем.

Неоднократно приходилось бывать во втором по численности населения городе Мешхеде, столице провинции Хорасан, которая в средние века была самостоятельным государством. Этот город является центром паломничества к расположенной здесь мечети с мавзолеем восьмого, самого почитаемого шиитами имама Резы. В год его посещают 15–20 миллионов паломников. О сказках «Тысячи и одной ночи», похождениях героя фильма «Багдадский вор» и приключениях обладателя волшебной лампы Аладдина напоминает мавзолей самого знаменитого халифа Гаруна ар-Рашида, который также находится неподалеку от Мешхеда. Но самым популярным объектом, притягивающим миллионы посетителей, является, конечно, грандиозный мавзолей создателя бессмертной поэмы «Шахнаме», великого поэта Персии Фирдоуси в городке Тус, рядом с Мешхедом. Посетители могут увидеть инсценировки эпизодов

из поэмы, поставленные студентами местного университета, услышать историю о том, как Фирдоуси бедствовал, спасаясь от гнева султана Махмуда, правителя Хорасана, и как султан, случайно услышав стихи из «Шахнаме», восхитился и послал в дар поэту в Тус караван с золотом, но, увы, слишком поздно, так как когда караван входил в одни ворота, тело умершего поэта выносили из других ворот.

Каждому, кто побывал в Мешхеде, я посоветовал бы не полениться и обязательно съездить в расположенный в 180 километрах Нишапур. Город известен находящимися в окрестных горах бирюзовыми копиями. Знатоки утверждают, что нишапурская бирюза по качеству не имеет себе равных в мире. В наши дни добыча бирюзы ограничена, если не сказать прекращена, в целях сохранения залежей для будущих поколений.

Главной достопримечательностью Нишапура является мавзолей великого средневекового поэта Омара Хайяма. Думаю, нет в мире ни одного образованного человека, который не слышал бы о нем и не наслаждался его рубаи.

Коллеги отговаривали меня от поездки на могилу Омара Хайяма, полагая, что в современном Иране с его аскетическим исламским режимом вряд ли сохранился мавзолей поэта, воспевавшего вино, женщин и земные радости, а если и сохранился, то, скорее всего, находится в запущенном состоянии. Тем не менее мы с Гульсум Хабибулловой решили поехать и не разочаровались. Дело шло к вечеру, и пока мы доехали, совсем стемнело. Не заезжая в город, сразу поехали к мавзолею поэта. Приятным сюрпризом оказалось то, что его надгробие из белого мрамора, как и купол в форме, как мне показалось, опрокинутой рюмки, были в отличном, ухоженном состоянии.

Несмотря на довольно позднее время, все еще был открыт небольшой книжный магазин. Отдав дань уважения

могиле поэта, зашли в магазинчик и приобрели прекрасно оформленный сборник стихотворений Хайяма на шести языках в подарочном издании, а также аудиокассеты с записями его рубаи в исполнении чтецов. Неподалеку находилась усадьба поэта, а при ней — его личная небольшая мечеть. Узнав, кто мы, зритель, несмотря на позднее время, открыл ворота и позволил нам осмотреть их.

Мы с Гульсум Хабибуллоевой счастливы, что посетили могилу Омара Хайяма. Постояли над ней, подумали о быстротечности земной жизни и бренности всего сущего... Это очищает и возвышает душу. Единственное, о чем жалею, — что не поехали к нему раньше и наш визит пришелся на темное время суток, что в какой-то мере сказалось на яркости и глубине наших впечатлений.

Нельзя не восхищаться Ширазом, утопающей в зелени столицей провинции Фарс. У расположенного здесь мавзолея еще одного великого персидского поэта Хафеза вам напомнят его знаменитые стихи, в которых он, воспевая красоту любимой, говорит о готовности принести в жертву лишь за родинку на ее щеке Самарканд с Бухарой — города, прославленные своей красотой. Это чуть не стоило ему жизни: когда эмир Тимур захватил город, он повелел разыскать и привести к нему поэта и грозно спросил, как тот посмел так легкомысленно распоряжаться его прекрасными городами.

Посетили там же мавзолей Саади, расположенный в красивом парке в центре города. До сих пор вспоминаю, как на мой вопрос, кто прочитает стихи Саади, пришедшие на экскурсию в мавзолей поэта студенты, перебивая друг друга, начали декламировать. На фарси, одном из красивейших языков, стихи звучали как песня, в которой гласные ритмично сменяются согласными и наоборот. Такая демонстрация знания и любви к своему великому по-

эту не могла не вызвать уважения и восхищения. Подумал: смогли бы наши студенты у памятника Абаю проявить такое поголовное знание его произведений?

Несомненно, интереснейшим объектом в Ширазе, да и во всем Иране, является Персеполис — развалины древней столицы царя царей Дария I. Хотя он был основан еще Киром Великим, но блистательной столицей Ахеменидской империи стал при Дарии в середине IV века до н. э. Сожженный Александром Македонским, дворцовый комплекс Персеполиса и сегодня, через 2 500 лет, производит величественное впечатление. Можно представить, как выглядел в то время зал приемов Сто колонн, прозванный так по числу сохранившихся оснований опор. Многочисленные барельефы изображают как самого Дария, так и его наследника Ксеркса. Среди барельефов можно увидеть преподносящих дары Дарию представителей покоренных народов, одетых в характерные национальные одежды. Мое внимание привлекли изображения явно кочевых народов, ведущих дарственных животных: верблюдов, коней и овец. Вспомнилась массагетская властительница Томирис, чьи воины, согласно древнегреческим историкам, отрубили голову персидскому царю Киру II и в кожаном мешке, наполненном кровью, преподнесли своему вождю. Согласно легенде, она со словами «Ты хотел крови, так пей ее» отправила царскую голову персидскому войску. А может, это и не легенда. Как бы то ни было на самом деле, но наши мифотворцы поспешили причислить Томирис к предкам казахов, несмотря на отсутствие каких-либо исторических свидетельств ее принадлежности вообще к тюркским народам, даже сняли художественный фильм под одноименным названием.

Поблизости от Персеполиса можно посетить гробницы персидских царей в Накше-Рустаме, в том числе и самого Кира Великого.

Как-то мы с Гульсум Хабибулловой в отпуске решили на машине проехать из Ирана в Турцию, и во время этого путешествия посетили столицы Восточного Азербайджана город Табриз и Западного Азербайджана — Урмию. Табриз знаменит своими коврами и миниатюрами. Примечателен городской крытый базар, который считается самым большим в мире и является памятником ЮНЕСКО. К сожалению, во время нашего посещения он находился на ремонте. Проехали по дороге, проложенной через огромное, можно сказать бескрайнее соленое озеро Урмия, где и сейчас добывается соль и где можно увидеть нагруженные солью огромные грузовики. Говорят, в этом озере, как и в Мертвом море, нельзя утонуть.

Общепризнанной жемчужиной Ирана является Исфахан, один из красивейших городов мира. Недаром сами иранцы называют Исфахан Несфе Джахан — половина мира, имея в виду, что посетить его — все равно что увидеть полмира. Действительно, этот третий по величине город Ирана заслуживает такого названия. Мы с Гульсум Хабибулловой не раз бывали в этом чуде восточной архитектуры, возили на экскурсию своих гостей.

Всех достопримечательностей Исфахана не перечислить, да в этом и нет нужды, так как обширную информацию о них можно найти в Интернете. Остановлюсь только на тех, посещение которых оставило у меня яркие, непреходящие впечатления.

Прежде всего, конечно, приходит на ум центральная площадь Накш-Джахан. Огромная прямоугольная площадь строгих очертаний, обрамленная с двух сторон красивыми галереями, знаменитыми мечетями Шаха, шейха Лотфуллаха, зданием дворца Али Капу. Можно подняться на второй этаж здания, откуда правители Ирана в бытность Исфахана столицей аббасидской империи любовались парадом своих войск. Город не раз подвергался основатель-

ному разрушению захватчиками, но каждый раз восставал из пепла и возрождался в своем великолепии. Войска Чингисхана, по имеющимся сведениям, не только разрушили Исфахан, но и уничтожили семьдесят тысяч его жителей, соорудили башню из их обрубленных голов. Эта история вызывает в памяти известную картину Верещагина «Апофеоз войны», хотя она написана в другую эпоху и посвящена событиям в другом регионе.

Любопытную историю рассказали мне о сооружении мечети Шаха, входной портал которой, декорированный великолепными голубыми изразцами, несколько смещен по отношению к основному залу с куполом. Это смещение образовалось из-за ошибки при строительстве. А дело, по рассказам, было так.

Шах объявил конкурс на проект мечети и назначил победителю крупный приз золотом. Со всей страны в Исфахан начали съезжаться архитекторы со своими проектами. Среди них был и будущий победитель конкурса. Однако когда он уже построил входной портал и начал сооружать основное здание мечети, обнаружилось указанное смещение входного портала. Начали разбираться, и оказалось, что настоящим автором проекта был совершенно другой человек. Остановившись на ночлег в придорожном караван-сараяе, он за ужином рассказал совершенно случайному попутчику, оказавшемуся за одним столом, что направляется в Исфахан со своим проектом мечети для участия в объявленном шахом конкурсе и что уверен в своей победе. Этот попутчик решил завладеть проектом, выдать его за свой. Он убил архитектора и забрал проект. Проект победил в конкурсе, и мнимому автору было поручено возведение мечети, но он допустил ошибку, а именно смещение портала, так как не обладал необходимым уровнем знаний. Но поскольку входной пор-

тал уже был сооружен, его не стали сносить, а злодея по указу шаха публично казнили.

Эту историю, рассказанную мне знакомыми иранцами, я нигде не нашел. Скорее всего, это лишь красивая легенда. Тем не менее и сегодня посетители этой великолепной мечети могут заметить смещенное положение входного портала по отношению к купольному залу. Кстати, этот зал, где пятничный имам произносит проповеди, обладает выдающейся акустикой: произнесенные шепотом в любом месте зала слова возвращаются четким и ясным эхом.

Большой интерес вызывает армянская апостольская церковь Святого Христа Всеспасителя. Ничем не примечательный снаружи, храм богато расписан внутри. Росписи посвящены не только библейским сюжетам, но, что я увидел впервые, вполне земным событиям избиения армян османами. Было удивительно видеть действующий христианский храм в самом центре мусульманской страны со строгим, если не самым строгим, исламским режимом. Кстати, армяне в Иране пользуются свободой вероисповедания, имеют свои церкви в Тегеране и Табризе и не подвергаются притеснениям по религиозному признаку. Более того, они имеют в парламенте два депутатских места (их количество зависит от численности религиозной общины в стране). Кстати, это относится и к евреям. Ранее я рассказывал о посещении синагоги в Хамадане. Действующие синагоги имеются и в других городах. Еврейская община также была представлена своими депутатами в меджлисе, однако в связи с резким сокращением численности евреев из-за массового выезда из страны утратила это право. Так что ирано-израильское противостояние не сказалось на положении евреев в Иране, а уезжали они не по причине притеснений, а из-за чувства общего дискомфорта и неуверенности в будущем.

Армянская община в Тегеране имела свой магазин, где официально разрешалось торговать спиртным, что не раз выручало нас в затруднительную минуту, так как в Иране не только строго запрещено торговать спиртным и употреблять его, но даже ввозить в страну.

Хорошо помню, как мой киргизский коллега лишился нескольких ящиков водки, заказанных для приема в национальный праздник. Иранские грузчики в аэропорту, запоздав неладное, умышленно уронили один из ящиков и разбили бутылки. Запах водки выдал содержимое ящиков. Пришлось вскрыть их все и вылить содержимое в канализацию.

Но вернемся к армянской церкви Святого Христа Всеспасителя. Она построена в начале XVII века в армянском районе Джульфа при шахе Аббасе I. Я нигде не нашел этой информации, но хорошо помню рассказ настоятеля храма о ее истории. Когда шах решил сделать Исфахан своей столицей, то решил пригласить на поселение армян, бежавших из Османской империи, так как рассчитывал с помощью искусного в торговле народа обеспечить экономический расцвет столицы. Что, в общем-то, и случилось. В армянской общине был весьма успешный купец. Главный визирь шаха положил глаз на его богатство, но встретил упорное нежелание купца делиться. Тогда он решил погубить несговорчивого купца и оклеветал его перед шахом, наушничая ему, что купец богаче самого шаха и похваляется, мол, этим. Шах, удивленный тем, что кто-то в его владениях может быть богаче его самого, приказал купцу заполнить мешками с серебром арочные ниши моста через реку Зайенде, на которой стоит Исфахан. Купец действительно оказался настолько богат, что выполнил требование повелителя, а затем был изгнан из страны. Прошли годы, шах умер, и на престол взошел его наследник. По

ходатайству армянской общины он разрешил купцу вернуться в Исфахан, и тот вскоре вновь разбогател больше прежнего. Благодарный купец построил на свои средства храм Святого Христа Всеспасителя, после смерти был похоронен там же и причислен к лику святых. В церкви есть его изображение.

Мне трудно судить, насколько эта история правдива. Как говорится, за что купил, за то и продал. Во всяком случае эта похожая на легенду история придает храму ореол некоторого романтизма.

Будучи в Исфахане, нельзя обойти вниманием удивительное сооружение — небольшую мечеть Манару джонбану. Ее двухэтажное здание венчают два одинаковых минарета высотой около пяти метров каждый, и если раскатать один из них, то с такой же амплитудой начнет раскачиваться и второй. Вызывает восхищение мастерство строителей мечети, поражает неправдоподобностью, так как минареты сложены из кирпичей. Помню свое изумление, когда раскачивал минареты. Никто не смог объяснить, в чем заключается секрет этого поразительного свойства минаретов.

Мечеть Манару джонбану в целях сохранности этого чуда закрыта для посетителей, но для меня, в знак уважения к статусу посла дружественной страны, было сделано исключение.

Там же, в Исфахане, мне рассказывали о другом чуде — бане, отапливаемой одной свечой. Во время правления шаха американцы, которые пользовались большим влиянием во дворе, попросили его дать разрешение разобрать баню, чтобы узнать ее секрет. Получив разрешение, они ее разобрать-то разобрали, но снова собрать не смогли. Так исчезло это чудо.

Откровенно говоря, я не поверил этому рассказу, отнеся его на счет неприязни иранцев к злонамеренным, как

они считают, американцам, но мечеть Манару джонбану поколебала мой скепсис. Чего только не бывает на этом загадочном Востоке!

Многие, кто посетил современный Иран, ощущают определенный дискомфорт от раздающихся из репродукторов призывов к молитве, вида закутанных в черные хиджабы женщин, множества мулл на улицах, одетых в длинные одежды и с чалмами на голове, поголовно бородатых мужчин без галстуков, черно-серого однообразия толпы и в целом от общей атмосферы, которая отличает страну от светского общества. Это все внешние признаки исламского режима шиитского толка.

Шиизм, на мой взгляд, с самого начала своего возникновения во второй половине VII века носил характер не столько религиозного, сколько политического течения, выступающего в религиозной форме, что характерно для эпохи Средневековья. Иран, как известно, пал первой жертвой арабской вооруженной экспансии, вдохновленной новой исламской религией. Высокоразвитая персидская цивилизация стремилась сохранить свою идентичность под господством кочевых арабских племен, объединенных новой религией Пророка Мохаммада. Это по сути своей политическое течение в ту эпоху могло найти выражение лишь в религиозной форме. Шииты, в отличие от суннитов, признают зятя Пророка Али и его потомков единственно законными наследниками и духовными преемниками Пророка. Хотя ислам, в отличие от христианства, не признает посредников между верующим и Богом, однако шиизм иерархически структурирован, и на вершине этой лестницы находятся Великие Аятоллы. О доминировании политического содержания в шиизме дают представление пятничные молитвы. Так, каждую пятницу в Тегеранском университете один из Великих Аятолл выступает с пропо-

ведью. Но это не религиозное, а больше политическое выступление, в котором дается оценка событиям прошедшей недели и ставятся политические задачи на предстоящую неделю.

Практически на каждом иранском предприятии, в каждой организации сидят своеобразные идеологические комиссары в лице шиитских мулл, которые обеспечивают политическую благонадежность. Это чем-то напоминает систему партийных комиссаров в Советском Союзе.

Конечно, исламский режим в Иране имеет свои плюсы и минусы, свои достижения и недостатки. Я не собираюсь давать ему оценку, поскольку не в оппозиции к этому режиму, но и не его сторонник, а наблюдатель со стороны. Такую позицию я занимал и в период работы послом. В то же время считаю, что вправе иметь свою точку зрения. Я глубоко убежден, что время религиозного правления, как было в арабских халифатах или в папском Риме, осталось в прошлом. Каждый должен заниматься своим делом, мулла должен сидеть в мечети, а не в правительственных кабинетах, где должны восседать политики.

И сегодня я заинтересованно слежу за тем, что происходит в Иране и вокруг Ирана, радуюсь успехам дружественного нам народа, с которым мы имеем общие исторические, духовные и культурные корни. Работа в Иране навсегда оставила в моей душе чувство симпатии, глубокого уважения к его прошлому и такой же глубокой веры в его будущее. Желаю мира и процветания этой древней стране!

Германия

Во время посещения Тегерана президентом Н. А. Назарбаевым я ехал с ним в машине (по протоколу посол сопровождает главу государства), и он заметил, что мне, видимо, приходится нелегко в условиях исламского режима в Иране и пообещал по завершении срока командировки назначить в страну с более благоприятным светским режимом.

В марте 2000 года я находился в кратковременной служебной командировке в Астане, когда зазвонил мой сотовый телефон. Помощник президента Б. Утемуратов сказал, чтобы я сейчас же шел на прием к шефу.

Когда я вошел в кабинет Назарбаева, он вышел из-за стола, пригласил присесть за стол для совещаний и дал для ознакомления тоненькую папочку. В ней находился печатный лист за подписью председателя КНБ генерал-майора Альнура Мусаева, по сути кляуза на меня. В частности, в ней говорилось, что я редко бываю в посольстве, а большую часть времени провожу в Дубае, что, в нарушение требований закона, под моим началом работает муж моей дочери Мукашев Оразхан и, наконец, что я злоупотребляю спиртными напитками. Президент коротко спросил: «Что скажешь?»

Я был ошарашен. Пришлось быстро собраться с мыслями. Сказал, что в связи с тем, что иранские власти средства с валютных счетов выдают только в риалах и по официальному курсу, который в пять раз ниже рыночного, посольство, как и многие другие, держит свой валютный счет в банке Дубая (на это у меня есть письменное разрешение МИДа), приходится периодически летать на один-два дня в Дубай для получения денег на заработную плату сотрудникам и повседневные нужды посольства.

«Что касается моего зятя, — продолжил я, — то его на работу брал не я, а мой предшественник, и работал он не в моем непосредственном подчинении, а в тысяче километров от Тегерана, в генеральном консульстве в Мешхеде». Его прямым руководителем был генеральный консул, так что никакого нарушения закона не было. К тому же он уже завершил командировку и вернулся на родину. По работе к нему претензий не было.

По последнему пункту заметил, что попытка сделать из меня алкоголика в жестких условиях исламского режима переходит всякие границы. В заключение подчеркнул, что многие годы работал во внешней разведке КГБ СССР, но мы занимались серьезным государственным делом, а не кляузами.

Нурсултан Абишевич в сердцах крепко выразился и сказал, что не забыл о своем обещании направить меня в другую страну, предложил на выбор Вашингтон, Пекин, Берлин и Сеул. Я сказал, что всю жизнь работал в азиатских странах и предпочел бы Берлин, но поеду туда, куда он меня назначит. Нурсултан Абишевич словами «Берлин так Берлин» закончил беседу. В тот же вечер было подготовлено и направлено в Администрацию Президента представление на мое назначение послом в Германию. Так решилась моя судьба на ближайшие несколько лет.

Однако интриги вокруг моего нового назначения одной кляузой КНБ не закончились. В Тегеране я почти три месяца ждал агреман (одобрение) немецкой стороны, но так и не дождался. По существующей международной практике, это могло означать отказ немецкой стороны в даче согласия на мое назначение послом. Мотивы отказа в таких случаях не разъясняются.

Я решил внести ясность в затянувшуюся ситуацию и обратился к немецкому послу в Тегеране, с которым поддер-

живал дружеские отношения, с просьбой выяснить через свои контакты в МИД ФРГ причины отказа в агремане. Посол через день сообщил, что немецкая сторона не получала запрос на агреман. Стало ясно, что интриги продолжаются, и за ними стоит кто-то влиятельный, коли решился воспрепятствовать реализации решения, принятого президентом. Позвонил Утемуратову и попросил доложить Нурсултану Абишевичу о ситуации. Вскоре он сообщил, что президент крайне недоволен и дал распоряжение министру иностранных дел сегодня же запросить агреман у немецкой стороны.

Через несколько недель агреман был получен и вышел указ Президента о моем назначении послом в Германию. Но тут возникло новое препятствие. Мой предшественник, Эрик Магзумович Асанбаев (бывший вице-президент), попросил министра дать два-три месяца для завершения лечения. По дипломатическому протоколу два посла одной страны не могут одновременно находиться в стране назначения. Получалось, что до выезда Эрика Магзумовича из Германии я не могу въехать в страну. Для развязки ситуации было принято компромиссное решение: Асанбаев нотой известил МИД ФРГ о завершении своей миссии и сложении полномочий посла, а также что будет еще некоторое время находиться в Германии на лечении как частное лицо. Это открыло двери для моего заезда.

В сентябре мы с Гульсум Хабибулловной прибыли в Берлин. Начинался новый этап жизни в новой стране и в новом коллективе.

Назначение послом в Германию по всем меркам считалось большой честью и высоким доверием. Экономическая мощь и политическое влияние этой страны делало ее не только локомотивом всего Европейского Союза, но и одной из ведущих мировых держав — членом группы G7, играющих важную роль в международных делах. Это был

весьма привлекательный партнер с точки зрения экономических и технологических возможностей, инвестиционного потенциала.

Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что в Германии проживало около миллиона немцев — выходцев из Казахстана, переехавших на историческую родину по программе для переселенцев, принятой правительством ФРГ. В подавляющем большинстве они хорошо относились к Казахстану, считали его своей родиной, которая в свое время приютила их, дала кров, пищу и человеческое тепло. Как в Казахстане, так и в Германии их рассматривали как мост, связывающий два народа, как фактор, способствующий развитию гуманитарных контактов и экономического сотрудничества.

Казахстанско-немецкие отношения в целом развивались успешно. Товарооборот между странами к тому времени достиг почти трех миллиардов марок (второе место после России), немецкие капиталовложения в казахстанскую экономику составляли около двух миллиардов марок. В Казахстане уже работали такие немецкие гиганты, как «Сименс», «Мерседес-Бенц», «Дойче банк», «Дрезднер банк», «Коммерцбанк», было создано 163 совместных предприятия. В то же время объем германских инвестиций в нашу экономику, их структура не соответствовали потенциалу немецкой экономики и были еще далеки от удовлетворения наших потребностей в немецких инвестициях и передовых технологиях. Мы были заинтересованы и в политической поддержке Берлина, играющего ведущую роль в Европейском союзе. Словом, налицо был взаимный интерес и достаточно широкое поле для сотрудничества в различных сферах. Дел для посольства хватало.

Вручение верительной грамоты состоялось в резиденции президента Федеративной Республики Германия.

Протокольная церемония выглядела гораздо торжественнее, чем в Иране. Эскорт мотоциклистов и представитель немецкого Протокола сопровождали от посольства до резиденции президента, где встречал шеф Протокола и руководитель аппарата главы государства. Перед резиденцией на двух высоких флагштоках развевались государственные флаги Казахстана и Германии, был построен почетный караул, расстелена красная дорожка. Посол и сопровождавшие его старшие дипломаты посольства, так же как и участники с немецкой стороны, включая президента, были одеты во фракную пару (черный фрак и серые брюки в полоску).

После вручения верительной грамоты президент Йоханнес Рау²⁵ пригласил к стоявшему в углу круглому столу для беседы. Она оказалась довольно интересной и в чем-то необычной. Когда обменялись принятыми в таких случаях любезностями и заверениями в заинтересованности сторон в развитии отношений, президент спросил, где располагается моя резиденция. Я ответил, что в районе Панков, в Восточном Берлине. Он сообщил, что проживает в районе Далем и что в этом же районе находятся резиденции некоторых иностранных послов, с которыми он видится, когда выгуливает собаку в ближайшем парке. Я сказал, что и у меня есть собака. Рау поинтересовался породой. Узнав, что лабрадор, президент оживился и воскликнул: «Лабрадор — это человек, а не собака!» Конечно, он имел в виду выдающиеся качества этой породы. Завязался оживленный разговор о достоинствах лабрадоров.

Еще в начале беседы я обратил внимание на лежащую на столе приоткрытую пачку незнакомых мне сигарет. Коль беседа приобрела неформальный характер, решил спросить президента о марке, при этом заметил, что су-

²⁵ См. биографическую справку, стр. 333.

пруга, наверное, не разрешает ему много курить. Рау удивленно спросил, откуда я это знаю. Я пояснил, что сейчас десять часов утра, а в открытой пачке видны только четыре сигареты: он, видимо, берет не более пяти сигарет на весь день. Одну сигарету, он, скорее всего, уже выкурил, и я хочу лишить его еще одной сигареты, так как прошу дать мне ее в память об этой встрече. Рау с улыбкой достал сигарету и протянул мне со словами, что я попал в точку, жена действительно ограничивает его пятью сигаретами в день. Объяснил, что этих сигарет нет в продаже, их изготавливают лично для него по заказу.

Наша первая беседа запомнилась не только мне, но и президенту Рау, так как на протокольных мероприятиях с его участием он неизменно подходил ко мне и интересовался моей собакой. Затрагивались и другие темы. Коллеги по дипкорпусу заметили внимание ко мне со стороны Рау, что послужило поводом для распространения мнения о моей близости к президенту, что, однако, не соответствовало действительности, а свидетельствовало лишь о внимательности и вежливости Рау. Тем не менее мне его внимание было всегда приятно.

Вскоре я получил приглашение от Рау на охоту в средневековый замок, расположенный неподалеку от Берлина. Был характерный для немецкой столицы промозглый ноябрьский день. Я предусмотрительно положил в карман охотничьей куртки фляжку с коньяком, что оказалось весьма дальновидным решением.

По прибытии в замок гостей подробно ознакомили с программой. Оказалось, нас ожидает не реальная охота, а инсценировка стилизованной старинной охоты с несколькими сворами гончих, костюмированными всадниками, с трубами и рожками егерей. Словом, красочное представление, в организации которых немцы большие мастера.

Гостей рассадили по открытым каретам, запряженным четверкой лошадей. Моими соседями оказались китайский посол и вице-президент крупного международного телекоммуникационного концерна «Алкатель» Питер Пеппер. Они, в отличие от меня, были менее предусмотрительными, оделись не по погоде и чувствовали себя на пронизывающем осеннем ветру весьма неудобно. Они откровенно обрадовались, когда я вынул из внутреннего кармана фляжку. Угощение оказалось более чем кстати и было принято с веселым оживлением. Как потом признавались мои компаньоны, мой коньяк спас их от неминуемой простуды.

Фляжка сыграла не только спасительную роль, но и положила начало нашим дружеским отношениям с Питером, который оказал мне большую помощь в установлении полезных контактов в местных политических и деловых кругах. Общение с ним и его милой супругой Барбарой всегда доставляло нам с Гульсум Хабибулловной большое удовольствие, скрашивало наше пребывание в Берлине. Уже после возвращения на родину мы с горечью узнали о безвременной кончине Питера. Он навсегда остался в нашей памяти как крупный представитель бизнеса, человек широкой души, умеющий ценить дружбу.

Контакты в политических, деловых и научных кругах являются, как известно, предпосылкой и условием успешности работы дипломата. Посол не является исключением. Его связи обычно отличаются более высоким уровнем, следовательно, и повышенным потенциалом полезности. К числу таких полезных знакомств надо отнести прежде всего Ганса-Дитриха Геншера²⁶. Ко времени нашего знакомства ему было уже 73 года, и он после восемнадцати лет плодотворной работы на посту министра иностран-

²⁶ См. биографическую справку, стр. 334.

ных дел ФРГ уже семь лет находился в отставке. Однако этот признанный патриарх немецкой политики не отошел полностью от политической деятельности и до 1998 года он был депутатом Бундестага, затем вместе с соратниками по Свободной демократической партии Германии создал и возглавил консалтинговую фирму, которая занималась в основном политической проблематикой.

Геншер пользовался в Германии, да и во всей Европе огромным авторитетом. Его наряду с бывшим канцлером Гельмутом Колем по праву считают главной фигурой в деле объединения Германии. Заполучить в друзья Казахстана политика такого масштаба и авторитета было большой удачей. Он стал почетным председателем Германо-казахстанского общества.

У меня с ним сложились теплые, взаимоуважительные отношения, которые позволяли свободно обсуждать практически любые темы, в том числе и весьма чувствительные, из области отношений между Востоком и Западом, прошлого Германии, включая и нацистский период. Его знание реалий ФРГ, ее политической кухни, дружеские советы по тем или иным аспектам казахстанско-германских отношений имели для меня большую практическую ценность, помогали выбирать правильные подходы и принимать адекватные решения.

Геншер не был похож на тех политиков, которые переполнены осознанием своих былых заслуг и давно витают в недостижимых для простых смертных заоблачных высотах общенационального признания и величия. Он был простым в общении, любил юмор и умел пошутить, не стеснялся при необходимости обращаться с обычными человеческими просьбами, ценил внимание к себе и охотно откликался на просьбы. Помню, как радостно светилось его лицо при вручении казахстанского ордена Дружбы, ко-

торым он, по предложению посольства, был награжден за большой личный вклад в развитие отношений между нашими странами.

До сих пор с удовольствием вспоминаю небольшую услугу, которую удалось оказать Геншеру в связи с празднованием его 75-летия, которое он отмечал на своей родине, в Галле. С присущей ему деликатностью Геншер дал мне понять, что был бы признателен, если на торжественных мероприятиях выступит творческий коллектив из Казахстана. Подчеркнул, что среди гостей будут многие известные политики, в частности Генри Киссинджер. Сообщил, что президент Грузии Эдуард Шеварднадзе обещал прислать на празднование грузинский творческий коллектив.

Я немедленно связался с акимом Западно-Казахстанской области Кырымбеком Кушербаевым, и он пообещал прислать хороший детский танцевальный коллектив. Дети прилетели вовремя, великолепно выступили и вызвали восторженную реакцию гостей юбиляра. Геншер с Киссинджером поднялись на сцену и лично поблагодарили наших детей, которые пользовались безраздельным вниманием, так как грузинский коллектив опоздал и не выступил. Я был очень горд за наших детей и рад тому, что подарок на юбилей нашего друга удался.

Геншер вплоть до кончины в 2016 году был почетным председателем Германо-казахстанского общества и в нашей памяти остался как человек широких взглядов и большой души, как добрый друг Казахстана.

Весомую помощь посольству оказывал депутат Бундестага, руководитель фракции Социал-демократической партии Гернот Эрлер, возглавлявший Германо-казахстанское общество.

Среди наиболее полезных и хорошо информированных наших контактов следует назвать и политолога, веду-

щего эксперта по странам СНГ доктора Александра Рара. Его анализ внешней политики ФРГ в отношении бывших советских республик всегда отличался глубиной и прозорливостью, помогал разобраться в ситуации, формировать наши предложения по различным аспектам двусторонних отношений.

В налаживании деловых связей между немецкими и казахстанскими предпринимателями, стимулировании инвестиционной активности немецкого капитала на казахстанском рынке действенную помощь оказывал председатель Восточного комитета германской экономики Клаус Мангольд. Полезными были и контакты посольства в руководящих кругах финансовых институтов Германии, в таких крупных немецких банках, как «Дойче банк», «Дрезднер банк», «Коммерцбанк».

Надо сказать, что федеративное устройство немецкого государства накладывало отпечаток на деятельность посольства, особенно на экономическом направлении. Приходилось много ездить по федеральным землям, иначе было немислимо поддерживать контакты с немецкими компаниями, в сотрудничестве с которыми мы были заинтересованы, так как их штаб-квартиры располагались в различных федеральных землях. Так, «Сименс» располагался в Мюнхене (Бавария), «Мерседес-Бенц» — в Штутгарте (Баден-Вюртемберг), «Винтерсхалл» — в Кесселе (земля Гессен) и т. д.

Поездки по федеральным землям отнимали много времени, но вместе с тем давали возможность близко ознакомиться с различными регионами и со страной в целом. Встречи с руководителями крупных немецких компаний, работающих в Казахстане, были исключительно полезны в плане поддержания личных контактов, решения возникающих вопросов. Как правило, они проходили в атмо-

сфере взаимной заинтересованности и уважения, служили хорошей основой для деловых взаимоотношений. Но бывали, хотя и крайне редко, и исключения, когда отношения налаживались с трудом, через преодоление личных антипатий, возникших еще при первом знакомстве.

Вспоминается первая встреча с руководителем «Сименса» в штаб-квартире концерна в Мюнхене, куда я приехал специально с целью личного знакомства, что считал важным для будущего сотрудничества. Как принято в таких случаях, рассказал немного о себе и больше внимания уделил положению в Казахстане, его экономике. Хозяин кабинета, в свою очередь, ознакомил меня с деятельностью концерна, отметил, что в следующем году будет торжественно праздноваться его 150-летие. В конце повествования он вновь спросил о размере годового бюджета Казахстана и сопоставил его с годовым оборотом концерна, который в несколько раз превосходил наш бюджет. Это было сделано намеренно и в тональности, которая умаляла достоинство моей страны, чего я не мог спустить ему с рук. Я переспросил, когда именно будет юбилей концерна и, получив ответ, заявил, что через 150 лет мы, конечно, будем в состоянии купить «Сименс». Нужно было видеть его лицо в тот момент.

Так что наше первое знакомство, как первый блин, вышло комом, отношения не заладились. Я сожалел о произошедшем, так как это не способствовало налаживанию хороших деловых контактов с руководством «Сименса», но в то же время не считал это своим промахом, так как убежден, что первостепенный долг посла — не ронять достоинство своей страны ни при каких обстоятельствах. Допустив это, посол теряет уважение собеседника не только к себе, но, что гораздо важнее, к своей стране.

Со временем мои отношения с председателем правления «Сименса» наладились, чему способствовал следу-

ющий эпизод. Мне позвонил представитель «Сименса» в Казахстане и сообщил, что руководитель концерна находится в Астане. Была предварительная договоренность, что его примет президент Н. А. Назарбаев, однако казахстанская сторона, ссылаясь на его занятость, не подтверждает встречу. Мой собеседник стал просить меня помочь в решении проблемы. Я понял, что настал мой час, и попросил представителя «Сименса» передать трубку своему шефу. Спросил, почему он обращается за помощью ко мне, хотя о встрече с президентом они договаривались не через посольство. Выслушав его извинения, я взялся помочь, однако не стал давать обещания, так как не знал реальную ситуацию. Позвонил Нуртаю Абыкаевичу Абыкаеву, в то время первому заместителю министра иностранных дел, и попросил его вмешаться. В итоге встреча с президентом состоялась, и мои отношения с руководством «Сименса» приобрели нужную деловитость и плодотворность.

Как уже упоминал, в Германии проживало более 700 тысяч немцев, выехавших на историческую родину из Казахстана, где еще оставалось около 300 тысяч. Переселенцам немецкие власти оказывали существенную помощь для их быстрой интеграции в немецкое общество. В то же время правительство ФРГ было заинтересовано в том, чтобы этнические немцы, все еще проживающие в Казахстане, оставались на своих местах, и постепенно переориентировало свою политику на поощрение такого положения вещей. На достижение этой цели была направлена и деятельность специального уполномоченного правительства ФРГ по делам переселенцев Й. Вельта, который одновременно являлся сопредседателем Казахстанско-германской комиссии по вопросам этнических немцев. Заседания комиссии проходили довольно регулярно. Я был ее членом. Участие в ее работе требовало хорошего знания

положения и процессов, проходящих в переселенческой среде и среди казахстанских немцев, а также трудоемкой и кропотливой организационной работы.

Не посвященному в проблематику могли показаться неоправданными усилия обоих правительств по сохранению немцев в местах их проживания в Казахстане, особенно на фоне все еще массового их переселения в Германию. Конечно, переломить доминирующий тренд на переселение в Германию не удалось, что, на мой взгляд, во многом объясняется разрушительным социально-экономическим кризисом на постсоветском пространстве. Порожденная кризисом неуверенность в своем будущем и в будущем детей не могла не вызывать у немцев, перенесших сталинские репрессии, массового стремления перебраться в благополучную Германию с ее обширной программой поддержки переселенцев. Сказывалось и так называемое стадное чувство, когда за одними переселенцами потянулись их близкие родственники, затем дальние, а потом и просто знакомые.

Вместе с тем были и многочисленные случаи, когда наши переселенцы, несмотря на все преимущества программы поддержки, так и не смогли адаптироваться и интегрироваться в немецкое общество. Выросшие в реалиях советского общества, где принцип «человек человеку друг и брат» не был пустым лозунгом, они не воспринимали так называемый «немецкий орднунг». Особенно подростки чувствовали себя чужими и сами относились к обществу, в котором оказались в Германии, как к чужому.

Характерен разговор с одним из переселенцев. Он радостно рассказывал, как отпраздновал Новый год: забил купленную у турок лошадь, приготовил бешбармак с казы, пригласил своих земляков-казахстанцев, закрыл ставни и, как он выразился, «славно отпраздновали». На мой удив-

ленный вопрос, зачем надо было закрывать ставни, он не менее удивленно воскликнул: «Так вокруг же одни немцы!» Было ясно, что себя он с ними не отождествляет.

Не редкими были случаи, когда подростки из семей переселенцев вступали в конфликт со местными сверстниками и в итоге пополняли криминальную среду. В беседах со мной переселенцы, говоря о Казахстане, употребляли такие слова, как «дом», «домой». Чувствовалось, что они испытывают острую ностальгию по родине.

Надо сказать, что взаимные поездки переселенцев в Казахстан и казахстанских немцев в Германию были довольно интенсивными, их визовое обслуживание отнимало львиную долю времени сотрудников консульского отдела посольства, а также наших консульских учреждений в Германии — Генерального консульства во Франкфурте-на-Майне, консульств в Бонне, Штутгарте и Ганновере. Нагрузка на них многократно возрастала с весны до осени, так как поездки в это время приобретали массовый характер. В этот процесс были вовлечены многочисленные туристические компании с обеих сторон. Поступающие от визовых сборов средства составляли солидную сумму в валюте, большая часть которой поступала в бюджет страны, а часть шла на нужды посольства и финансирование других наших посольств в европейских странах (позже этот порядок был изменен и консульские сборы стали полностью поступать в бюджет).

Близкое знакомство с работой на этом важном участке, где затрагивались интересы тысяч и тысяч людей, обнаружило множество застарелых проблем. Наиболее серьезной являлась коррупционная составляющая, которая проглядывала из всех углов, но, видимо, устраивала кое-кого и поэтому приобрела характер устоявшейся порочной практики.

Так называемые туристические компании в большинстве своем представляли собой семейную пару с компьютером, которая через своих партнеров на казахстанской стороне обеспечивала визовую поддержку, а через сотрудников наших консульских учреждений — выдачу виз выезжающим в Казахстан. Ни о каком предоставлении ими реальных туристических услуг не было и речи, так как клиентами были бывшие наши граждане из числа этнических немцев, направлявшиеся в Казахстан не в туристических целях, а к своим родственникам, друзьям и знакомым. С такого «туризма» кормилось немало людей. Это не только искажало статистику и реальное положение дел с туризмом в стране, но и наносило прямой ущерб бюджету, так как часть консульских сборов оседала в карманах так называемых туркомпаний, а также развращенных ими отдельных сотрудников наших консульских учреждений. Так, первая же устроенная мной проверка показала недополучение посольством 200 тысяч евро визовых сборов.

Надо было срочно наводить порядок. Решили ввести аккредитацию туркомпаний при посольстве, как это делали многие иностранные посольства в Берлине, что помогло сразу же очиститься от туркомпаний-однодневок и тех, которые не стояли на учете в местных налоговых органах, не имели банковских счетов и, по сути, работали нелегально.

Принятые посольством меры были поддержаны немецкими властями, однако вызвали бурную реакцию в Казахстане. В прессе появились многочисленные заказные публикации, в которых посольство обвиняли в нарушении конкурентной среды. Более того, вмешались кое-кто и из руководства нашего МИДа, забывая, что защита конкурентной среды на немецком рынке туристических услуг не является их заботой. Пришлось напомнить им об этом.

Стало ясно, что меры посольства по наведению порядка затронули чьи-то интересы и хорошо налаженный бизнес, однако мы не поддались давлению. Ситуация в значительной мере оздоровилась, хотя это стоило мне немалых нервов.

Посольству помимо наших бывших соотечественников из числа немцев-переселенцев приходилось заниматься и нашими соотечественниками-казахами, проживающими в Германии. Казахи в Германии, в отличие от немцев-переселенцев, составляли относительно немногочисленную группу, около трех тысяч человек. Это самая большая казахская диаспора в Европе. Проживают они компактно, в основном в Кельне и незначительная часть — в Мюнхене. Большинство кельнских казахов — потомки тех, кто бежал от советской власти сначала в Китай, а оттуда через Тибет перебрался в Индию, затем на средства ООН были перевезены кораблями в Турцию. В середине 60-х годов прошлого века, когда из Турции в Германию хлынула волна гастарбайтеров, в их числе были и турецкие казахи. Они выполняли неквалифицированную работу на автомобильных заводах. И только во втором поколении среди них появилась малочисленная прослойка с высшим образованием, полученным уже в Германии. Старшее поколение остается турецкими гражданами, поддерживает тесные связи с Турцией. Они владеют казахским языком, знают обычаи предков и соблюдают их. Молодежь же, как правило, получает немецкое гражданство, родным языком в большинстве своем не владеет.

Другую относительно малочисленную группу составляют мюнхенские казахи. Это бывшие военнопленные и их потомки. Некоторые из них привлекались западными спецслужбами к борьбе против Советского Союза, отдельные работали на радио «Свобода». Как правило, не забыли родной язык.

Посольство поддерживало связь с казахской диаспорой, стремилось быть в курсе ее проблем, оказывало сильное содействие в сохранении национальной и культурной идентичности. Для переселенцев был установлен безвизовый порядок посещения Казахстана. Усилиями посольства в Кельне впервые был проведен курултай общеевропейского масштаба с участием казахов из других стран Европы (от Испании до Финляндии). Поставили две юрты (подарок посольства), организовали футбольный турнир, прибывшие из Казахстана артисты дали концерт. Выступили и местные казахи с самодеятельностью. Работала книжная выставка, готовились угощения из национальных блюд. Такие курултаи стали регулярными.

Появление на политической карте мира независимого казахского государства вдохновило зарубежных казахов, пробудило в них чувство патриотизма и гордости. В то же время среди них доминировали иждивенческие настроения, они ждали помощи от Казахстана, главным образом материального и финансового характера, что в условиях экономического кризиса считаю завышенным и, откровенно говоря, неправомерным. Наше молодое государство еще не могло, образно говоря, прикрыть наготу собственного населения, а зарубежные казахи, проживающие в благополучных европейских странах, зачастую выступали с позиции «дай то, дай это».

Хорошо помню первую встречу с мюнхенскими казахами. Их лидер, в прошлом сотрудник радио «Свобода», выступая от имени всей мюнхенской диаспоры, справедливо пожаловался, что молодежь забывает родной язык, национальные обычаи, не умеет играть на домбре, готовить национальные блюда. Поставил вопрос о том, чтобы Казахстан открыл в Мюнхене казахскую школу, прислал преподавателей и т. д. В ответ я предложил диаспоре арендовать за свой

счет помещение для занятий и жилье для преподавателя казахского языка, а мы со своей стороны обещаем дать преподавателя, обеспечить бесплатными учебниками. Кроме того, предложил направлять детей по выделенной правительством Казахстана квоте на учебу в наши вузы, где они выучат родной язык, подружатся со сверстниками, окунутся в родную среду, создадут семьи, научатся играть на национальных инструментах и готовить национальные блюда.

Мое предложение восприняли негативно, хотя, на мой взгляд, оно было весьма разумным, а главное, вполне реализуемым. К сожалению, наши европейские сородичи предпочли любить Казахстан на расстоянии и не проявляли ни малейшего желания быть чем-то полезными родному народу. Любовь же, как известно, должна быть взаимной.

В последующем такое потребительское отношение к Казахстану со стороны немецких казахов помешало включению встречи с ними в программу официального визита президента Н. А. Назарбаева в Германию. У меня не было сомнений, что они превратят встречу в жалобы и просьбы «дай-дай» вместо заинтересованного обсуждения положения на родине и своего участия в ее судьбе.

Визит состоялся 2–5 октября 2001 года. Глава государства прибывал с супругой Сарой Алпысовной, что предполагало отдельную программу для нее и доставило немало хлопот и волнений Гульсум Хабибулловне. Центральным пунктом программы были, конечно, переговоры с федеральным канцлером Герхардом Шрёдером. Они проходили в новом здании офиса канцлера модернистского стиля, был выстроен почетный караул и исполнены гимны двух стран. Разговор продолжили за обедом, который канцлер дал в честь президента в том же здании.

Обсуждались как двусторонние отношения, так и международные проблемы с акцентом на Центрально-

Азиатский регион. В подходах немецкой стороны четко просматривалась заинтересованность в стабильности в Центральной Азии, обеспокоенность возможными последствиями для региона ситуации в Афганистане, где со дня на день ожидалось начало военной акции Соединенных Штатов в ответ на террористическую атаку 11 сентября. Чувствовалось, что оценки Назарбаева представляют для хозяев большой интерес, и они рассматривают его как главу государства — регионального лидера.

Большое внимание уделили торгово-экономическому и инвестиционному сотрудничеству. В берлинском офисе «Дойче банка» состоялся бизнес-форум с участием президента и членов делегации, в котором приняли участие несколько сотен представителей крупного и среднего немецкого бизнеса. Форум подтвердил взаимную заинтересованность в дальнейшем расширении финансово-экономического сотрудничества. Были подписаны соответствующие соглашения, в том числе и между отдельными предприятиями. В частности, известная немецкая компания «Кнауф» приобрела Капчагайский завод строительных материалов и месторождение гипса в Джамбульской области. Сейчас это предприятие полностью обеспечивает казахстанский рынок гипсокартоном и другими высокотехнологичными стройматериалами.

На прогулку на яхте по реке Шпрее с деловым ужином на борту пригласили первых руководителей крупнейших немецких фирм и финансовых институтов.

На обеде в узком кругу у федерального канцлера Шрёдер обратился к президенту с личной просьбой оказать содействие во вхождении на казахстанский рынок крупной дорожно-строительной компании «Паппенбург АГ». Свою просьбу он объяснил тем, что глава фирмы — его близкий друг, который оказал ему большую финан-

совую поддержку во время избирательной кампании. Такая просьба свидетельствовала о доверии со стороны канцлера, что вызвало позитивный отклик президента. Впоследствии эта компания участвовала в строительстве автомобильной дороги между Астаной и Боровым (ныне Бурабай).

Однако это произошло не сразу. Первая, прикидочная поездка ее представителей в Казахстан, к сожалению, потерпела фиаско. На мою просьбу объяснить причины господин Паппенбург рассказал, что его люди досконально изучили, буквально прощупали будущую трассу и составили бизнес-план, который, по его мнению, был хорошо просчитан и отвечал самым высоким требованиям, предъявляемым к автомобильным дорогам в суровых климатических условиях Центрального Казахстана. Предусматривалось, что немецкая компания придет со своими технологиями, оборудованием и техникой, а также инженерами и рабочими. Использоваться будут местные материалы. Сразу же будет организовано обучение казахстанских специалистов и рабочих. После первого года строительства немецкие рабочие покинут страну, и их полностью заменят местные рабочие, прошедшие обучение. После второго года немецкие инженеры также вернутся на родину, их заменят казахстанские специалисты. Третий год — завершающий, после чего все оборудование и техника переходят в собственность казахстанской стороны. «Однако, несмотря на явную привлекательность предлагаемой схемы, наш проект был признан слишком дорогим, — сказал Паппенбург. — Хорошая дорога не может быть дешевой. Мы видели, какие дороги строят в Казахстане. Такие дороги мы строим в Афганистане, где идет война и важнее не качество, а сроки строительства, что имеет решающее значение для быстрой доставки гуманитарной помощи в

отдаленные районы. Но ведь в Казахстане нет войны и нет нужды строить дороги, которые уже через год будут требовать капитального ремонта. Наш проект предусматривает первый, даже не капитальный, а косметический, ремонт только через семь лет, в чем мы даем гарантию. Хотя формальной причиной отклонения нашего проекта была его дороговизна, но на самом деле кое-кто хотел половить в мутной воде свою золотую рыбку, но мы взятку не даем», — заключил Паппенбург.

В итоге немцы все-таки приняли участие в строительстве дороги, но преодоление искусственно создаваемых коррупционно-бюрократических препятствий потребовало немало времени, усилий и нервов.

Кстати, это далеко не первый случай, когда усилия наших посольств по привлечению инвестиций и новых технологий наталкивались на скрытое сопротивление со стороны некоторых влиятельных чиновников, стремившихся использовать ситуацию в своих корыстных интересах. Если они не видели такой возможности, то под внешне благовидным предлогом блокировали проекты и отдавали предпочтение тем партнерам, которые были менее щепетильными и более сговорчивыми в своей готовности совместно грабить казахстанский бюджет. В итоге получался результат, который изумлял своими явными пороками, и со временем, в отличие от шумного и красочного начала, проект тихо и незаметно уходил в небытие.

Западное общество, и немецкое не является исключением, удивляет некоторыми, мягко говоря, нелепостями. Для меня, получившего традиционное и здоровое нравственное воспитание, было естественным не выставлять на всеобщее обозрение свою частную жизнь, не говоря об интимной. Бравирование отклонением от естественной природной нормы, навязывание обществу «прелестей»

своей нетрадиционной ориентации, на мой взгляд, неприемлемо.

Вспоминаю по этому поводу деликатную ситуацию, возникшую во время визита президента. Немецкий протокол предусматривал обязательное посещение высоким гостем Берлинской ратуши, запись в книге почетных гостей и беседу с бургомистром столицы. Город возглавлял Клаус Воверайт, который публично объявил себя геем и демонстративно появлялся в обществе со своим партнером. Хозяева были в полной растерянности, так как Назарбаев был с супругой, что ставило немцев в затруднительное положение. Было непонятно, как быть с Воверайтом. Если гость посетит ратушу вместе с супругой, как предусматривает протокол, то вставал вопрос, а кто будет рядом с бургомистром. Обратились ко мне. Я доложил Нурсултану Абишевичу о возникшей проблеме. Как и ожидал, Сара Алпысовна, узнав о проблеме Воверайта, категорически отказалась участвовать в посещении ратуши, о чем я информировал немецких коллег, которые облегченно выдохнули. В Берлинской ратуше и на беседе с Воверайтом президент был без супруги, его сопровождал аким Астаны А. Жаксыбеков. Во время беседы он сидел рядом со своим немецким визави, который время от времени непроизвольно клал руку ему на колено. Нурсултан Абишевич заметил с юмором: «Адилбек, он, похоже, на что-то рассчитывает». Жаксыбеков так же шутливо ответил, что сам испытывает опасения, но протокол обязывает терпеть. Наконец беседа завершилась, и невинность нашего столичного акима не пострадала. Стороны остались при своих.

Визит президента изначально планировалось завершить в Мюнхене, столице Свободной Республики Бавария. Это один из красивейших городов Европы и Германии, в котором умеют принимать гостей. Бавария обладает

наиболее мощной экономикой среди федеральных земель и является привлекательным деловым партнером. Визит совпадал по времени с мюнхенским Октоберфестом — знаменитым праздником пива, на который ежегодно съезжаются со всего мира около двух миллионов любителей этого напитка. Праздник придал бы особый колорит пребыванию делегации в Мюнхене. Планировался также большой бизнес-форум. Так что заключительный аккорд визита, по замыслу посольства, должен был быть не только эффективным, но и эффектным.

Однако, к нашему глубокому огорчению, так как была проведена большая подготовительная работа, президент отказался от посещения Мюнхена и завершил визит раньше запланированного. Причиной послужила ситуация в нашем регионе, где вот-вот должны были начаться военные действия коалиции НАТО во главе с США против талибов в Афганистане. Тем не менее, весь экономический блок делегации по поручению президента посетил Мюнхен и принял участие в бизнес-форуме. Таким образом, все запланированные мероприятия были выполнены и визит послужил мощным стимулом для дальнейшего развития разностороннего сотрудничества между Казахстаном и Германией.

Важным направлением работы посольства было содействие культурным связям между двумя странами, которые развивались довольно активно. Поскольку в советскую эпоху культура Казахстана была малоизвестна в европейских странах и находилась, можно сказать, в тени, посольство делало упор на ознакомление немецкой публики с нашей культурой. Предпочтение отдавалось классической музыке как интернациональной по своей сути.

Остались в памяти гастроли в Германии известной казахстанской пианистки Жанин Аубакировой, скрипачки

Айман Мусаходжаевой, оперной певицы Майры Мухамед-кызы. Эти гастролы не были коммерческими, а носили популяризаторский характер, направленный на ознакомление немцев с казахстанскими исполнителями. По этой причине посольству приходилось прилагать немало усилий, чтобы обеспечить наших артистов престижными концертными залами. Нам помогали дружеские связи в соответствующих немецких кругах. Так, выступления наших мастеров в Берлине проходили в известном зале «Шаушпильхаус» (сейчас «Концертхаус Берлин») на Жандарменмаркт в центре столицы. Публика принимала наших музыкантов и артистов неизменно восторженно, осыпала букетами. После концерта мы устраивали дружеский ужин в ресторане. Эти посиделки запомнились приподнятым настроением от успеха и неформальным общением с этими талантливыми и интересными людьми. Они доставляли особое удовольствие Гульсум Хабибулловне, которая живо интересовалась новостями культурной жизни в Казахстане, особенно тем, что происходит в ее альма-матер — Казахской национальной консерватории им. Курмангазы.

Узнав, что в Гамбургском музее этнографии хранится богатая коллекция фотографий, снятых в начале XX века во время путешествия знаменитого немецкого ученого Александра фон Гумбольдта по Центральной Азии, и среди них много уникальных снимков, сделанных в казахских степях, посольство предприняло все усилия, чтобы организовать их выставку в Казахстане. К сожалению, нам не удалось договориться со страховыми компаниями, а без страховки музей не согласился на вывоз экспонатов в Казахстан. Финансовая проблема оказалась неразрешимой, а спонсоров в то время не нашлось.

В период работы в Германии мне исполнилось шестьдесят. На празднование юбилея приехали коллеги из со-

седних европейских стран. Из далекой Саудовской Аравии прилетел Багдад Амреев со всей семьей, из Уральска приехали мама, брат Елдос с супругой Еленой, жезде Толеген (сестра Света, к сожалению, не ко времени приболела), из Караганды — сестра Гульсум Хабибулловны Куляш с мужем Сагыном. Министр К. К. Токаев направил своего представителя с поздравлением и традиционным чапаном. Приятной неожиданностью стали золотой нагрудный знак, поздравление и личная благодарность с от главы государства, в которой он положительно оценил мой скромный труд на внешнеполитической ниве. Юбилейный вечер вел известный в Казахстане шоумен Нурлан Абдуллин, и, как всегда, блестяще.

Прибывшие из Казахстана родственники задержались, чтобы познакомиться с Германией. Они посетили Потсдам, Дрезден, Ганновер, Гамбург, Бонн и уехали полные впечатлений. Особое удовлетворение мне доставило то, что мама побывала в Германии, до которой не дошел мой отец, павший в свои 27 лет в боях с немецкими захватчиками под Москвой.

В конце сентября 2002 года, собираясь в очередной отпуск, решил пройти медицинский осмотр. Это оказалось более чем своевременным, так как врачи сочли необходимым срочно провести мне операцию по аортокоронарному шунтированию сосудов сердца. Операцию проводил знаменитый профессор Хетцер, руководитель Немецкого кардиологического центра при берлинской клинической больнице «Шарите». Все прошло успешно. После операции последовала месячная реабилитация в специализированном санатории под Берлином, которая заменила отпуск. Мне повезло, что опасная проблема с сердцем была обнаружена именно в Берлине, где делали подобные высокотехнологичные операции. В Москве, например, такие

операции в то время делал только известный хирург Акчурин, а в Казахстане их еще и не делали.

Когда исполнилось три года моего посольского срока в Германии, день в день получил сообщение о завершении командировки и возвращении на родину. Такая пунктуальность меня неприятно удивила, словно кто-то специально отслеживал и спешил доставить мне это «удовольствие». Само по себе решение было нормальным, однако я не помнил случая, чтобы это было день в день. Обычно трехлетний срок относился к году исполнения этого срока, но не к конкретной дате. Но меня расстроило не это, хотя и оставило неприятный осадок. Такое решение лишало меня возможности завершить уже начатые важные дела. Среди них главным была многомесячная подготовительная работа по организации первого в истории казахстанско-германских отношений официального визита федерального канцлера ФРГ в Казахстан.

Наша страна, как и весь Центрально-Азиатский регион, никогда не входила в число приоритетов внешней политики Берлина. Этим объясняется, что со времени установления дипломатических отношений в феврале 1992 года, то есть за одиннадцать лет, немецкий канцлер ни разу не был в Казахстане, в то время как наш президент уже трижды посещал Германию с официальными визитами. Очевидно, что наши политические контакты на высшем уровне нуждались в определенной сбалансированности. С этой точки зрения визит Г. Шрёдера в Астану имел для нас большое значение.

Посольство приложило огромные усилия, чтобы побудить Берлин к такому шагу. Трудность заключалась в том, что график визитов федерального канцлера формировался на два года вперед, и в нем места для Казахстана не было. Предстояло переломить ситуацию, чтобы включить визит

в график на текущий, 2003 год. Пришлось задействовать все возможности, включая «тяжелую артиллерию» в лице бывшего канцлера-объединителя Гельмута Коля, его соратника Ганса-Дитриха Геншера, Гернота Эрлера и других влиятельных депутатов Бундестага и др. В итоге удалось договориться об официальном визите канцлера в Казахстан в декабре 2003 года, совместно с немецкими коллегами проработали содержательную часть визита.

И вот теперь, когда оставалась пара месяцев до визита, надо уезжать, оставив плоды многомесячного напряженного труда другому, что было явной несправедливостью. Было обидно, так как такая спешка с возвращением была необоснованной.

Успехи посольства в Германии целиком и полностью являются заслугой коллектива, в котором работали хорошо подготовленные и ответственные сотрудники. Многие отлично владели немецким языком, обладали глубокими страноведческими знаниями, обрели достаточный опыт в предыдущих зарубежных командировках, ранее работали в центральном аппарате МИДа и в научных учреждениях.

Самой высокой оценки и добрых слов заслуживает советник Бақытжан Изтлеуович Исенгалиев, который возглавлял ведущую экономическую группу. Кандидат экономических наук, прошедший научную школу МГУ им. М. Ломоносова, он обладает хорошими аналитическими способностями и организаторским даром, умеет устанавливать и поддерживать дружеские связи в финансовых и предпринимательских кругах, чутко отслеживает деловую конъюнктуру и тенденции на рынке. Интересный собеседник с широким кругозором, Бақытжан и его привлекательная и всегда приветливая супруга, Алия Байжановна, во многом обогатили и скрасили нашу с Гульсум Хабибул-

ловной жизнь в Германии. Мы благодарны им за теплоту и дружбу, которую высоко ценим и поддерживаем и сейчас.

Бақытжан ранее возглавлял Генеральное консульство во Франкфурте-на-Майне. Учитывая его высокие деловые и личные качества, я предложил министру ввести в посольстве должность советника-посланника и назначить на нее Исенгалиева, на что получил согласие. Однако хорошие работники нужны везде. Вскоре Бақытжан получил предложение занять должность вице-министра транспорта и коммуникаций. Я не считал себя вправе препятствовать его карьерному росту, и он уехал на новое место работы в Астану.

На должности советника-посланника Бақытжана сменил Болат Клычбаевич Султанов. Кандидат исторических наук, в прошлом один из ведущих ученых в Институте стратегических исследований при Президенте РК, он возглавил политическую группу и внес весомый вклад в развитие казахстанско-германских политических контактов, в изучение политических процессов в стране. Впоследствии Султанов многие годы, вплоть до выхода на пенсию, возглавлял Институт стратегических исследований, обрел широкую известность как политолог, чье мнение ценилось экспертным сообществом.

Группу культурно-гуманитарных связей возглавлял советник Адильбек Альжанов, ученый-филолог, германист, в прошлом проректор АГУ им. Абая. По характеру активный и инициативный, он сумел стать своим человеком в творческой среде немецкой столицы. Великолепно владея немецким языком, Адильбек напряженную работу в посольстве успешно совмещал со своими научными интересами, подготовил первый казахско-немецкий словарь. Уроженец Атырауской области, он говорил на сочном, образном казахском языке, писал хорошие стихи. Очень жаль, что та-

кой талантливый и разносторонне развитый человек рано ушел из жизни. В моей памяти он останется как подлинный казахский интеллигент, ученый, который и на дипломатическом поприще проявил себя наилучшим образом.

Генеральное консульство во Франкфурте-на-Майне возглавлял Мурат Марданович Атанов, профессиональный юрист, сыгравший заметную роль в становлении договорно-правовой службы МИД независимого Казахстана. После работы в Германии несколько лет был главой правительственной делегации Казахстана по делимитации и демаркации государственной границы. На этой работе наиболее ярко проявились его лучшие качества переговорщика. В 2005 году Мурат Марданович сменил меня в должности посла в Туркменистане. В июне 2008 года, в возрасте 56 лет он скоропостижно скончался на работе. Его смерть потрясла всех коллег и товарищей. Очень жаль, он мог еще много пользы принести на службе Отечеству.

М. М. Атанова во Франкфурте-на-Майне сменил Нурлан Баймолданович Онжанов, выпускник Берлинского университета им. братьев Гумбольдт. Он проявил себя самым положительным образом и вскоре был назначен вице-министром иностранных дел. В дальнейшем был послом в ФРГ, помощником президента по международным вопросам. Сейчас возглавляет Канцелярию Президента Республики Казахстан.

Консул в Ганновере Нурлан Мусатаевич Сейтимов вырос до посла в Таджикистане, ответственного секретаря МИД РК. В настоящее время является послом в Эстонии.

В посольстве большое внимание уделялось профессиональному росту и воспитанию молодых дипломатов. Они отбирались в основном из «болашаковцев», так как хорошо владели немецким языком и знали реалии страны пребывания. Некоторые из них, получив карьерный старт

в посольстве в Германии, со временем стали крупными политиками, как Бауржан Кадыргалиевич Байбек (аким г. Алматы, первый заместитель председателя партии «Нур Отан»), видными дипломатами, как Денис Игоревич Рогов (генеральный консул в Мюнхене), руководящими менеджерами, как Ануар Сагыналиевич Омарходжаев (зампредседателя правления холдинга «Байтерек»).

В октябре 2003 года мы с Гульсум Хабибулловой, завершив миссию в Германии, вылетели на родину.

Туркменистан

На первой же встрече после возвращения из Германии министр К. К. Токаев при обсуждении моих дальнейших служебных перспектив высказал мнение, что до достижения пенсионного возраста я мог бы поработать послом в Таджикистане или Туркменистане, где имеются вакансии. В случае моего согласия он выразил готовность внести такое предложение на рассмотрение главы государства. Я согласился на Туркменистан, где ранее приходилось бывать по каспийским делам. На мой выбор оказало влияние и то обстоятельство, что эта закрытая от внешнего мира страна возбуждала любопытство. Гуляло множество невероятных слухов о порядках, установленных ее лидером, Сапармуратом Атаевичем Ниязовым²⁷, которого из-за его культа личности иронично называли «Супермуратом». Одно дело — бывать в стране кратковременными наездами, другое — жить и работать там, непосредственно наблюдать, что происходит, и, как говорится, пощупать своими руками.

Вскоре был получен агреман туркменской стороны на мое назначение послом, вышел соответствующий указ президента. Глава государства дал общие установки и напутственные инструкции и отметил, что Ашхабад находится в международной изоляции, и мы — одни из немногих, кто поддерживает с Туркменистаном более-менее нормальные отношения, которые нужно развивать и дальше, особенно в сфере торгово-экономического сотрудничества, где дела обстоят не лучшим образом. Поручил присмотреться к Сейдинскому нефтеперерабатывающему заводу в г. Чарджоу, который работал лишь на треть мощности из-за нехватки сырья. Порекомендовал встретиться с Тимуром Кулибаевым, тогда первым вице-президентом

²⁷ См. биографическую справку, стр. 335.

национальной компании «КазМунайГаз», и детально обсудить этот вопрос. В заключение беседы Назарбаев пожелал успехов и заметил, что в оставшееся до пенсионного возраста время мне нужно поработать послом.

Надо сказать, что я относился к числу немногих послов, которые при назначении удостоивались чести иметь личную беседу с главой государства и из первых рук получить от него директивы. Так было при назначениях послом в Иран и Германию, так было и на этот раз.

В тот же день встретился с Кулибаевым, который подробно рассказал, что Сейдинский НПЗ в советское время снабжался нефтью по трубопроводу Омск — Павлодар — Чимкент — Чарджоу, однако уже несколько лет простаивает из-за нехватки сырья в связи с прекращением поставок российской нефти. Казахстан готов поставлять до двух миллионов тонн нефти в год, если Ашхабад согласится уступить нам 50 % акций НПЗ. «Такова суть нашего предложения», — заключил он.

Через несколько дней после новогодних праздников мы с Гульсум Хабибулловой вылетели к новому месту работы. Начинались хорошо знакомые посольские заботы. Но в то же время было много необычного и даже парадоксального. Все, что приходилось слышать о ниязовском Туркменистане, подтвердилось, и даже с лихвой. Начну с вручения верительной грамоты.

На третий день пребывания в Ашхабаде мне сообщили, что завтра в восемь утра состоится вручение верительной грамоты президенту в его дворце. Во время предварительной беседы о процедуре вручения шеф Протокола порекомендовал обращаться к президенту «вечно великий Сердар», то есть «вождь». Однако я проигнорировал этот совет и обратился «уважаемый господин президент» — так, как мы обращаемся к своему президенту.

Само событие проходило в рабочем кабинете Ниязова в обыденной обстановке, без всякой торжественности. Хозяин, как я позже убедился, не только кабинета, но и всей страны, встретил, несмотря на зимнее время, в белой рубашке с короткими рукавами. На темно-синем галстуке сверкал крупный бриллиант. Бриллиантами были унизаны и пальцы, ими были украшены даже пряжка и кончик поясного ремня. В свете ламп все сверкало, как на новогодней елке.

Я передал теплый привет от Н. А. Назарбаева и его слова о заинтересованности Казахстана в добрососедских отношениях и всестороннем сотрудничестве между нашими странами, вручил свою верительную грамоту, которую Ниязов передал стоявшему позади министру иностранных дел Р. Мередову. Пригласил для беседы за большой овальный стол. Со мной были старшие дипломаты посольства, с туркменской стороны — только один Мередов, который сначала сел рядом с Ниязовым, но после его косога взгляда испуганно вскочил и далее стоя вел запись беседы. Тогда это вызвало у меня удивление, но позже я многократно убеждался, что стоя записывать «мудрые» изречения Туркменбаши — привычная норма для туркменских министров.

Беседу Ниязов начал с заявления о том, что казахи в свое время силой захватили принадлежавший туркменам полуостров Мангышлак. Добавил, что он говорит об этом не к тому, чтобы требовать его возвращения, однако историческую правду надо признавать. Можно представить мое состояние: я только что передал дружеские слова Назарбаева, а в ответ прозвучали фактически территориальные претензии, хотя и с оговоркой. В голове пронеслось, что я как посол ни в коем случае не должен оставить такой выпад без внимания. Неуместность подобных слов во вре-

мя вручения верительной грамоты послом дружественной страны была очевидна. Подумал: ничего себе вручение!

Следующий выпад касался каспийской проблемы. Ниязов обвинил Казахстан и Россию в том, что они, как он выразился, «выдумали какую-то модернизированную срединную линию для разграничения на Каспии» и создали для Туркменистана трудности во взаимоотношениях с Азербайджаном.

Дальше — больше. Ниязов риторически воскликнул: «Кто-нибудь в Казахстане слушается Назарбаева?! Он при мне трижды давал указание погасить долг Казахстана перед Туркменистаном, однако он все еще не погашен. Как можно доверять вашим словам о желании развивать сотрудничество, если вы не платите долги?» — заявил он. В заключение Ниязов сказал, что ему рассказывали о том, что «в Астане под видом казахских ювелирных изделий продают туркменские серебряные украшения. Это же не хорошо!»

Наступила моя очередь. К этому времени я уже успокоился и продумал свои ответы на высказывания туркменского лидера. Насчет захвата полуострова Мангышлак ответил, что мне пришлось читать, что когда Петр Первый направил князя Берковича-Черкасского к хивинскому хану, его на восточном берегу Каспийского моря, на Мангышлакском полуострове встречали и вели с ним переговоры туркменские беки. Однако казахи, как и туркмены, были кочевым народом, и если следовать по следам копыт наших коней, то они могут увести очень далеко. В случае продолжения Ниязовым этой темы собирался напомнить, что в сорока километрах от Ашхабада расположено его родное село Кипчак, которое носит название одного из крупных казахских родов, однако хозяин кабинета не стал развивать эту тему.

Я твердо заявил, что президент Н. А. Назарбаев полностью контролирует ситуацию в стране, и у нас не бывает, чтобы кто-то не выполнил его распоряжение. Что касается казахстанского долга, то обеим сторонам хорошо известна история его образования. «Этот долг возник из-за разницы в курсах наших национальных валют, когда Россия неожиданно вытеснила и вас и нас из рублевой зоны. По подсчетам наших специалистов, эта разница составляет 17 миллионов долларов, по вашим данным — 50 миллионов. Мы неоднократно предлагали, чтобы эксперты обеих сторон вместе вывели согласованную цифру долга, и, какой бы она ни была, мы в тот же день перечислим деньги», — заявил я.

Напоследок остановился на ювелирных украшениях. Сказал, что я, как уроженец Западного Казахстана, граничащего с Туркменистаном, затрудняюсь отличить наши украшения от туркменских, так как они очень похожи. Неудивительно, что кто-то мог перепутать их. «Чьи бы они ни были, главное, чтобы пользовались спросом», — закончил я свою часть беседы.

В завершение беседы Ниязов сказал, что по его поручению в мою честь будет дан обед, и пожелал успехов в работе. На выходе руководитель аппарата президента Туркменистана Сапаров вручил памятный подарок в виде красиво упакованного небольшого туркменского коврика. Журналисты взяли короткое интервью.

Обед устроили вице-премьер, министр здравоохранения Гурбангулы Бердымухамедов (ныне президент Туркменистана) и вице-премьер, министр культуры и радиовещания Гозель Нуралиева. Состоялась неформальная оживленная беседа. Верховодил Бердымухамедов, который много шутил и показал себя общительным и гостеприимным хозяином. На этом протокольная часть вруче-

ния верительной грамоты завершилась, и я официально приступил к исполнению своих обязанностей в качестве уже аккредитованного посла.

В тот же день отправил сообщение в Астану о своем вступлении в должность и беседе с Ниязовым, в котором сгладил острые углы его высказываний, так как они звучали явным диссонансом дружественному посланию Н. А. Назарбаева и их цитирование не способствовало бы укреплению личных отношений между двумя лидерами. Слова Ниязова я отнес к его широко известным причудам и особенностям характера. Тем не менее, содержание беседы довел до министра иностранных дел без всяких прикрас.

Вскоре появились первые признаки того, что недружественные по отношению к Казахстану выпады при вручении верительной грамоты были не просто очередной причудой туркменского лидера. Было откровенное игнорирование моих запросов о встречах с туркменскими министрами. Более того, на мои настойчивые обращения о встрече с министром иностранных дел ответ был дан только через два месяца, что является грубым нарушением дипломатического протокола и международной практики.

Надо сказать, что в начале 2000-х годов, когда я начал работать в Ашхабаде, казахстанско-туркменские отношения находились в упадке. Товарооборот между нашими странами не превышал пятидесяти миллионов долларов, фактически прекратился культурный обмен. Между двумя соседними государствами не было ни железнодорожного, ни автомобильного сообщения. Исключение составляли два рейса в неделю «Туркменских авиалиний», которые позже были отменены.

Не было ни одного совместного экономического проекта, как и взаимных инвестиций. Серьезной деградации

подверглись гуманитарные контакты. Казахское население Туркменистана, насчитывавшее около двухсот тысяч человек, сократилось почти вдвое. Из сорока казахских национальных школ не осталось ни одной.

Казахи последовательно вытеснялись с руководящих должностей в государственных структурах. Отсутствие перспектив и постоянные притеснения вынуждали их перебираться на историческую родину, однако и в этом им чинились препятствия. Так, не разрешалось продавать по рыночной цене принадлежащие им дома и квартиры, без чего они не могли получить средства на приобретение жилья в Казахстане. Зачастую жилье у выезжающих просто отбиралось в пользу государства как безвозмездно полученное ими в советское время.

На этом фоне вызывало удивление награждение моего предшественника туркменским орденом. Создавалось впечатление, что Ниязов этой наградой отметил постоянные восхваления в свой адрес на публичных мероприятиях, на которые мой предшественник, по рассказам коллег, не скупился.

Не откладывая в долгий ящик, решил съездить в Чарджоу и ознакомиться с Сейдинским НПЗ. Провел там два дня, посмотрел завод, поговорил с директором и другими специалистами. Было ясно, что при стабильных поставках нефти завод обладает всеми возможностями быстро выйти на полную производственную мощность.

Вскоре после возвращения из Чарджоу наряду с другими иностранными послами был приглашен на военные маневры под Ашхабадом. Перед их началом Ниязов обошел гостей, поздоровался за руку с каждым. Подошел и ко мне. Заметил, что я много езжу и, как он выразился, «инспектирую». Стало ясно, что ему уже доложили о моем посещении Сейдинского НПЗ. Я объяснил, что это была

деловая поездка и у нас есть предложение, которое хотел бы обсудить с уполномоченным представителем туркменской стороны. Ниязов пообещал, что со мной в ближайшее время встретится вице-премьер, курирующий топливно-энергетический комплекс.

Действительно, на следующий день меня пригласили к вице-премьеру, которому я изложил наше предложение о поставках нефти на Сейдинский НПЗ по имеющемуся трубопроводу и нашу заинтересованность в 50 % акций завода. Отметил, что в случае возобновления полноценной работы предприятия имеется достаточно емкий рынок сбыта нефтепродуктов на севере Ирана. Подчеркнул выгодность предложения, реализация которого позволит не только полностью восстановить работу НПЗ и обеспечить рабочими местами население, но и принесет хороший доход в бюджет государства. Собеседник обещал изучить предложение и дать ответ.

Это не потребовало много времени. Уже через день вице-премьер сообщил, что наше предложение не заинтересовало туркменскую сторону. Стало понятно, что ответ исходит от самого Туркменбаши. Полагаю, ему не понравилась идея уступки нам 50 % акций предприятия.

К сожалению, это не единичный случай, когда, казалось бы, очевидно выгодные и привлекательные деловые предложения казахстанской стороны отвергались без серьезных на то оснований. Так было с казахстанской геологоразведочной компанией, которой после нескольких лет успешной работы в Туркменистане было отказано в продлении контракта. Отвергли и наше предложение о строительстве транзитной узкоколейной железной дороги, соединяющей железнодорожные системы Китая и Ирана через территории Казахстана и Туркменистана. Были и другие проекты, которые не нашли поддержки туркменской стороны.

Неповоротливость и неэффективность туркменского государственного аппарата служили серьезным препятствием на пути налаживания делового сотрудничества с Ашхабадом. На это жаловались многие мои коллеги, измученные инертностью и некомпетентностью туркменских чиновников. Механизм принятия решений был односторонне ориентирован только снизу вверх и замкнут на единственном центре принятия решений — лично на Ниязове. Это полностью исключало всякую инициативу со стороны нижестоящих звеньев государственного аппарата. На эту порочную систему накладывались широко распространенная коррупция и ничем не ограниченный произвол самого Туркменбаши.

Ярким свидетельством уровня эффективности и оперативности государственного аппарата является тот факт, что более двухсот нот посольства месяцами ждали ответа, а то и вовсе оставались без него, а ведь среди них были и деловые письма наших вице-премьеров и министров своим туркменским коллегам, содержащие конкретные предложения по вопросам сотрудничества. На такое положение жаловались и многие мои коллеги-послы.

С другой стороны, трудно было ожидать иного в стране, где культ личности карликового диктатора достиг непомерных масштабов и приобрел гротескный характер. Титул Туркменбаши («глава туркмен»), обращение «Вечно великий Сердар» были лишь малой толикой проявления культа Ниязова. По всей стране были установлены более четырнадцать тысяч позолоченных бюстов Ниязова, в том числе его огромная, четырнадцатиметровая позолоченная статуя стоимостью 10 миллионов долларов в центре столицы, вращающаяся вслед за солнцем. Правда, остряки говорили, что это не статуя поворачивается вслед за солнцем, а солнце вращается вокруг фигуры Туркменбаши. Не исключаю, что рассчитывали именно на такое впечатление.

Портреты Туркменбаши висели повсюду, они украшали даже этикетки алкогольных напитков. Дело доходило до того, что один из вице-премьеров на полном серьезе предлагал переименовать страну в Ниязовскую Туркмению, по примеру Саудовской Аравии. Поэты и писатели в верноподданническом порыве называли Ниязова «посланником Аллаха туркменскому народу», «тенью Пророка на земле», прибегали к другим не менее кощунственным сравнениям. Туркменское радио и телевидение ежедневные передачи начинали с клятвы верности Туркменбаши. С таких же клятв начинались и занятия во всех учебных заведениях страны. Стало обязательным целование его правой руки, унизанной бриллиантами.

Можно долго перечислять проявления непомерного культа Ниязова, но думаю, что сказанного достаточно, чтобы читатель представил всю глубину болезни, поразившей туркменское общество. Ничем не ограниченная, абсолютная власть развращает и, как правило, порождает абсолютный произвол. В стране были запрещены ввоз и распространение любых иностранных изданий и газет, трансляция российского телевидения. Закрылись Академия наук, Театр оперы и балета, цирк и Союз кинематографистов как «чуждые культуре туркмен».

Свое правление Ниязов назвал «золотым веком» туркмен. Распорядился разделить человеческую жизнь на двенадцатигодичные циклы: детство заканчивалось в 13 лет, юность — в 25, молодость — в 37, возраст мудрости наступал в 73 года. Себя он относил к «возрасту вдохновения», который продолжается от 61 до 73 лет.

Ввел новый календарь: январь назывался Туркменбаши, апрель — Гурбансолтан-эдже (мать Ниязова) и т. д. Дни недели превратились в «главный день» (понедельник), «молодой день» (вторник), «подходящий день» (среда) и т. п.

Затем очередь дошла и до названий улиц, которые были упразднены и стали обозначаться порядковыми номерами.

Во всех учебных заведениях стало обязательным изучение книги «Рухнама», приписываемой перу Туркменбаши. Верхом кощунства стало размещение на стенах крупнейшей новой мечети цитат из «Рухнамы» вместо изречений из священного Корана.

Многие нововведения Туркменбаши были поразительно алогичными и парадоксальными. Так, страна закупала в больших количествах самое современное медицинское оборудование — и одноразовым актом Туркменбаши были уволены пятнадцать тысяч медицинских работников, что вызвало коллапс всей системы здравоохранения. Больницы остались только в столице, в остальных местах их попросту закрыли.

Действовали беспрецедентные даже для монархий Персидского залива социальные льготы, такие как бесплатные газ и электричество, копеечные по цене транспортные и коммунальные услуги, почти беспроцентные кредиты — и в то же время было отменено пенсионное обеспечение, а обязанность содержать престарелых родителей возлагалась на их детей. Собственноручная публичная раздача Ниязовым долларовых премий на праздничных мероприятиях при действующем законодательном запрете обращения иностранной валюты. Финансировалось строительство многочисленных великолепных жилых зданий, которые годами пустуют без жильцов, потому что недоступны по цене.

В то же время, при всем вызывающем оторопь самодурстве Туркменбаши, ему удалось добиться серьезных достижений благодаря главным образом доходам от продажи основного богатства страны — природного газа. Туркменистан, как известно, по запасам природного газа

занимает четвертое место в мире. Для небольшого государства, насчитывающего около пяти миллионов населения, это, конечно, огромные ресурсы. Надо признать, что Ниязов не дал западным акулам захватить природные богатства страны, ни одно месторождение, будь то газа или нефти, не было отдано в руки иностранцев. Иностранные компании, несмотря на всяческие их посулы, допускались только к разведке и разработке морских месторождений, где Туркменистан не обладал ни опытом, ни технологиями, ни оборудованием. Однако к месторождениям на суше их не подпускали. Исключение было сделано только для китайцев, но в этом решении была изрядная доля политических соображений, а не только экономический интерес.

Одним из первых крупных проектов стала реконструкция и модернизация Туркменбашинского нефтеперерабатывающего завода, проведенная японцами и рядом западных компаний. Инвестировано полтора миллиарда долларов, и получился целый комплекс нефтеперерабатывающих заводов, продукция которых полностью обеспечивает внутренние потребности страны и идет на экспорт. Значительно улучшилась глубина переработки, расширился ассортимент, который включает практически все виды высококачественных нефтепродуктов.

Серьезные успехи достигнуты и в развитии хлопкоперерабатывающей и текстильной промышленности. Построены более десятка предприятий практически во всех веляях (областях), что позволило значительно увеличить мощности по переработке хлопка. Современные текстильные фабрики производят качественные хлопчатобумажные ткани, а также готовые изделия, пользующиеся высоким спросом на Западе.

Приобретение сотен высокопроизводительных американских хлопкоуборочных комбайнов существенно укре-

пило техническую базу ведущей сельскохозяйственной отрасли, позволило полностью исключить использование детского труда на уборке хлопка, что, в свою очередь, открыло европейский рынок для конкурентоспособных изделий из туркменского хлопка: европейские страны бойкотируют товары, в производстве которых используется детский труд.

Построены тысячи километров качественных автомобильных дорог, соединяющих все областные центры страны. Железные дороги состыковали с иранскими (Серахс — Теджен), что превратило Туркменистан в транзитный коридор, через который проходит более 80 % грузов, перевозимых по железной дороге страны.

Полностью обновился самолетный парк государственной авиакомпании «Туркмен хова уоллары» за счет приобретения десятков новых «боингов», которые обслуживают как международные, так и внутренние авиалинии. В столице и областных центрах построены современные аэропорты.

Но наиболее впечатляющим и наглядным свидетельством произошедших за годы независимости изменений является сам Ашхабад и его окрестности. За время правления Ниязова столица, напоминая в советское время захолустный областной городок, превратилась в красавицу, застроенную великолепными зданиями в восточном стиле, украшенную многокилометровыми фонтанами и оригинальными скульптурными группами. Все здания облицованы белым итальянским мрамором и ночью эффектно освещаются прожекторами. Можно с полным основанием утверждать, что туркменская столица — самый красивый город во всей Центральной Азии. Она по праву занесена в Книгу рекордов Гиннеса как самый беломраморный город мира.

Не меньшее впечатление производят преобразовавшиеся окрестности столицы. Они, как и сам город, засажены различными породами хвойных деревьев. Посадки простираются на многие тысячи гектаров вокруг города. К каждому дереву подведено капельное орошение, трубки которого ежедневно самотеком наполняются водой из построенных на возвышенностях огромных цистерн. Знойная пустыня, окружавшая Ашхабад в недавнем прошлом, за считанные годы превратилась в зеленый оазис. Изменился климат вокруг города, в нем уже нет прежней изнуряющей жары и тоскливого однообразия серо-желтых песков.

Туркменбаши по праву гордился своей преобразившейся столицей, где проект каждого вновь построенного здания проходил через его придирчивую экспертизу и утверждался им лично. Рассказывают, когда узбекский коллега И. Г. Каримов спросил, не опасается ли он, что после смерти все эти золоченные статуи и портреты будут убраны, а его имя предано забвению, Туркменбаши якобы ответил, что это вполне возможно, однако Ашхабад останется, и его преобразование в беломраморного красавца всегда будут связывать с его именем. Не знаю, правда это или нет, но бесспорно одно: Ниязов действительно соорудил себе вечный памятник.

Меня несколько удивлял повышенный интерес, который обычно проявляли к Туркменистану мои друзья и знакомые. Видимо, это объяснялось закрытостью страны и сообщениями в СМИ о причудах Туркменбаши, которые казались им невероятными. Помню, как в один из приездов в Алматы меня с пристрастием расспрашивал наш известный поэт Какимбет Салыков, которого я хорошо знал еще по Москве. Он сказал, что был лично причастен к возвышению Ниязова, и рассказал, что, будучи инспектором орготдела ЦК КПСС, проверял работу партийной организации Туркмен-

ской ССР. Перед ним была поставлена задача присмотреть кандидатуру, которая в будущем могла бы заменить первого секретаря ЦК КПТ М. Гапурова. В ту командировку Какен и познакомился с Ниязовым, тогда первым секретарем Ашхабадского горкома партии. «Он произвел на меня положительное впечатление, — рассказывал Салыков, — выделялся среди туркменских функционеров хорошим образованием, грамотностью и деловитостью. В своем отчете я отметил Ниязова, и он вскоре был взят на “обкатку” в орготдел ЦК КПСС. Оттуда уже пошел на пост председателя Совета министров, а затем и первого секретаря ЦК КПТ. Так что Ниязов в некотором роде является моим крестным. Передай ему от меня привет», — попросил Какен.

Я постарался уклониться от выполнения его просьбы, тактично объяснив удивленному Салыкову, что все, кто помнит Ниязова, когда он еще не был «Вечно великим», сидят в тюрьмах или находятся в бегах. Действительно, как подсчитал один из моих коллег-послов, за время правления Туркменбаши более трехсот чиновников, от руководителя этрапа (района) и выше, подверглись репрессиям. Так что распространенная в ашхабадском дипкорпусе шутка о том, что Туркменистан является единственной страной, где взятку дают не за то, чтобы назначили министром, а за то, чтобы им не назначили, имеет под собой основание.

Причуды Туркменбаши не миновали и дипкорпус. Мне рассказывали, как на приеме он заставил китайского посла выпить большой фужер водки. Тот без сознания упал на месте. Я не поверил этой истории, но пришлось убедиться в ее правдивости на очередном приеме по случаю Дня Независимости.

Туркменбаши сидел на подиуме, по сторонам от него — вице-премьеры. Дипкорпус расположился в зале. Там же стояла кафедра, с которой произносили свои поздравли-

тельные речи заранее отобранные послы. Когда очередь доходила до очередного выступающего, тот выходил к кафедре, и министр иностранных дел Мередов мелкими шажками, чтобы не разлить, подносил ему полный фужер водки. Закончив поздравление, посол шел с этим фужером в руке к подиуму, чокался с Туркменбаши и вице-преьерами и до дна выпивал, после чего возвращался на место. Все шло по отработанному сценарию и ничто не предвещало неожиданностей. Вдруг вызвали посла Ирана, и зал замер. Иранец произнес свою речь, но когда Мередов поднес ему традиционный фужер водки, наотрез отказался брать его в руки. Туркменбаши велел убрать телекамеры, но это не помогло. Посол не поддавался на уговоры. Тогда Туркменбаши подозвал его и после недолгого препирательства объявил, что смочил кусочек сахара в водке и заставил посла съесть. «Да-а, — подумал я про себя, — есть что вспомнить и о чем рассказать внукам».

Во внешних делах Ашхабад придерживался политики нейтралитета. Для такой небольшой страны, как Туркменистан, учитывая ее геополитическое положение, это, на мой взгляд, было удачным решением. Однако Туркменбаши использовал нейтралитет для самоизоляции страны. Со всеми странами, включая бывшие советские республики, действовал визовый режим, а для туркменских граждан требовались еще и выездные визы. Передачи российского телевидения, как я уже говорил, были запрещены, а спутниковые антенны, которыми пользовалось население для восполнения информационного вакуума, время от времени изымались в ходе массовых кампаний. Максимальное ограждение населения от внешнего влияния создавало благоприятные условия для насаждения мифа о «золотом веке» туркмен и пропагандистских выдумок о «счастли- вом правлении Вечно великого Сердара».

Многие задаются вопросом, чем объяснить появление феномена Туркменбаши в постсоветской стране, где на протяжении 75 лет господствовала коммунистическая идеология. Вряд ли можно дать однозначный ответ. Установлению Ниязовым режима, намного превосходящего любую из известных в истории средневековых восточных деспотий, способствовали, на мой взгляд, несколько факторов. Думаю, немаловажную роль сыграло наличие у Туркменистана огромных запасов газа, доходы от которого позволяли Ниязову обеспечить, как уже говорилось, значительные социальные льготы, что, в свою очередь, благоприятствовало созданию образа «благодетеля» нации, отца всех туркмен. Изоляция страны от внешнего мира также сыграла свою роль в пропагандистском обслуживании культа его личности и созданных им мифов.

Как известно, короля делает свита. Так и культ личности создается не самой личностью, а ее окружением, и делается это исключительно для собственного блага этого самого окружения. Для туркменского общества, как отмечают многие, даже в советское время были характерны мышление и уклад жизни, присущие родо-племенным отношениям, не до конца были изжиты рудименты патернализма феодального типа. Туркмены, как правило, избегали обсуждать режим, тем более «вождя», но если удавалось их разговорить, то искренне утверждали, что их устраивает, когда есть один правитель, который решает за них и берет ответственность на себя, и они готовы без обсуждений выполнять любые его решения. Так было для них и привычно, и удобно.

В связи с этим вспоминаю, как Туркменбаши на ежегодном заседании Совета старейшин с присущим ему «демократическим» кокетством объявил, что считает необходимым в следующем году провести выборы президента,

так как он слишком долго занимает этот пост. Тут началось столпотворение и стенания, так как яшули (уважаемые аксакалы), расталкивая друг друга, устремились к трибуне и начали слезно умолять Туркменбаши не оставлять свой народ, который пропадет без его «счастливого правления». «Вечно великий Сердар» милостиво согласился с «волей народа» и вновь остался на своем посту без всяких, даже формальных, выборов. Этот спектакль повторялся из года в год.

Национальная традиция «вождизма», наложенная на комплексы обделенного судьбой сироты, дорвавшегося до верховной власти, придала причудливые, гротескные формы культуре личности Ниязова. В восьмилетнем возрасте он остался круглым сиротой и воспитывался в детском доме. Родственники, вопреки туркменским родовым обычаям, не приняли участия в его судьбе, что на всю жизнь оставило травму в его душе. Видимо, поэтому Туркменбаши не признавал никаких родственных связей, не занимался продвижением родственников на государственные посты.

Имелось еще одно обстоятельство, которое подогревало диктаторские амбиции Туркменбаши. Было явное противоречие между огромными природными богатствами страны и ее незначительным политическим весом даже в региональном масштабе. Желание если не быть, то хотя бы казаться в глазах собственных подданных политиком «мирового уровня», как любила писать туркменская пресса, подталкивало его к таким действиям, которые, в его понимании, достойны великих властителей. К тому же его съедала жгучая зависть к своим вышедшим из общего советского прошлого более крупным и мощным соседям. Именно этим взлелеянным сиротским детством чувством объясняется, на мой взгляд, его плохо скрытая неприязнь к своим более авторитетным коллегам в регионе, которые,

в свою очередь, относились к нему довольно иронично, с чувством легкого снисхождения.

Я с возмущением ознакомился с доверительной информацией от российских коллег о телефонном разговоре Ниязова с В. В. Путиным, в котором он негативно отзывался о руководителях соседних государств, об инициативе Казахстана о создании Союза центральноазиатских государств. Туркменбаши перестал сдерживать себя и в публичных выступлениях. Так, на торжественном собрании по случаю сбора пшеницы заявил, что был вынужден перейти к политике самообеспечения зерном из-за отказа России, Украины и Казахстана помочь в трудный момент, когда запасов муки оставалось лишь на три месяца. «Назарбаев хотел продать нам пшеницу по сорок долларов США за тонну», — заявил он.

Туркменская сторона последовательно гасила все казахстанские инициативы, направленные на оживление двусторонних отношений. Крайнее раздражение Ашхабада вызывали перепечатки в казахстанской прессе материалов из зарубежных СМИ с критикой ниязовского режима. Отсылки к свободе прессы совершенно не воспринимались.

Как упоминалось раньше, уже с первых дней работы в Туркменистане я стал ощущать явно пристрастное внимание к своей персоне. Впервые оно проявилось при вручении верительной грамоты. Игнорировались обращения казахстанских ведомств и ноты посольства, а также наши многочисленные деловые предложения. Новым поводом послужила моя попытка заступиться за пожилого казаха, подвергнутого физическому насилию со стороны полиции при явно незаконном выселении из своего дома. Туркменский министр иностранных дел счел это вмешательством во внутренние дела страны, так как этот казах был

туркменским гражданином. Пришлось напомнить, что Декларация ООН о правах национальных меньшинств дает мне основание защищать интересы этнических казахов.

Вскоре ко мне обратился этнический казах, известный в стране специалист по ахалтекинской породе лошадей, с сомнительным предложением организовать совместный исключительно выгодный, по его словам, «бизнес», который заключался в нелегальном перегоне по пустыне через границу на казахстанскую сторону сорока коней ахалтекинской породы, запрещенной к экспорту. Пришлось вежливо выпроводить «бизнесмена». В другой раз предлагали «хороший куш», если окажу помощь в выезде на постоянное жительство в Казахстан. Такие предложения исходили, как правило, от этнических казахов. Видимо, туркменским спецслужбам запомнились мои попытки заступиться за этнических казахов, и они пытались использовать их в своих провокационных целях.

Еще одним поводом для недовольства со стороны туркменских властей стало мое выступление на совещании казахстанских послов в Астане, в котором содержалась неприкрашенная оценка состояния казахстанско-туркменских отношений, внутренней и внешней политики Туркменбаши. На следующий день меня пригласил на обед посол Туркменистана в Астане, который проявил хорошую осведомленность о содержании моего выступления на закрытом совещании. Стало ясно, что у него есть информатор в нашем МИДе. Не было сомнения, что он проинформирует и Туркменбаши.

Вскоре после моего возвращения из Астаны были отменены оба рейса «Туркменских авиалиний», связывавшие Ашхабад и Алматы. Хотя официально это было сделано якобы из-за их нерентабельности, подлинным мотивом такого решения было стремление ограничить влияние

казахстанских реалий на умонастроения туркмен, которые во все возрастающем количестве направляли своих детей на учебу в Казахстан.

Вслед за этим туркменские власти организовали прямое давление на меня. Я получил ноту МИДа с требованием освободить арендуемый мной под резиденцию особняк, который якобы построен незаконно и подлежит сносу. Ответил, что при аренде мы проверили все документы (приложил их), заверил, что, тем не менее, мы выполним требование туркменской стороны, однако просим дать время на поиск другого здания.

Через несколько дней утром обнаружили, что все дома вокруг резиденции снесены, остались только торчащие трубы. Соседи рассказали, что на днях проезжал кортеж Туркменбаши, который, заметив казахстанский флаг, остановился, вышел из машины и, указывая на резиденцию, дал сопровождающим какие-то указания.

Стало ясно, что я попал «на зуб» самому Туркменбаши. Это было серьезно, так как его злопамятность и мстительность были широко известны.

Через некоторое время подобрали другое здание под резиденцию, нотой известили МИД и попросили обеспечить предусмотренные Венской конвенцией о дипломатических отношениях иммунитеты и привилегии. В ответ — новая нота туркменского МИДа с утверждением, что и вновь арендованное здание построено незаконно и также подлежит сносу, поэтому мне надлежит освободить его. К ответной ноте мы приложили все документы, ясно свидетельствующие о законности постройки. При ее вручении я заявил министру Мередову, что все претензии к зданию резиденции считаю необоснованными, поэтому не намерен его освобождать до завершения своей миссии.

Кстати, оба указанные выше здания до сих пор стоят на своих местах, что убедительно свидетельствует о надуманности претензий туркменских властей и что вся эта затея была рассчитана на оказание давления на меня.

На этом попытки скомпрометировать меня не закончились, наоборот, они усилились в связи с моим предстоящим возвращением на родину, о чем я официально информировал МИД Туркменистана. Отъезд был назначен на конец августа.

Дело в том, что в апреле 2005 года я достиг пенсионного возраста и принял решение о завершении командировки, стал готовиться к прощальным мероприятиям. Решил послать в Актау автомашину за национальными продуктами и напитками для прощального приема. За несколько дней до отправки машины позвонил президент Академии наук РК Серикбек Даукеев и попросил помочь доставить в Актау купленных им в Ашхабаде двух туркменских собак-алабаев, так как авиарейсы между двумя странами отменены. Я пообещал помочь, если все разрешительные документы на их вывоз будут в порядке и будет сопровождающий. Лично проверил все документы. Разрешение на вывоз собак было подписано заместителем министра сельского хозяйства. У сопровождающего туркмена документы также были в порядке, и машина посольства с водителем и третьим секретарем посольства с двумя собаками и сопровождающим туркменским гражданином выехала в Актау.

На следующее утро, это был воскресный день, меня пригласили к министру иностранных дел Мередову, который сообщил, что на пограничном переходе задержана автомашина посольства с дипломатическим номером, как он выразился, «при попытке контрабандного вывоза двух собак-алабаев». На мои возражения, что все необходимые разрешения на вывоз собак имелись и это никак не может

рассматриваться как контрабанда, Мередов заявил, что разрешение получено незаконным путем. Я ответил, что разрешение выдано туркменскому гражданину, и если оно получено незаконно, то посольство к этому не имеет никакого отношения и разбираться нужно с теми, кто выдавал и получал разрешение, то есть с туркменскими гражданами. В заключение беседы Мередов вручил ноту, в которой содержались изложенная им версия инцидента и требование строго наказать вовлеченных в инцидент сотрудников посольства. Я ответил, что они выполняли свою работу и нет никаких оснований их наказывать, обещал информировать Астану.

По возвращении в посольство дежурный комендант передал мне только что поступивший номер газеты «Нейтральный Туркменистан», в котором подробно излагалась указанная выше туркменская версия произошедшего, говорилось, что я «лично посредничал контрабандному вывозу собак». Такая скоропалительная публикация статьи в воскресном номере газеты, еще до беседы со мной, говорила о запланированности этой провокации, о том, что туркменская сторона не была сколько-нибудь заинтересована в объективном разбирательстве инцидента.

Позвонил в Астану исполнявшему обязанности министра заместителю (К. К. Токаев был в отпуске), проинформировал о случившемся, обещал до конца дня направить письменную информацию, а также проект нашей ответной ноты. На следующий день наша нота была вручена туркменскому послу. В ней полностью отвергалась туркменская версия, так как посольство действовало согласно существующим в стране пребывания законам. Так завершилась эта грязная провокация.

Надо сказать, что даже у самих туркмен, привыкших к причудам своего президента, эта провокация вызвала не-

довольство, так как была направлена против дипломатического представительства дружественного государства и для этого был использован такой ничтожный, «собачий» повод. На прощальном приеме многие подходили и просили прощения, хотя они-то ни в чем не были виноваты.

30 августа 2005 года, как и было запланировано, завершив миссию в Туркменистане, я вылетел на родину. Гульсум Хабибуллоевна вернулась домой еще раньше.

В некоторых казахстанских СМИ «собачий инцидент» преподносился как причина моей отставки с поста посла в Туркменистане, однако, как бы этого ни хотелось любителям «жареного», решение о завершении моей миссии было принято гораздо раньше и связано с достижением мной пенсионного возраста. Что касается провокации с собаками, то я уверен, что она была организована именно в связи с моим предстоящим отъездом, о чем туркменская сторона была официально информирована заранее.

На родине министр предложил возглавить, если позволит здоровье, работы по демаркации государственной границы. На этом важном участке, как он отметил, мои знания и опыт будут востребованы и принесут наибольшую пользу. Я с благодарностью принял предложение.

С президентом Ирана Х. Рафсанджани

*На подписании документов по итогам визита президента
Н. А. Назарбаева в Иран. Тегеран, 1999 год*

С Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым

С Касым-Жомартом Кемелевичем Токаевым

*С Касым-Жомартом Кемелевичем Токаевым
и народным артистом СССР Алибеком Днишевым. Алматы*

С президентом Ирана Мохаммадом Хатами

*С министром иностранных дел Ирана А. Веляти.
Слева от него — первый заместитель министра М. Вази.
Тегеран, 1998 год*

*С министром иностранных дел Ирана К. Харази.
Тегеран*

*С Генеральным секретарем ОЭС Ондером Озаром.
Тегеран, январь 1997 года*

На могиле Омара Хайяма. Нишапур, Иран

*С генералом Р. Дустумом, лидером афганских узбеков.
Тегеран, 1999 год*

С президентом ФРГ Йоханнесом Рау

С канцлером ФРГ Г. Шрёдером

*С министрами иностранных дел РК и ФРГ
Е. Идрисовым и Й. Фишером. Берлин*

*С экс-канцлером ФРГ Гельмутом Колем.
Берлин, 2003 год*

*С экс-министром иностранных дел ФРГ
Гансом-Дитрихом Геншером. Берлин, 2002 год*

*С председателем Восточного комитета германской экономики
Клаусом Мангольдом. Берлин*

*С президентом Туркменистана
Сапармуратом Атаевичем Ниязовым. Ашхабад, 2003 год*

*С вице-президентом РК Эриком Магзумовичем Асанбаевым.
Алма-Ата, 1993 год*

*С экс-госсекретарем США Джеймсом Бейкером.
Алма-Ата, 1993 год*

*С народной артисткой СССР Бибигуль Тулегеновой
и Бакытжаном Исенгалиевым*

*С Маршалом Советского Союза Дмитрием Тимофеевичем Язовым,
г. Астана, 2011 год*

ОБСЕ

В декабре 2008 года раздался звонок. Звонил помощник министра иностранных дел М. М. Тажина, спросил, не могу ли я прилететь в Астану для встречи с министром. Встреча состоялась на следующий день.

Марат Мухамбеткалиевич совершенно неожиданно для меня предложил поработать личным представителем действующего председателя ОБСЕ²⁸ по защите мусульман от дискриминации. Сказал, что у него есть договоренность с министром иностранных дел Греции, которая в январе 2009 года становится председателем этой международной организации, о том, чтобы эту должность занял представитель Казахстана. Министр подчеркнул нашу заинтересованность в этой должности в свете предстоящего через год казахстанского председательства в ОБСЕ. Отметил, что в руководстве страны считают мою кандидатуру подходящей и уверены, что я достойно буду представлять Казахстан на этой почетной и ответственной должности. Попросил дать ответ сейчас же, так как уже завтра должен предложить нашу кандидатуру греческому министру иностранных дел.

Я оказался в затруднительном положении, так как не имел ни малейшего представления ни о статусе личного представителя действующего председателя ОБСЕ, ни о его задачах, ни о том, кто занимал эту должность ранее и какими проблемами ему приходилось заниматься. Но поскольку времени на раздумья не оставили, пришлось дать положительный ответ практически вслепую. Единственное, что я счел необходимым оговорить, это сохранение за собой руководства правительственной делегацией по демаркации государственной границы. Договорились с

²⁸ Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе.

министром, что буду совмещать обе должности, и если по ходу работы обнаружится, что это окажется затруднительным, то тогда и сделаю окончательный выбор в пользу одной из них.

На следующий день мое резюме отправили министру иностранных дел Греции Доре Бакоянни, а 5 января 2009 года я получил ее согласие на мое назначение одним из трех личных представителей. В письме говорилось, что поскольку терпимость и недискриминация являются одной из тем, которой будет уделяться повышенное внимание в программе греческого председательства, то она лично придает большое значение тому, что мой «богатый опыт и знания, а также высокое положение в государстве — члене ОБСЕ, в котором превалирует мусульманское население, повысят уровень доверия к институту личных представителей».

15 января 2009 года состоялось мое официальное назначение на пост личного представителя действующего председателя ОБСЕ по борьбе с нетерпимостью и дискриминацией в отношении мусульман. На меня возлагалась задача оказывать экспертную помощь действующему председателю в изучении ситуации с соблюдением прав мусульманского меньшинства в немусульманских государствах — членах ОБСЕ, содействовать координации усилий стран-участников и институтов ОБСЕ по выполнению обязательств в сфере борьбы с дискриминацией и укреплению толерантности. Назначению предшествовала личная встреча в Афинах с министром иностранных дел Греции госпожой Дорой Бакоянни.

Сразу же взялся за изучение всей имеющейся информации, относящейся к институту личных представителей и деятельности моего предшественника. Пришлось слетать в Вену на церемонию официального вступления Греции

в председательство, а также в Варшаву, где провел консультации с директором и экспертами Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ). Постепенно стали вырисовываться контуры деятельности личных представителей, ее особенности и существующие проблемы. Прояснился статус личных представителей и другие вопросы организации их работы и взаимодействия с правительствами стран — членов ОБСЕ.

Институт личных представителей действующего председателя ОБСЕ возник в 2004 году в лице трех личных представителей по борьбе с дискриминацией соответственно христиан, евреев и мусульман в государствах — членах организации. С момента учреждения должность личного представителя по борьбе с нетерпимостью и дискриминацией мусульман занимал представитель Турции. За четыре года он проделал большую и сложную работу, сконцентрированную главным образом на защите прав этнических турок из многомиллионной турецкой диаспоры, проживающей во многих странах Западной Европы. Было очевидно, что его деятельность всячески поддерживалась и щедро финансировалась правительством Турции, прямо заинтересованным в защите прав своих соотечественников. Именно они составляли подавляющее большинство мусульманской общины в странах Европы.

Чем глубже я вникал в деятельность своего предшественника и в дела, которыми ему приходилось заниматься, тем больше росло внутреннее неприятие того, как часто и грубо его подопечные нарушали законы страны проживания, ее традиции и обычаи, а вполне законное наказание за это расценивали как дискриминацию по религиозному признаку. Такую же позицию в большинстве случаев занимал и мой турецкий предшественник, что было понятно, принимая во внимание, что подзащитными у него были,

как правило, его же соотечественники. Я же считал, что мусульмане, проживающие в христианской стране, должны уважать и соблюдать ее законы, традиции и обычаи, а не противопоставлять себя им.

Во всех инструктивных беседах официальные лица ОБСЕ акцентировали мое внимание на том, что мой предшественник непропорционально много внимания уделял мусульманскому меньшинству в странах Западной Европы, что нужно менять это положение, поэтому мне необходимо сосредоточиться на защите прав мусульман в странах — членах ОБСЕ к востоку от Вены, достаточно прозрачно намекали на Россию как на главный объект моей предстоящей деятельности. У меня возникло достаточно ясное ощущение, что кто-кто хочет руками представителя дружественного Казахстана сделать вопрос о положении мусульман в России главным в повестке работы личного представителя действующего председателя ОБСЕ. По понятным причинам такая роль мне совершенно не импонировала.

Организационная сторона работы личного представителя также вызывала вопросы, которые оказались трудноразрешимыми. Личные представители базировались в своей стране и оттуда осуществляли деятельность, связанную с посещением отдельных стран — членов организации, то есть с частыми перелетами на довольно дальние расстояния, что мне, перенесшему шунтирование сердца, врачи не рекомендовали. Кроме того, работа личного представителя, как оказалось, осуществлялась фактически на общественных началах. Из бюджета ОБСЕ оплачивались только командировочные расходы, а заработной платой должно было обеспечивать национальное правительство. Так, коллега, личный представитель по борьбе с дискриминацией христиан, был из числа депутатов Европарла-

мента от Италии и в этом качестве получал более десяти тысяч евро в месяц и бонусы. В таком же положении был и личный представитель по борьбе с дискриминацией евреев — он был раввином из США, и его деятельность щедро финансировалась богатой еврейской общиной. Мне же выделили сорок тысяч тенге в месяц из личного фонда министра иностранных дел, а основная заработная плата, получаемая по контракту в качестве руководителя правительственной делегации по демаркации госграницы, не превышала двухсот тысяч тенге. Понятно, что все это создавало серьезные проблемы и не могло способствовать эффективной работе в ОБСЕ. Кроме того, частые выезды в страны — члены организации серьезно затрудняли и мою основную работу по демаркации государственной границы. Таким образом, через несколько месяцев возникла необходимость выбора, так как одновременное исполнение двух обязанностей могло негативно сказаться на выполнении каждой из них. Выбор я сделал в пользу работы по демаркации границы как более важной для интересов нашего государства. В принятии такого решения свою роль сыграло и чувство внутреннего неприятия сложившейся при моем предшественнике практики оправдания противоправных действий отдельных мусульман под предлогом их религиозной дискриминации, о чем уже говорил выше.

О своем решении сложить с себя полномочия личного представителя информировал действующего председателя ОБСЕ письмом от 14 апреля 2009 года, мотивировал отказ состоянием здоровья и рекомендациями врачей.

Демаркация государственной границы

Граница — один из существенных признаков государства. Она обозначает территориальные пределы, в которых осуществляется суверенитет государства и действуют его законы. Международно признанные и юридически оформленные границы имеют стратегическое значение, особенно для молодых государств: служат основой их территориальной целостности и безопасности, являются гарантией мирного сосуществования, добрососедства и сотрудничества с соседними государствами, а также спокойствия и стабильности в регионе. Для Казахстана, расположенного между двумя сверхдержавами, Китаем и Россией, наличие с ними бесспорных границ является жизненно важным фактором обеспечения государственности и суверенитета.

Границы подавляющего большинства государств складывались в результате кровопролитных войн, которые иногда длились столетиями, как было в Европе в XIV–XV веках. Известное выражение, что границы пишутся кровью, а не чернилами, отражает лишь историческую реальность. Наши границы, слава богу, являются не результатом войны, а выросли, если можно так выразиться, из административных границ между союзными республиками, существовавших на момент распада единого государства, каким был Советский Союз.

Надо сказать, что в постсоветском обществе было довольно распространено мнение о нецелесообразности установления государственных границ между новыми независимыми государствами, возникшими на месте распавшегося Советского Союза. После учреждения Содружества Независимых Государств (СНГ) многие считали, что границы будут создавать препятствия для контактов между населением, для свободного обмена товарами, ка-

питалами и людскими ресурсами. Психологически это можно понять. Однако, как говорил ранее, нет границ — нет государства. Только четко определенные и обозначенные границы дают ясное представление о том, где мое, а где чужое, могут служить долговременной основой для бесконфликтного сосуществования и сотрудничества. А будет ли граница разъединять или объединять народы, служить границей дружбы и сотрудничества, зависит от самих государств, от их политики.

В современном мире только должным образом оформленные границы рассматриваются как международно признанные. Их международное правовое оформление состоит из двух последовательных этапов — делимитации и демаркации. Делимитация — это определение линии границы между двумя государствами, ее описание и нанесение на карту с последующим закреплением в соответствующем договоре. Делимитация не может рассматриваться как завершение оформления границы, так как она еще незрима, существует лишь на бумаге, но не в пространстве. Демаркация — это обозначение линии прохождения государственной границы на местности специальными пограничными знаками. Только демаркированная граница является окончательно оформленной юридически, может служить ясным и зримым ориентиром для пограничных служб, местных органов власти и приграничного населения, основой для установления соответствующего режима на границе, то есть порядка ее пересечения, содержания и обслуживания.

Делимитацию своих сухопутных границ Казахстан начал в 1992 году и полностью завершил в 2005-м. На первом этапе была делимитирована государственная граница с КНР, которая завершилась подписанием 26 апреля 1994 года Соглашения о казахстанско-китайской государствен-

ной границе и 4 июля 1998 года Дополнительного соглашения о казахстанско-китайской государственной границе на ранее несогласованных участках в районе перевалов Чоган-обо, Баймурза и реки Сарычильды.

Полностью демаркирована казахстанско-китайская государственная граница была в 1997–2002 годах. По ее итогам 10 мая 2002 года подписан Протокол о демаркации линии казахстанско-китайской границы, который вступил в силу 29 июля 2003 года.

На втором этапе, в 1999–2005 годах, делимитирована государственная граница с Кыргызской Республикой, Туркменистаном, Республикой Узбекистан и Российской Федерацией. Договор о государственной границе с Кыргызской Республикой подписан 15 декабря 2001 года, с Туркменистаном — 5 июля 2001 года, Узбекистаном — 16 ноября 2001 года и 9 сентября 2002 года — об отдельных участках казахстанско-узбекской государственной границы, с Россией — 18 января 2005 года. Предстояла работа по демаркации государственной границы с этими государствами. Постановлением правительства она была возложена на правительственную делегацию по демаркации государственной границы с Кыргызстаном, Россией, Туркменистаном и Узбекистаном. Возглавить ее осенью 2005 года было поручено мне.

С каждым из этих государств были созданы совместные комиссии по демаркации государственной границы, которые наделялись исключительными полномочиями в выполнении поставленных перед ними задач. Совместные комиссии разработали комплексы нормативных документов, которые регулировали весь демаркационный процесс от начала до конца. Правительства соответствующих государств утвердили образцы пограничных знаков, устанавливаемых на линии государственной границы, определили исполнителей демаркационных работ, а также состав пра-

вительственной делегации, в которую вошли представители центральных ведомств (МИД, Погранслужбы КНБ, МВД, МО и др.), заместители акимов соответствующих областей и акимы приграничных районов, представители землеустроительных структур и др.

Исполнителем всех демаркационных работ было определено республиканское казенное предприятие «Казгеокарт», располагающее соответствующими специалистами, имеющее необходимый опыт и технические средства. На пограничных с Китаем, Кыргызстаном, Россией и Узбекистаном реках проводились гидрографические работы по определению изменений их русла, а также определению середины, а на судоходных участках — главного фарватера. Кроме того, проводилась аэрофотосъемка и съемка на местности, использовались космические съемки для составления демаркационных карт. Дело в том, что карты масштаба 1 : 100 000, которые прилагались к договорам о делимитации границы, не отражали особенностей рельефа местности и ориентиров, используемых для описания линии прохождения границы, поэтому изготавливались демаркационные карты масштаба 1 : 50 000, на которые наносилась демаркированная граница с указанием расположения установленных пограничных знаков.

Только из этого перечисления видно, какая гигантская по масштабам и сложности предстояла работа, учитывая, что речь шла о демаркации почти 13,5 тысячи километров сложной по рельефу границы, имеющей как равнинные, так и горные, речные и таежные участки. Эту огромную по протяженности границу в буквальном смысле слова надо было пройти пешком, как говорят геодезисты, «облазить на брюхе», чтобы установить пограничные знаки на расстоянии прямой видимости друг от друга, как требуют правила демаркации.

Надо учитывать еще одно обстоятельство. В международную практику вошла регистрация договоров о границе в Секретариате ООН, что рассматривается как дополнительная гарантия ее легитимности и незыблемости, подкрепленная авторитетом этой всемирной организации. С учетом этого мы были заинтересованы в такой регистрации, однако столкнулись с серьезным препятствием. Все подписанные с соседями договоры о государственной границе имели гриф секретности, так как в приложенных к ним картах, являющихся неотъемлемой частью договоров, использовалась советская секретная система координат. При составлении демаркационных карт необходимо было перейти на открытую систему координат, требовался пересчет координат уже установленных пограничных знаков, их новой привязки к местности. Хотя это значительно удлиняло сроки демаркационных работ, переход на открытую систему координат давал возможность для регистрации договоров о границах в ООН.

Однако главная трудность была не технической и заключалась не в переходе на открытую систему координат, а в достижении договоренностей с соответствующими государствами о рассекречивании карт общей с ними государственной границы. К сожалению, наша инициатива о рассекречивании делимитационных карт и переходе на открытую систему координат не нашла положительного отклика в Ашхабаде, Бишкеке и Ташкенте. Хотя это и вызвало определенное разочарование, для нас особую ценность представляло согласие России и Китая перейти при демаркации и редемаркации (это относится к Китаю) на открытую систему координат. Это позволяло зарегистрировать в ООН границу с двумя великими соседями, которая составляла 70 % всей нашей сухопутной границы.

Существует расхожее мнение, что демаркация, в отличие от делимитации, носит чисто технический характер, однако это далеко не так. Действительно, демаркация представляет собой обозначение на местности уже согласованной при делимитации линии границы, но при этом возникает масса вопросов, решить которые можно лишь путем изменения делимитационной линии границы, которая вовсе не является неприкосновенной «священной коровой». Нередко приходится сталкиваться с необходимостью учитывать сложившиеся условия хозяйственной деятельности приграничного населения, необходимость создания благоприятных условий для охраны и обслуживания границы пограничными службами сторон, особенности рельефа местности, с тем чтобы четко и ясно обозначить линию границы, а там, где возможно, — по естественному рубежу.

В этих целях совместные комиссии по демаркации границы наделяются полномочиями производить определенные корректировки линии прохождения границы и обмениваться с соседями участками территорий. Такие обмены осуществляются на взаимной компенсационной основе путем передачи равновеликого или равноценного участка взамен полученного.

О важности и значении демаркации можно судить по дискуссии, которая развернулась в России при обсуждении весной — летом 2020 года поправок в Конституцию РФ. При внесении поправки, запрещающей отчуждение территории Российской Федерации, было сделано единственное исключение для изменения территории, а именно при демаркации границы с соседними государствами, то есть вопрос решался на конституционном уровне.

Больше всего регулировок было на границе с Узбекистаном, особенно в пределах Южно-Казахстанской (ныне Туркестанской) области, смежной с Ташкентской, что объ-

яняется высокой плотностью населения по обе стороны границы и необходимостью учета их хозяйственных интересов. Здесь линия границы порой проходила по улицам населенных пунктов, посередине автомобильных дорог, коллекторов оросительных систем. Были случаи, когда она проходила и по дворам местных жителей и даже делила отдельные строения.

Вопросы обмена территориями решались на основе учета и уважения интересов друг друга, с предварительным согласовыванием с администрациями соответствующих районов и областей, которые и определяли конкретные участки исходя из хозяйственных интересов приграничного населения. Окончательное решение принималось после одобрения размена правительствами сторон.

Однако были случаи, когда не удавалось достичь договоренности в рамках совместной комиссии, и вопрос передавался на рассмотрение межправительственной комиссии. Не буду раскрывать конкретику имевших место регулировок линии прохождения границы, так как переговоры по демаркации, по договоренности с партнерами, являются закрытыми.

Огромная протяженность казахстанско-российской границы порождала немалые трудности для демаркации. Была высокая вероятность того, что пока демаркационные работы будут продвигаться на восток, установленные на западе пограничные знаки под воздействием природных факторов будут приходить в негодность и по прошествии времени нуждаться в восстановлении и даже замене. С учетом этого, по инициативе российской делегации, была достигнута договоренность разбить процесс демаркации на два этапа и подписать сначала договор по западному участку границы, а затем и по восточному. Такое решение было рациональным, учитывало особенности

казахстанско-российской государственной границы с ее равнинными и горными, речными и таежными участками. Однако российская сторона позже отозвала свое предложение, так как его дальнейшая проработка показала, что поэтапная демаркация с заключением двух отдельных договоров могла привести к установлению на западном и восточном участках границы отличающихся друг от друга режимов. Это было неприемлемо, так как противоречило принципу единого пограничного режима на всей государственной границе.

Определенные проблемы возникали и при демаркации казахстанско-кыргызской границы и были связаны в основном с тем, что отдельные политические силы Кыргызстана пытались использовать вопросы границы во внутриполитической борьбе. По этой причине ратификация кыргызской стороной Договора о казахстанско-кыргызской границе, подписанного 15 декабря 2001 года, заняла почти семь лет и состоялась лишь 17 апреля 2008 года. При этом Жогорку Кенеш (парламент) Кыргызстана обязал кыргызскую делегацию в совместной комиссии провести дополнительные переговоры о «возвращении» Казахстаном урочища Кар-кары, расположенного в Райымбекском районе Алматинской области. Было более чем странным ратифицировать договор и одновременно требовать пересмотра его положений. Помню растерянное лицо кыргызского коллеги, уважаемого мной академика Салавата Кулембековича Аламанова, когда он просил меня помочь выбраться из этой ситуации, так как, будучи опытным профессионалом, хорошо понимал всю абсурдность такого требования. Посоветовал ему обратиться к казахстанской стороне с нотой о проведении дополнительных переговоров по каркаринскому участку. Он так и сделал. В ответной ноте мы указали, что данный вопрос был окончательно решен

при делимитации казахстанско-кыргызской границы на основе имеющихся документов о бесспорной принадлежности этого участка Казахстану и мы не намерены к нему возвращаться и вести какие-либо переговоры. Таким образом, Аламанов формально выполнил решение Жогорку Кенеша. Как говорится, и волки сыты, и овцы целы.

Когда рассматривались вопросы регулировки линии прохождения границы на ее отдельных участках, кыргызская сторона нередко проявляла непоследовательность. Сама инициировала обмен какими-то участками, а после довольно длительной процедуры изучения, согласования и достижения договоренности сама же их аннулировала. Такие шатания были, как правило, следствием внутриполитических игр и борьбы различных партий, которые выплескивались на парламентскую трибуну и в средства массовой информации. Это создавало вокруг переговоров нервную обстановку, а главное — порождало сомнения в договороспособности кыргызской стороны.

Характерным примером является ситуация вдоль канала Быстроток на участке Большой клин в Жуалынском районе Жамбылской области. По предложению кыргызских партнеров был осуществлен обмен довольно значительными по размерам участками, что позволяло кыргызским хозяйствам сохранить существующие скотопрогоны на летние пастбища и не совершать обходы в несколько десятков километров. На полученных в результате обмена участках наши пограничники возвели дорогостоящие инженерные сооружения по охране границы, однако через некоторое время кыргызское приграничное население стало проявлять недовольство проведенной регулировкой и даже разрушать проходящий вдоль границы казахстанский канал Быстроток. В итоге кыргызская сторона отозвала свое предложение, и ситуация вернулась в исходное

положение. Хорошо помню, как мы в составе руководителей двух правительственных делегаций, акима Жамбылской области и губернаторов Таласской и Чуйской областей Кыргызстана прилетели на вертолете в район участка Большой клин и встретились с местным кыргызским населением. На сходе их представители открыто угрожали своим губернаторам повторением судьбы изгнанного президента Бакиева.

Стало ясно, что нельзя полагаться на договоренности с кыргызской стороной о регулировках, которые могут быть пересмотрены под давлением населения, находящегося под влиянием оппозиционных сил. С учетом этого мы внесли в правительство предложение не идти на регулировки казахстанско-кыргызской границы, так как они могут в дальнейшем не пройти ратификацию в Жогорку Кенеше. С предложением согласились, и демаркация границы с Кыргызстаном была проведена строго по делимитационной линии.

Договор о демаркации казахстанско-кыргызской государственной границы подписан президентами 25 декабря 2017 года. Ее протяженность составила 1257,1 км. Всего на линии границы с Кыргызстаном установлено 1055 пограничных столбов, из них 533 — казахстанской, 522 — кыргызской стороной. К договору прилагается комплект документов, состоящий из альбомов карт и 24 томов других материалов демаркации.

Договор о демаркации государственной границы с Туркменистаном был подписан также на уровне президентов двух государств 18 апреля 2017 года. Протяженность границы составила 458,6 км, установлено 366 пограничных столбов, из них 178 — казахстанской и 188 — туркменской стороной. Каких-либо регулировок границы не было. Основную трудность составили тяжелые природно-

климатические условия (безлюдные пустынные районы, множество болотистых соров, жара в сезоны полевых работ и т. п.).

Наиболее сложной оказалась демаркация казахстанско-узбекской границы. Она началась в условиях отсутствия на протяжении двух лет финансирования у узбекской стороны. В связи с этим достигнута договоренность об одностороннем начале казахстанской стороной полевых демаркационных работ. Узбекские специалисты участвовали в совместном определении мест постановки пограничных знаков и контролировали правильность координат при их установке.

Но основная сложность, как уже отмечал ранее, заключалась в том, что граница проходила по густонаселенным районам, где хозяйственные интересы местного населения были взаимосвязаны, особенно в использовании водных ресурсов. Это вызывало необходимость более многочисленных по сравнению с другими соседями регулировок линии прохождения границы.

Серьезную трудность для обеих сторон представляло выделение адекватных компенсационных участков в районах, где буквально каждый клочок земли находился в хозяйственном пользовании. В некоторых случаях это занимало длительное время. Были попытки узбекской стороны пересмотреть уже проведенные регулировки, ранее согласованные и зафиксированные в документах совместной демаркационной комиссии. Так, узбекская сторона в течение нескольких лет настойчиво пыталась аннулировать договоренность, согласно которой к нам отошли участки Насосная, у озера Копытное, западнее населенных пунктов Когалы и Амангельды, которые мы компенсировали участком западнее Шардаринского водохранилища. Нам удалось отстоять свою позицию, благодаря чему сохранили несколько населенных пунктов, которым грозила

участь попасть в категорию бесперспективных с последующим переселением их жителей и сносом строений.

Надо сказать, что после смены руководства Узбекистана демаркационные работы получили новую динамику, направленную на их скорейшее завершение. По всей видимости, наши партнеры были заинтересованы в сосредоточении усилий и ресурсов на урегулировании пограничных вопросов с Кыргызстаном и Таджикистаном, с которыми у них были трудноразрешимые проблемы, несопоставимые по своей сложности с ситуацией на казахстанско-узбекской границе. Некоторую задержку вызвала необходимость демаркации обнажившейся части дна Аральского моря, которая в результате из водной превратилась в сухопутную границу.

К настоящему времени полевые работы по демаркации казахстанско-узбекской границы полностью завершены. На границе протяженностью 2351,43 км установлены 1664 пограничных столба, из них 780 — казахстанской, 802 — узбекской стороной. Идет подготовка итоговых документов демаркации. После ее завершения состоится подписание соответствующего договора.

Самой трудоемкой в силу своей уникальной протяженности, но в то же время и относительно беспроблемной оказалась демаркация казахстанско-российской границы. К настоящему времени демаркированы 6696 км, что составляет 90 % ее общей протяженности. Оставшаяся часть границы представляет собой наиболее сложный по природно-географическим условиям участок, где превалирует гористая местность, покрытая таежным лесом. С учетом этого ее демаркация займет, видимо, сравнительно длительное время.

Как указывал ранее, протокол о демаркации казахстанско-китайской границы был подписан 10 мая 2002 года.

Всего на линии границы протяженностью 1789 км установлено 688 пограничных столбов: 346 казахстанских и 342 китайских.

Протоколом предусматривается проведение каждые десять лет проверки и редемаркации границы. Первая совместная проверка начата в марте 2017 года. В том же году стороны осуществили аэрофотосъемку закрепленных за ними участков границы, выполнили полевые работы по закладке и измерениям геодезических пунктов открытой системы координат, а также по увязке систем высот Казахстана и Китая.

Учитывая произошедшие после демаркации значительные изменения местности в приграничной зоне на участках интенсивной хозяйственной деятельности, а также естественные изменения русел ряда пограничных рек достигнуто согласие установить около двухсот дополнительных пограничных знаков в целях более четкого и ясного обозначения линии границы.

С начала демаркационных работ состоялось 290 заседаний совместных комиссий с соседними государствами и 97 заседаний рабочих групп, что говорит об объеме и масштабах проделанной работы по обозначению государственной границы. В то же время эта огромная работа проведена за относительно непродолжительное время и с довольно скромными финансово-материальными затратами. Для сравнения можно вспомнить, что демаркация сухопутных границ Объединенных Арабских Эмиратов, выполненная швейцарско-немецкой компанией, заняла 22 года и обошлась в 20 миллиардов долларов США. Наши же границы в 15 с лишним раз длиннее, а их демаркация стоила почти в тысячу раз дешевле.

Бесконфликтное оформление такой протяженной границы осуществлено не в последнюю очередь благодаря

позитивной политической воле всех заинтересованных государств. Особо нужно выделить конструктивизм позиции, занятой руководством России и Китая. Следует иметь в виду, что с Китаем имелись спорные участки на границе, унаследованные еще от царской России и перешедшие к нам от Советского Союза.

Что касается границы с Россией, то, как ни странно, она оказалась наименее документированной, а имеющиеся немногочисленные документы хранились в основном в российских архивах. В таких условиях российская сторона при желании могла бы создать массу проблем на пути справедливого определения нашей общей границы. Невольно приходит на память высказывание Андрея Андреевича Громько, многолетнего министра иностранных дел Советского Союза, о политике сверхдержавы. Он говорил, что сверхдержава объявляет чужое своим, и пусть настоящий хозяин доказывает свое право. Конечно, нехорошо удерживать чужое, но возвращать хозяину принадлежащее ему же сверхдержава будет небольшими частями и при этом говорить, что делает огромную уступку. Конечно, постсоветская Россия не была Советским Союзом, но по своей военно-политической мощи и экономическому потенциалу по сравнению с Казахстаном, бесспорно, является сверхдержавой.

К счастью, Россия не пошла по такому пути, а заняла дальновидную позицию, направленную на установление с Казахстаном границы мира и добрососедства, что, учитывая ее протяженность, имеет для обоих государств стратегическое значение. То же самое относится и к гибкости, проявленной Пекином.

Нужно отдать должное и другим нашим соседям, проявившим заинтересованность иметь с Казахстаном границы, не обремененные нерешенными вопросами, и служа-

щие прочной основой долговременного мира и стабильности в регионе.

С подписанием международных договоров о демаркации границы с Узбекистаном и Россией Казахстан станет первым государством на постсоветском пространстве, полностью завершившим юридическое оформление своей государственной границы по всему ее периметру.

Договоры о государственных границах являются бесспорными, имеют необратимый характер и не могут быть денонсированы или изменены в одностороннем порядке. Даже войны не отменяют их.

Когда меня спрашивают, чем я занимаюсь в последние годы, полушутя-полусерьезно отвечаю: вечностью. Имею в виду указанную выше природу границы и ее юридическое оформление. Я благодарен судьбе и горжусь тем, что вот уже более пятнадцати лет причастен к этому стратегически важному для нашего государства историческому процессу. Как отметил Н. А. Назарбаев в своем послании народу Казахстана «Стратегия Казахстан-2050», юридическое оформление наших границ является одним из главных достижений независимости.

Таким образом, как кратко и емко подвел итоги этой сложной многолетней работы К. К. Токаев, «будущим поколениям передается четко определенная, должным образом обозначенная и оформленная, защищенная нормами международного права государственная граница Республики Казахстан»²⁹.

²⁹ Правда о государственной границе Республики Казахстан / Под общ. ред. К-Ж. К. Токаева. 3-е изд., перераб. доп. С. 22.

Биографические справки

Мустаким Белялович Иксанов

Государственный и партийный деятель.

Родился 30.03.1926 в с. Борсы Жанибекского района Западно-Казахстанской области.

1947	Окончил Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта
1952	Окончил Казахский сельскохозяйственный институт
1953–61	Руководил различными строительными организациями Чимкентской области
1961–62	Первый секретарь Ильичевского райкома КПК Чимкентской области;
1962–63	Начальник Южно-Казахстанского краевого управления водного хозяйства
1963–66	Первый секретарь Кызыл-Ординского обкома КПК
1966–70	Заместитель председателя Совета министров КазССР
1970–71	Первый секретарь Джамбульского обкома КПК
1971–75	Секретарь ЦК КПК
1975–86	Первый секретарь Уральского обкома КПК

Избирался кандидатом в члены ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР 6–9-го созывов.

Награжден орденом Трудового Красного Знамени, другими орденами и медалями.

Скончался в 1991 году. Похоронен в г. Алматы.

Игорь Алексеевич Рогачёв

Государственный деятель, дипломат.

Родился 01.03.1932 в Москве.

1955	Окончил Московский государственный институт международных отношений
1955–58	Переводчик при Госсовете КНР, в редакции газеты и журнала «Дружба» (КНР)
1958–61	Драгоман (переводчик), атташе посольства СССР в КНР
1961–65	Секретарь I Дальневосточного отдела МИД СССР (ДВО)
1965–69	1-й секретарь посольства СССР в США
1969–72	Советник посольства СССР в КНР
1972–75	Заместитель заведующего I ДВО МИД СССР
1975–78	Начальник отдела Азии Управления по внешнеполитическому планированию МИД СССР
1978–83	Начальник Управления Юго-Восточной Азии МИД СССР
1983–86	Заведующий I ДВО, член Коллегии МИД СССР
1986–91	Заместитель министра иностранных дел СССР
1987–91	Глава правительственной делегации СССР на советско-китайских переговорах по пограничным вопросам
1988–91	Глава делегации СССР на международных переговорах по Камбодже
1992–2005	Посол РФ в КНР
2005–12	Член Совета Федерации Федерального Собрания РФ

Кандидат исторических наук. Награжден орденами «Знак Почета», Дружбы народов, Дружбы, «За заслуги перед Отечеством» IV степени, медалями.

Скончался 07.04.2012. Похоронен в Москве.

Василий Васильевич Кузнецов

Советский государственный и партийный деятель, дипломат.

Родился 31.01.1901 в д. Сафиловка Костромской губернии.

1926	Окончил Ленинградский политехнический институт
1926–31	Работа на Макеевском металлургическом заводе
1931–33	Учеба в Технологическом институте Карнеги (США)
1933–36	Работа на заводе «Электросталь», Московская область
1937–40	Работа в Наркомате тяжелой промышленности
1940–44	Заместитель председателя Госплана СССР, заместитель члена ГКО Г. Маленкова по металлургии
1944–53	Председатель Президиума ВЦСПС, вице-председатель Всемирной федерации профсоюзов
1946–50	Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР
1952–53	Член Президиума ЦК КПСС
1953–77	Заместитель, первый заместитель министра иностранных дел СССР
1969–70	Глава советской правительственной делегации на переговорах с КНР по пограничным вопросам
1977–86	Первый заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС

Награжден орденами Октябрьской революции, Ленина, Красной Звезды, Трудового Красного знамени, «Знак Почета». Герой Социалистического труда.

Скончался 05.06.1990. Похоронен в Москве.

Сергей Леонидович Тихвинский

Академик АН СССР, историк, дипломат.
Родился 01.09.1918 в Петрограде.

- 1938 Окончил Китайское отделение филфака Ленинградского государственного университета
- 1939–40 Вице-консул Генерального консульства СССР в Урумчи (Китай)
- 1941–42 Участие в Великой Отечественной войне
- 1942–50 Работа в советских дипломатических миссиях в Китае, 2-й секретарь посольства, управляющий Генеральным консульством в Пекине, советник посольства в КНР
- 1953–56 Советник-резидент посольства СССР в Великобритании
- 1956–57 Глава миссии, советник-посланник посольства СССР в Японии
- 1957–59 Заведующий отделом Азии Госкомитета по культурным связям с зарубежными странами
- 1959–65 Научная работа в системе Академии наук СССР
- 1965–75 Заведующий отделом Азии Управления по планированию внешнеполитических мероприятий МИД СССР
- 1975–80 Начальник Историко-дипломатического управления МИД СССР
- 1980–86 Ректор Дипломатической академии МИД СССР
- 1981 Действительный член Академии наук СССР, академик-секретарь отделения истории

Имел дипломатический ранг чрезвычайного и полномочного посла.

Награжден орденами Октябрьской революции, Ленина, Почета, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, Красной Звезды, «За заслуги перед Отечеством» III степени.

Скончался 24.02.2018. Похоронен в Москве.

Юрий Иванович Дроздов

Советский разведчик. Генерал-майор.
Родился 19.09.1925 в Минске.

- 1944 Окончил 1-е Ленинградское артиллерийское училище. Участие в Великой Отечественной войне
- 1956 Окончил Военный институт иностранных языков и начал службу в органах государственной безопасности, владеет немецким языком
- 1957–63 Офицер в Представительстве КГБ СССР при МГБ ГДР. Участвовал в операции по обмену советского нелегала Рудольфа Абеля на американского летчика-шпиона Пауэрса
- 1964–68 Резидент внешней разведки КГБ СССР, советник посольства в КНР
- 1968–75 Начальник 6-го (китайского) отдела, заместитель начальника Управления «С» (нелегальная разведка) Первого главного управления (внешняя разведка) КГБ СССР
- 1975–79 Резидент внешней разведки КГБ СССР в Нью-Йорке, советник Постоянного представительства СССР при ООН
- 1979–91 Заместитель начальника ПГУ, начальник Управления «С» ПГУ КГБ СССР. Участник войны в Афганистане, один из руководителей штурма дворца Амина. Инициатор создания подразделения специального назначения «Вымпел».
- 1991 Вышел в отставку. Возглавлял аналитический центр НАМАКОН

Награжден орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями.

Автор книги «Вымысел исключен. Записки начальника нелегальной разведки».

Скончался 21.06.2017. Похоронен в Москве.

Василий Сергеевич Толстиков

Советский государственный и партийный деятель.
Родился 06.11.1917 в Туле.

- 1940 Окончил Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта
- 1941–46 Служба в армии
- 1946–52 Инженер-строитель в строительных организациях Ленинграда
- 1952–57 На партийной советской работе в Ленинграде
- 1957–60 1-й заместитель председателя исполкома Ленгорсовета
- 1960–62 Секретарь, 2-й секретарь Ленинградского обкома КПСС
- 1962–70 1-й секретарь Ленинградского обкома КПСС, член ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР
- 1970–78 Чрезвычайный и полномочный посол СССР в КНР
- 1979–82 Чрезвычайный и полномочный посол СССР в Нидерландах
- 1982–97 В отставке, возглавлял Комитет по международным связям Объединения ветеранов Санкт-Петербурга и Ленинградской области

Награжден четырьмя Орденами Ленина и другими государственными наградами.

Скончался 29.04.2003. Похоронен в Санкт-Петербурге.

Чжоу Эньлай

Государственный и политический деятель Китайской Народной Республики.

Родился 05.03.1898.

1921	Вступил в коммунистическую ячейку в Париже
1922	Основал в Берлине германскую ячейку Коммунистической партии Китая
1924–49	Активное участие в революционной борьбе КПК. Занимал различные высокие и высшие политические, военные и административные должности в КПК, НОАК и правительстве освобожденных районов Китая
1949–76	Первый премьер Госсовета КНР, глава правительства, член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК

Входил в высшее руководство КПК и КНР, по авторитету и влиянию был вторым после Мао Цзэдуна лицом в китайском руководстве. Во время «культурной революции» приложил много сил для сохранения и спасения многих руководящих деятелей КПК, добился возвращения из ссылки Дэна Сяопина и назначения его своим заместителем в Госсовете КНР.

Скончался 08.01.1976 в Пекине. В память о нем сооружены мемориал в Тяньцзине, памятник в Маньчжурии.

Леонид Федорович Ильичёв

Советский партийный и государственный деятель, дипломат. Доктор философских наук, академик АН СССР. Лауреат Ленинской премии и премии В. В. Воровского.

Родился 02.03.1906 в Краснодаре.

- 1930 Окончил Северокавказский коммунистический университет
- 1937 Окончил Институт красной профессуры (философия)
- 1937–44 Преподавательская деятельность
- 1944–48 Главный редактор газеты «Известия»
- 1951–52 Главный редактор газеты «Правда»
- 1953–58 Заведующий отделом печати МИД СССР
- 1958–61 Заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС
- 1961–65 Секретарь ЦК КПСС по идеологии
- 1965–89 Заместитель министра иностранных дел СССР
- 1989–90 Советник МИД СССР

В разные годы входил в состав ЦК КПСС. Автор многочисленных работ по диалектическому и историческому материализму, по внешней политике СССР и международным отношениям.

Награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалями.

Скончался 18.08.1990. Похоронен в Москве.

Михаил Степанович Капица

Дипломат, ученый, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН.

Родился 05.11.1921 в с. Юрковцы, Украина.

- 1941 Окончил Московский государственный педагогический институт иностранных языков
- 1943–47 3-й, 2-й и 1-й секретарь посольства СССР в КНР
- 1947–50 Работа в центральном аппарате МИД СССР
- 1950–52 Советник посольства в КНР
- 1952–56 Заведующий кафедрой МГИМО
- 1956–60 Заместитель заведующего Дальневосточным отделом МИД СССР
- 1960–61 Посол СССР в Пакистане
- 1962–66 Заведующий кафедрой истории Азии и Африки МГУ
- 1966–70 Заведующий отделом Юго-Восточной Азии МИД СССР
- 1970–82 Заведующий I Дальневосточным отделом, член Коллегии МИД СССР
- 1982–87 Заместитель министра иностранных дел СССР
- 1987–94 Директор Института востоковедения АН СССР, РАН

Возглавлял Комиссию СССР по делам ЮНЕСКО (1986–87). Главный редактор журнала «Азия и Африка сегодня» (1989–95). Народный депутат СССР (1989–91).

Автор 10 монографий, более 100 научных трудов по вопросам внешней политики.

Лауреат Государственной премии СССР.

Награжден орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного знамени, Дружбы народов, медалями.

Скончался 15.11.1995. Похоронен в Москве.

Владимир Александрович Крючков

Советский государственный деятель. Председатель КГБ СССР. Один из ближайших соратников Ю. В. Андропова.

Родился 29.02.1924 в Царицыне (ныне Волгоград).

- 1941–44 Работа на заводах в Горьком и Сталинграде
- 1944–45 Первый секретарь райкома ВЛКСМ Баррикадного района (Сталинград)
- 1945–49 Учеба во Всесоюзном заочном юридическом институте
- 1946–51 Работа в органах прокуратуры в Сталинграде
- 1951–54 Учеба в Высшей дипломатической школе МИД СССР
- 1954–59 3-й секретарь посольства СССР в Венгрии
- 1959–63 Референт отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями соцстран
- 1963–65 Заведующий сектором отдела ЦК КПСС
- 1965–67 Помощник секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова
- 1967–71 Начальник Секретариата КГБ СССР
- 1971–74 Первый заместитель начальника Первого главного управления (ПГУ) КГБ СССР (внешняя разведка)
- 1974–78 Начальник ПГУ КГБ СССР
- 1978–88 Заместитель председателя КГБ СССР, начальник ПГУ
- 1988–91 Председатель КГБ СССР. Один из основных участников Государственной комиссии по чрезвычайному положению (ГКЧП)
- 1991–93 Арест и содержание в «Матросской тишине»
- 1994 Амнистирован Государственной Думой

Автор книг «Личное дело», «На краю пропасти», «Личность и власть», «Без срока давности».

Скончался 23.11.2007. Похоронен в Москве.

Леонид Владимирович Шебаршин

Советский разведчик. Генерал-лейтенант.
Родился 24.03.1935 в Москве.

1957	Окончил Московский государственный институт международных отношений МИД СССР
1958–62	Переводчик, атташе, 3-й секретарь посольства СССР в Пакистане
1962–71	Служба во внешней разведке в центральном аппарате ПГУ КГБ СССР, в резидентуре в Пакистане
1971–77	Заместитель резидента, резидент внешней разведки в Индии
1977–79	Работа в центральном аппарате ПГУ КГБ СССР
1979–83	Резидент внешней разведки в Иране
1983–87	Заместитель начальника Информационно-аналитического управления ПГУ КГБ СССР
1987–89	Заместитель начальника ПГУ КГБ СССР
1989–91	Заместитель председателя КГБ СССР, начальник ПГУ
1991 (22–23.08)	Временно возглавлял КГБ СССР
1991 (30.09)	Вышел в отставку

После выхода в отставку был учредителем и президентом АО «Российская служба экономической безопасности».

Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги», знаками «Почетный сотрудник госбезопасности», «За службу в разведке».

Автор книг «Рука Москвы. Записки начальника советской разведки», «Из жизни начальника разведки», «Хроники безвременья», «Из жизни мелочные сны...», «Афоризмы от начальника разведки», «Последний бой КГБ», «Реквием по Родине».

Скончался 30.03.2012. Похоронен в Москве.

Балтабек Муханович Куандыков

Казахстанский нефтяник-геолог. Доктор геолого-минералогических наук. Заслуженный работник промышленности Республики Казахстан.

Родился в 1948 в с. Макат Гурьевской области Казахской ССР.

1971	Окончил Казахский политехнический институт
1971–75	Инженер-геолог Биикжальской НРЭ сверхглубокого бурения
1975–77	Инструктор Эмбинского райкома КПК
1977–79	Секретарь Атырауского обкома комсомола
1979–82	Заместитель начальника геологического отдела управления «Казнефтегазразведка»
1982–91	Начальник геологического отдела, главный геолог ПО «Атырау нефтегазгеология»
1991–93	Заместитель министра геологии и охраны недр
1993–97	Президент государственной компании «Казахстанкаспийшельф» — вице-президент ННК «Казахойл»
1997–98	Президент ЗАО «Казахойл»
1998–2001	Главный консультант «Шеврон Оверсиз Петролеум»
2001–06	Президент компании «Нельсон Ресорсиз Лимитед»
2006	Президент компании «Меридиан Петролеум»

Награжден орденом «Курмет», медалями. Лауреат государственной премии в области науки и техники им. аль-Фараби.

Акежан Магжанович Кажегельдин

Казахстанский государственный и политический деятель. Оппозиционер. Доктор экономических наук.

Родился 27.03.1952 в с. Георгиевка Жарминского района Семипалатинской области.

1974	Окончил Семипалатинский педагогический институт им. Н. К. Крупской
1985	Заочно окончил Алма-Атинский институт народного хозяйства
1976–79	Служба прапорщиком в УКГБ по Семипалатинской области
1979–84	Инструктор, заместитель заведующего, заведующий отделом Калининского райкома КПК Семипалатинска
1985–87	Председатель Кировского райисполкома Семипалатинска
1987–89	С лушатель курсов подготовки руководящего состава Высшей школы КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского, представитель кооператива «Созидатель» в Москве
1989–92	Директор Семипалатинского комбината по промышленной обработке строительно-декоративного камня
1992–96	Председатель Совета предпринимателей при Президенте РК
1993–94	Первый заместитель премьер-министра РК
1994–97	Премьер-министр РК
1998–2000	Председатель Республиканской народной партии Казахстана (РНПК). Выдвинул свою кандидатуру на президентских выборах

-
1999	Эмигрировал из страны, объявлен в международный розыск
2001	Верховным Судом РК приговорен заочно к десяти годам лишения свободы с конфискацией имущества

Награжден орденом «Парасат».

Автор нескольких книг по вопросам экономических реформ в Казахстане.

Манфред Герман Вёрнер

Немецкий государственный деятель.

Родился 24.09.1934 в Штутгарте. Член политической партии Христианско-демократический союз Германии.

Получил высшее юридическое образование в Гейдельбергом, Парижском и Мюнхенском университетах.

- 1961–62 Эксперт во внутренней администрации земли Баден-Вюртемберг, ФРГ
- 1962–64 Парламентский советник земельного парламента земли Баден-Вюртемберг
- 1964–65 Советник правительства района Гёппинген
- 1965–68 Депутат Бундестага
- 1969–72 Заместитель председателя фракции ХДС/ХСС в Бундестаге
- 1976–80 Председатель Комитета по обороне Бундестага
- 1982–88 Министр обороны ФРГ
- 1988–94 Генеральный секретарь НАТО

Награжден орденами «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия», «За заслуги перед землей Баден-Вюртемберг», «За заслуги перед Итальянской Республикой».

Скончался 13.08.1994. Похоронен в Баден-Вюртемберге.

Бирганым Сариевна Айтимова

Казахстанский комсомольский и государственный деятель, дипломат.

Родилась 26.02.1953 в пос. Бакаушино Западно-Казахстанской области.

1974	Окончила Уральский педагогический институт им. А. С. Пушкина, преподаватель английского языка
1974–76	Учитель в средней школе
1976–79	Секретарь комитета комсомола совхоза, зав. отделом Уральского обкома комсомола
1979–81	Первый секретарь Уральского горкома комсомола
1981–83	Первый секретарь Уральского обкома комсомола
1983–87	Секретарь ЦК ЛКСМ Казахстана
1987–90	Зам. председателя правления Казахского отделения Советского детского фонда
1990–93	Председатель комитета по делам молодежи Верховного Совета РК
1993–96	Министр по делам молодежи, туризма и спорта, депутат Сената Парламента
1996–2004	Посол в Израиле
2002–04	Посол в Италии
2004–07	Заместитель премьер-министра — министр образования и науки
2007–13	Постоянный представитель при ООН, посол на Кубе (по совместительству)
2013–19	Депутат Сената Парламента
2019	Зам. председателя Совета сенаторов

Владеет английским языком. Имеет дипломатический ранг чрезвычайного и полномочного посла.

Награждена орденами «Достык», «Парасат», «Курмет», «Знак Почета».

Шимон Перес

Президент Государства Израиль.

Израильский политик и государственный деятель.

Родился 02.08.1923 в с. Вишнево, Воложинский повет, Новогрудское воеводство, Польская Республика (ныне — деревня Вишнево Воложинского района Минской области Белоруссии).

1959–2007	Депутат Кнессета (Парламента) Израиля
1969–70	Министр абсорбции
1970–74	Министр связи и транспорта
1974	Министр информации и диаспоры
1974–77	Министр обороны
1977–2005	Создатель и лидер политической партии «Авода»
1984–86	Премьер-министр
1984	Министр по делам религий
1986–88	Министр иностранных дел
1988–90	Министр финансов
1992–95	Министр иностранных дел
1995–96	Премьер-министр, министр обороны
1999–2001	Министр регионального развития
2001–02	Министр иностранных дел
2005–07	Министр развития Негева и Галилеи
2007–14	Президент Государства Израиль

Известен как «отец» израильской атомной бомбы.

Автор 11 книг и большого количества публикаций и политических статей по истории арабо-израильского конфликта.

Скончался 28.09.2016. Похоронен в Иерусалиме.

Али Акбар Веляти

Иранский государственный деятель.

Родился 24.06.1945 в Ростамабаде, Шемиран.

Окончил медицинский факультет Тегеранского университета.

- 1981–97 Министр иностранных дел Исламской Республики Иран
- 1997 Советник Высшего руководителя Ирана аятоллы Хомейни
- 2005–13 Принимал участие в президентских выборах как беспартийный кандидат
- 2013 Председатель Центра стратегических исследований Совета целесообразности Ирана

Председатель Союза писателей Ирана.

Автор 35 книг. «Исламская культура и цивилизация», «Имам Махди. Спаситель человечества», «Мудрец Омар Хайям» переведены на русский язык.

Йоханнес Рау

Президент Федеративной Республики Германия.
Немецкий государственный и политический деятель.
Родился 16.01.1931 в Вуппертале.

1952	Окончил Школу книготорговцев в Кельне
1957	Вступил в Социал-демократическую партию Германии (СДПГ)
1958–98	Депутат ландтага земли Северный Рейн-Вестфалия
1968	Член правления СДПГ
1969–70	Обер-бургомистр Вупперталя
1970–77	Министр науки и исследований в правительстве земли Северный Рейн-Вестфалия
1978–98	Премьер-министр земли Северный Рейн-Вестфалия
1998–99	Заместитель председателя правления Фонда им. Фридриха Эберта
1999–2004	Федеральный президент Германии

Награжден федеральными и земельными орденами, а также орденами иностранных государств.

Скончался 27.01.2006.

Ганс-Дитрих Геншер

Немецкий государственный и политический деятель, дипломат. Доктор юридических наук.

Родился 21.03.1927 в Райдебурге, район Галле.

- 1945 Участие добровольцем в битве за Берлин.
Плен у американцев
- 1949 Окончил юридический факультет Лейпцигского университета
- 1949–52 Юрист-стажер участкового суда в Галле
- 1952–56 Адвокат в юридической компании в Бремене
- 1952 Вступил в Свободную демократическую партию (СвДП)
- 1956–59 Научный ассистент фракции СвДП в Бундестаге
- 1962–64 Управляющий делами СвДП
- 1968–74 Заместитель председателя СвДП
- 1974–85 Председатель СвДП
- 1974–92 Вице-канцлер, министр иностранных дел ФРГ
- 1992 Вышел в отставку с поста министра иностранных дел

Награжден орденами «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия», «За заслуги перед землей Северный Рейн-Вестфалия», многими иностранными наградами, в том числе казахстанским орденом «Достык».

Скончался 01.04.2016.

Сапармурат Агаевич Ниязов

Президент Туркменистана.

Родился 19.02.1940 в с. Кипчак, Туркменистан.

Отец погиб на фронте Великой Отечественной войны (этот факт не подтвержден), мать и двое малолетних братьев погибли во время ашхабадского землетрясения 1948 года. Воспитывался в детском доме.

1967	Окончил Ленинградский политехнический институт по специальности «инженер-электрик»
1967–70	Мастер Безмейской ГРЭС в Ашхабадской области
1970–76	Инструктор, зам. завотделом ЦК компартии Туркмении (КПТ)
1980–84	Первый секретарь Ашхабадского горкома КПТ
1984–85	Инструктор орготдела ЦК КПСС
1985	Председатель Совета министров Туркменской ССР
1990–2006	Президент Туркменистана
1993	Решением Меджлиса (Парламента) провозглашен главой всех туркмен с присвоением титула Туркменбаши Великий
2002	Народный Совет принял решение о пожизненном президентстве Ниязова

Скончался 21.12.2006. Похоронен в родном селе Кипчак в специально сооруженном еще при жизни мавзолее.

РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН
МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

№ *36*

*Настоящим удостоверяю,
что Указом Президента
Республики Казахстан
№ 2542 от 19.10.1995 г.*

Тюззатову
Вячеславу Каменовичу
присвоен
дипломатический ранг
Чрезвычайного и Полномочного
Посланника I класса

Министр

Токаев K. ТОКАЕВ

Свидетельство о присвоении дипломатического ранга
Чрезвычайного и Полномочного Посланника I класса

РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН
МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

№ 36

*Настоящим удостоверяю,
что Указом Президента
Республики Казахстан
№ 4060 от 14.10.1998 г.*

Гуззатову
Вячеславу Каменобичу
присвоен
дипломатический ранг
Чрезвычайного и Полномочного
Посла

Министр

Токаев

К. ТОКАЕВ

Свидетельство о присвоении дипломатического ранга
Чрезвычайного и Полномочного Посланника I класса

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
ПРЕЗИДЕНТІ

GERMANIA FEDERATIVTIK
RESPUBLIKASYNYŃ
PREZIDENTI
ЙОХАННЕС РАУ МЫРЗАҒА

*Копия Верительной грамоты на имя президента ФРГ
Йоханнеса Рау*

ЖОҒАРЫ МӘРТЕБЕЛІ!

Халықтар арасындағы ынтымақтастықты нығайту саясатына сәйкес және Қазақстан Республикасы мен Германия Федеративтік Республикасы арасындағы достық қатынастарды дамытуды көздей отырып, мен Вячеслав Хаменұлы Физзатовты Қазақстан Республикасының Германия Федеративтік Республикасындағы Төтенше және Өкілетті Елшісі етіп тағайындауды мақұл көрдім.

Вячеслав Хаменұлы Физзатов мырзаны осы Сенім грамотасымен тіркей отырып, **ЖОҒАРЫ МӘРТЕБЕЛІ**, оны ізгі ниетпен қабылдауыңызды, бұл кісінің менің атымнан және Қазақстан Республикасы Үкіметінің атынан **СІЗГЕ** баяндағандарының бәріне қалтқысыз сенуіңізді өтінемін.

Н.Назарбаев

Р. Д. З. З. З.

Сендіруші Е. Ыдырысов
Қазақстан Республикасының
Сыртқы істер министрі

Астана, 2000 жыл

И. И.

Копия Верительной грамоты на имя президента ФРГ
Йоханнеса Рау

КАЗАКСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ПРЕЗИДЕНТІНІҢ
АЛҒЫСЫ

Вячеслав Хаманұлы ФИЗЗАТОВҚА

*Қалайың жемдір бойы Сырғау ісәрі министрлігінде
басшылық қызметтер атқарған, асығынды таныған және өкілетті
кәсіпші міндеттерін орындау барысында Сіздің мақсаттарыңыздың сырғау
салған бағалыны жүдігіе асырған, өнұм шәкілдерімен
мылжымқасастығын, салған, экономикалық және мәдени
байланыстарын нығайтуға қосқан үлесіңіз үлкен.*

*Сізге белсенді де нәтижелі қызметтеріңіз үшін Ғылымға қолдау
бағдарымен, өзіңізге дәр деңсәулік, атақшылыққа бағуың-барға
тілекшімін.*

Н. Назарбаев
Нұрсұлтан Назарбаев

Әкімшісі: Қасымжан Аманжұол

Астана, 2002 жылғы сәуір

Благодарность президента РК Нурсултана Абишевича Назарбаева

В.Х.ФИЗЗАТОВҚА

Құрметті Вячеслав Хамеңұлы!

70-жылдан мерей жасыңыз құтты болсын!

Сіз көп жыл бойы Қазақстан Республикасының Сыртқы істер министрлігі жұртыңда жемісті еубек етіп, түрлі жоғары лауазымды қызметтерді абыроймен атқарып, еліміздің дипломатиялық қызметін ұтымды ұйымдастырып, Отанымыздың халықаралық беделін нығайтуға еубелі үлес қосып келесіз.

Сіз төрсіривелі кәсіби дипломат мамандардың бірі ретінде тәуелсіздік жылдарында Иран, Германия және Шүркіменстан сияқты елдерде Қазақстанның Шотенше және Өкілетті Елшісі міндеттерін табысты атқарып, өзініздің біліктілігіңізбен, азаматтық және отансүйімшілік қасиеттеріңізбен таңалдыңыз.

Сондай-ақ Сіздің Қазақстан Республикасы мен Ресей Федерациясы арасындағы мемлекеттік шекараны айқындау ісіне сүңірен еубеліңіз де маң.

Енді ардайым деніңіз сау болып, осы еубеліңіз бен абырой-беделіңіздің жаңысін ұламынап қара беріңіз. Салнды бақыш, отбасуымызға амандық пен тіліктер тілеймін.

Қазақстан Республикасының

Президенті

Н.Назарбаев

Астана, Ауарды, 2012 жылғы сәуір

Поздравление президента РК
Нурсултана Абишевича Назарбаева

Құрметті Вячеслав Хаменұлы!

Жетпіс жасқа толған мерейлі тойыңыз құтты болсын!

Сіз көп жылдар бойы Қазақстан Республикасының сыртқы істер жүйесінде абыроймен еңбек етіп, еліміздің халықаралық беделінің нығаюына елеулі үлес қостыңыз.

Егемен ел болып, енші алған тұста Отанымыздың сыртқы саясатының қалыптасуына ат салыстыңыз. Мол тәжірибеңіздің, табандылығыңыз бен кәсіби шеберлігіңіздің арқасында әріптестеріңіздің арасында лайықты бедел мен құрметке бөлендіңіз. Сыртқы істер министрлігінің орынбасары, Иран Ислам Республикасы, Германия Федеративтік Республикасы және Түрікменстан елдерінде Қазақстанның Төтенше және Өкілетті Елшісі міндеттерін табысты атқардыңыз.

Бүгінде Қазақстан Республикасының Сыртқы істер министрлігінің Ерекше тапсырмалар жөніндегі елшісі ретінде, Қазақстан Республикасы мен Ресей Федерациясы арасындағы мемлекеттік шекараны айқындау ісіне айрықша еңбек сіңіріп келесіз.

Сізге ұзақ ғұмыр, зор денсаулық, қажымас қайрат, отбасыңызға амандық пен бақыт тілеймін!

**Қазақстан Республикасының
Премьер-Министрі**

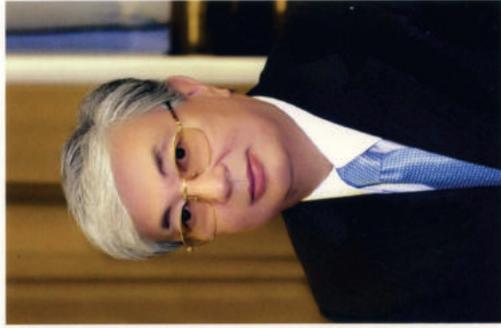

К. Мәсімов

Астана қаласы, 2012 жылғы сәуір

*Поздравление премьер-министра РК
Карима Масимова*

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ПРЕЗИДЕНТІ АЛҒЫС

Вячеслав Хаменұлы ГИЗЗАТОВҚА

Сіз кәсіби дипломат ретінде тәуелсіз мемлекетіміздің мүддесі мен әлемдік қоғамдастықтың ролінің арта түсуіне, елдің сыртқы саясатының қалыптасуы мен дамуына зор сіңіскен сіңірдіңіз. Мемлекетіміздің ішкі-сыртқы айналысу жолында да абыройлы жұмыс атқардыңыз.

Отандымыздың дүниежүзілік аренадағы беделінің нығайуына және дипломатиялық қызметке қосқан елеулі үлесіңіз үшін бағысымды білдіріп, сәйкес міндетті аяқтауыңыз, отбасыңызға бақ-берекесі тілеймін.

Тоқаш
Қасым-Жомарт Тоқаев

Смайлау Бекіткітқырмалы

Пр-Сұлтан, Астана, 2019 жылғы 2 шілде

Благодарность президента РК Касым-Жомарта Токаева

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

г.Москва, « 9 » апреля 2017 года

Уважаемый Вячеслав Хаменович,

От души поздравляю Вас со знаменательной датой – 75-летием.

Вам посчастливилось пройти долгий и яркий жизненный путь: работать на значимых должностях в подразделениях центрального аппарата и заграничных учреждениях МИД СССР и независимого Казахстана по всему миру, не раз принимать участие в переговорах на высшем уровне, занимать ответственный пост посла Республики Казахстан в странах Европы и Прикаспия. Отдельно отмечу Вашу многолетнюю деятельность в качестве руководителя Правительственной делегации Республики Казахстан по демаркации границ, в том числе самой протяжённой в мире – российско-казахстанской границы. Крепкие и доверительные отношения наших дипломатических служб зиждутся на прочном фундаменте, созданном в том числе и Вашим упорным трудом.

Примите самые тёплые пожелания здоровья, долголетия, благополучия и новых успехов в работе на благо взаимовыгодного сотрудничества России и Казахстана.

 С.ЛАВРОВ

ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ И ПОЛНОМОЧНОМУ
ПОСЛУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН,
РУКОВОДИТЕЛЮ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ
ДЕЛЕГАЦИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ПО ДЕМАРКАЦИИ ГРАНИЦ
В.Х.ГИЗЗАТОВУ

г.Астана

*Поздравление министра иностранных дел Российской Федерации
С. Лаврова*

Специальный представитель Президента Российской Федерации
Посол по особым поручениям МИД России

**РУКОВОДИТЕЛЮ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ПО ДЕМАРКАЦИИ ГРАНИЦ**

В.Х. ГИЗЗАТОВУ

Дорогой Вячеслав Хаменович!

Примите самые искренние поздравления по случаю 75-летия!

Ваш юбилей – это не только повод для подведения предварительных личных итогов многолетней плодотворной деятельности в сфере внешней политики и международной безопасности на благо СССР и независимого Казахстана, но и значимая веха в истории казахстанской дипломатической службы. Во многом благодаря Вам и Вашим коллегам с богатым опытом работы в советское время удалось наладить работу внешнеполитического ведомства нового государства, обеспечив своей стране широкое международное признание.

На протяжении многих лет Вы решали государственные задачи и возглавляли работу на самых сложных и ответственных участках. Профессионализм, незаурядные личные качества, глубокое понимание сложных внешнеполитических процессов и международных реалий, настойчивость в отстаивании интересов своей странынискали Вам заслуженное уважение. Работая на германском и каспийском направлениях, не раз слышал от иностранных партнёров высокие оценки Вашей посольской работы, которая была образцом эффективной дипломатии в весьма непростых политических условиях.

В этот знаменательный день позвольте пожелать Вам, дорогой Вячеслав Хаменович, крепкого здоровья, долгих лет активной и насыщенной жизни, неиссякаемой энергии и всяческого благополучия!

С глубоким уважением
Специальный представитель Президента
Российской Федерации по делимитации
и демаркации государственной границы
России со странами СНГ,
Посол по особым поручениям

И. Братчиков
И. Братчиков

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
119200, г. Москва, Г-200, Смоленская-Сенная плаццаль, 32/34
TEA: +7-(499)-244-41-39 • FAX: +7-(499)-244-36-91
E-Mail: IBratchikov@mfd.ru

08.04.2018

Поздравление специального представителя президента РФ
И. Братчикова

О присвоении звания
«Почетный гражданин Каратобинского района»

Сертификат о включении в энциклопедию «Кто есть кто в ФРГ»

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Вячеслав Гиззатов

ТОО «Издательский дом “Эксклюзив”»

Формат 60 x 86/16. Печать офсетная.

Объем 22 п. л. Times New Roman.

Бумага гл. Тираж 400 экз.